

МИОН

**Межрегиональные
исследования
в общественных науках**

*Министерство
образования
Российской
Федерации*

**«ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»**

*Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)*

*Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)*

*Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)*

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
РАННИХ КОЧЕВНИКОВ
ЕВРАЗИИ

МОНОГРАФИЯ

SOCIAL STRUCTURE
OF EARLY NOMADS IN EURASIA

Издательство Иркутского государственного
технического университета

2005

УДК 930.26
ББК 63.48(о)-52
С 692

Рецензенты:

д.и.н. Т.Д.Скрынникова,

д.и.н. Г.И.Медведев,

к.и.н. М.Г.Туров

Social Structure of Early Nomads in Eurasia. Ed. by N.N. Kradin, A.A. Tishkin, and A.V. Kharinsky. Irkutsk, 2005.

Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. — Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2005. — 230 с.

Целью работы является демонстрация опыта реконструкции системы статусов и рангов в архаических обществах на основе археологических данных. Эта проблема рассматривается авторским коллективом на примере изучения социумов так называемых ранних кочевников Евразии. В научный оборот вводится значительное количество источников, предложена их интерпретация. Много внимания уделяется методическим и теоретическим проблемам «социальной археологии», общим вопросам эволюции кочевников скотоводов Евразии.

Издание окажется полезным не только как методическое пособие для осуществления реконструкций социальной структуры по археологическим материалам, но и послужит стимулом для дальнейшего развития социальной археологии номадизма в нашей стране в целом. Оно рассчитано на археологов, историков, социологов, культурологов, этнографов и других исследователей, занимающихся изучением кочевников.

ISBN 5-8038-0330-8

© Коллектив авторов 2005
© Издательство Иркутского государственного
технического университета, 2005
© АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука.
Образование)», 2005

СОДЕРЖАНИЕ|CONTENTS

Introduction by <i>N.N. Kradin, A.A. Tishkin, A. V. Kharinsky</i>	
Введение. <i>Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин, А.В. Харинский</i>	23
Chapter 1. Reconstruction of Social Structure of Early Nomads in Archeology by <i>N.N.Kradin, A.A.Tishkin, S.A. Vasjutin</i>	
Глава 1. Реконструкции социальной структуры ранних кочевников в археологии. <i>С.А. Васютин, Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин</i>	22
Chapter 2. Methodological Problems of Reconstruction of Social Structures in Archeology by <i>A.V.Korotaev, N.N.Kradin, A.A.Tishkin, S.A. Vasjutin</i>	
Глава 2. Методологические проблемы реконструкции социальных структур в археологии. <i>С.А. Васютин, А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин</i>	23
Chapter 3. Upper Reaches of Ob River in XII-IX Centuries AD: Methods and Reconstruction by <i>S.S. Tikhonov</i>	
Глава 3. Верхнее Приобье в XII IX до н.э.: методики и реконструкции. <i>С.С. Тихонов</i>	34
Chapter 4. Mountain Altai in Scythian Epoch by <i>P.K. Dashkovsky, A.A. Tishkin</i>	
Глава 4. Горный Алтай в скифскую эпоху. <i>П.К. Дашковский, А.А. Тишкин</i>	34
Chapter 5. The Steppe Scythia: Paleoeconomical Approach by <i>N.A. Gavriljuk</i>	
Глава 5. Степная Скифия: палеоэкономический подход. <i>Н.А. Гаврилюк</i>	34
Chapter 6. Sargat Culture of Western Siberia by <i>N.P. Matveeva</i>	
Глава 6. Саргатская культура Западной Сибири. <i>Н.П. Матвеева</i>	64
Chapter 7. Bulan-Kobinsky Culture in the Mountain Altai by <i>S.S. Matrenin, A.A. Tishkin</i>	
Глава 7. Булан-кобинская культура Горного Алтая. <i>С.С. Матренин, А.А. Тишкин</i>	34
Chapter 8. Hsiung-nu culture of Baikal Region by <i>N.N. Kradin, S. V. Danilov, P.B. Kononov</i>	
Глава 8. Хуннская культура Забайкалья. <i>Н.Н. Крадин, С.В. Данилов, П.Б. Коновалов</i>	43
Chapter 9. Kokel Cemetery in Tuva by <i>D.G. Savinov</i>	
Глава 9. Кокэльский могильник в Туве. <i>Д.Г. Савинов</i>	55
Chapter 10. The Population of East Altai in Pre-Turkic Time by <i>S.A. Vasjutin, A.S. Vasjutin</i>	
Глава 10. Население Восточного Алтая в претюркское время. <i>С.А. Васютин, А.С. Васютин</i>	33
Chapter 11. General and Especial in Reconstruction of Early Nomads Structure by <i>N.N. Kradin, A.A. Tishkin, S.A. Vasjutin</i>	
Глава 11. Общее и особенное в реконструкции структуры ранних кочевников. <i>С.А. Васютин, Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин</i>	23

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга посвящена одной из ключевых проблем археологической науки — проблеме реконструкции общественной структуры архаического общества на основе интерпретации данных погребального обряда. Нельзя сказать, что это проблема абсолютно новая для археологии. Реконструкция социально-экономических отношений всегда интересовала археологов. Особенный импульс развитию социологических изысканий придали работы о неолитической и городской революциях выдающегося британского археолога В. Г. Чайлда. Очень много было сделано в этой области также в рамках процессуальной археологии на Западе и в марксистской археологии в СССР и других странах Восточной Европы. Без преувеличения можно сказать, что мы имеем дело с давно сложившимся научным направлением, которое имеет большой опыт реконструкций и интерпретаций в данной области.

Правильнее всего было бы назвать его социальной археологией. В рамках такого подхода и создавалась данная коллективная монография. Однако используемое название в археологической науке понимается и воспринимается по-разному. Например, В.Ф. Генинг (1988) предлагал таким образом определять марксистский этап в отечественной археологии (и в «новой» археологии на Западе). Он полагал, что главной целью для исследователей является реконструкция древних обществ как социально-исторических целостностей в закономерностях их развития.

Подобная постановка проблемы, кстати, типична для марксистской науки, для которой наиважнейшей задачей являлось рассмотрение исторического процесса в виде прогрессивной смены одних общественных форм другими. В таком направлении должны были работать и археологи. От них зависела интерпретация данных о многих периодах истории. Поэтому В.Ф. Генинг (1983: 219) сформулировал так определение археологии — это «наука, изучающая историческое развитие социальной структуры отдельных древних обществ по закономерностям выражения этого развития в предметном мире данных обществ и сохранившихся от него остатков в археологических памятниках». Этот подход оспаривался во многих исследованиях теоретического и практического уровня, в частности, в работах Л.С. Клейна (2004). Однако практически никем не опровергалась сама возможность каких-либо реконструкций на основе археологических данных, в том числе и в сфере социальных отношений. Кроме того, как раз именно реконструкция рассматривалась в качестве одной из глав-

ных целей археологической науки, что позволило Л.С. Клейну (2004: 159–162), рассматривать ее сугубо прикладной характер.

На Западе словосочетание «социальная археология» иногда используется по сути дела как синоним понятию «новая» или процессуальная археология. В таком понимании рассматриваемый термин, возможно, стал популярен после выхода одноименной книги К. Ренфрю (Renfrew 1984). Другой вариант наименования этого направления — антропологическая археология (Gibson 1984). Однако процессуализм является только одним из подходов в современной археологической науке, и было бы неправильным сводить все существующие школы и тенденции только к одной из них. По этой причине представляется более корректным использовать обозначение «социальная археология» для определения одной из субдисциплин археологии (Darvill 2002), задачей которой является реконструкция общественных отношений и систем прошлого на основе изучения многочисленного корпуса источников (Redman et al. 1978; Renfrew 1984: 3; Dark 1995: 88 ff.; Lynn, Prencel 2004). Данное наименование существенным образом расширяет исследовательские возможности. В то же время, оно позволяет сосредоточиться на эффективном решении ограниченного круга проблем, используя специфические методы. Отечественные археологи также приходят к тому, что это самостоятельная археологическая субдисциплина, задачей которой является аргументированная реконструкция структуры древних обществ на основе комплекса имеющихся данных (Бобров 1997; 2003).

Существует предложение социальную археологию рассматривать в пограничной области параархеологической теории, обосновывая это тем, что рамки выявляемых общественных закономерностей шире предметного поля собственно археологического источниковедения (Клейн 1991; 2004). Так или иначе как суб- или метадисциплина социальная археология предполагает наличие определенных знаний, теоретико-методологических принципов, а также конкретных методик интерпретации археологического материала. Она тесно пересекается с такими науками как история, социология и антропология (этнология), а в рамках последней науки с такими антропологическими субдисциплинами как экономическая и политическая антропология.

В нашей стране долгие годы основной книгой в рассматриваемой области знаний являлась работа В.М. Массона «Экономика и социальный строй древних обществ» (1976), которая оказала огромное влияние не на одно поколение археологов, занимавшихся в своих исследованиях социологическими реконструкциями. Однако после 1991 г. тематика подобных изысканий оказалась не особенно популярной. На первый план в отечественной археологии выдвинулись новые направления, связанные в первую очередь с естественными науками. Именно этот подход способствовал осуществлению многих выдающихся открытий. Тем не менее, нельзя сказать, что никто не занимался вопросами социальных реконструкций. Накоплен огромный опыт, требующий последовательного обобщения.

За последние шестнадцать лет было проведено несколько конференций и опубликованы их материалы: в Кемерове (1989, 1997, 2003 гг.), Томске (1990, 1998 гг.), Барнауле (1994, 1997, 2004 гг.), Москве (2000, 2004 гг.), Санкт-Петербурге (2002 г.), Иркутске (2003) и в некоторых других городах России. В определенной степени назрела необходимость в активизации подобных исследований. Это предполагает реализацию в рамках обозначенного направления не только эмпирических изысканий и реконструкции конкретных сообществ, но и определение наиболее эффек-

тивных теоретико-методологических подходов. Данная книга отчасти направлена и на восполнение имеющихся пробелов. Целью работы является демонстрация опыта рассмотрения одного из важнейших аспектов, который заключается в том, как с помощью археологических источников можно реконструировать систему статусов и рангов в архаических обществах. Эта проблема рассматривается авторским коллективом на примере изучения социумов так называемых ранних кочевников Евразии.

Почему для исследования были выбраны именно начальные этапы становления и развития номадизма? Во-первых, по этому периоду накоплен достаточно объемный археологический материал, уже позволяющий проводить определенные обобщения. Во-вторых, социальная организация кочевых обществ изучена достаточно подробно. При этом ее основные параметры мало изменились со времен древности, что позволяет привлекать для интерпретации сравнительно-исторический метод и этнографические сведения. В-третьих, существует достаточно развитая историографическая традиция в области реконструкции социальных структур именно ранних кочевников. Все это вселяло определенный оптимизм и надежду на реализацию проекта, результаты которого будут востребованы археологическим сообществом и найдут отражение в последующих исследованиях разного уровня.

Несколько слов о термине «ранние кочевники». Он появился в рамках советской исторической науки (Грязнов 1939; Черников 1960 и др.). Нередко его использовали как своеобразный аналог пятичленной схеме формаций применительно к истории номадизма. При этом все кочевники древности были отнесены либо к дофеодальной (военная демократия и т.д.) стадии, а все номады средневековья занесены в список феодальных обществ разной степени сложности. Применительно к кочевничеству в этом плане сформировалась концепция, согласно которой население евразийских степей технологически подразделялось на два хронологических периода: эпоху ранних кочевников и эпоху поздних кочевников.

Соответственно сложилось представление, что у ранних кочевников отсутствовали те элементы материальной культуры, которые были характерны для поздних: разборная юрта, вытеснившая «дома на колесах», утварь из легких и прочных материалов, седло, стремя, кочевание отдельными аилами и пр. В целом, ранние кочевники — это время формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов, период племенных союзов и «военной демократии», а поздние кочевники — это эпоха функционирования сложившегося кочевничества.

Сейчас ясно, что такое деление было искусственным, в реальности между кочевниками древности и средневековья гораздо больше общего, чем отличного (Хазанов 1975; Khazanov 1984; Крадин 1992; и др.). Юрта была известна и древним номадам (хунну, ухуани, усунь и др.), а жилища на колесах использовались в Монголии вплоть до нового времени. Орудия труда, применяемые в скотоводческом хозяйстве, крайне просты и практически не изменились с древности до наших дней. То же самое можно сказать и в отношении различных пород животных, которые скорее являлись следствием биологической адаптации к конкретным экологическим условиям, чем зависели от селекции скотоводов. Стремена, судя по исследованиям последнего времени, вообще были изобретены не в степном мире. Куренная и аильная системы кочевания не исключали друг друга, а их конкретное бытование было обусловлено различными экологическими, экономическими, социальными и политическими факторами.

Тем не менее, мы не призываем отказываться от использования понятия «ранние кочевники». Однако, в этот термин не нужно вкладывать какое-либо социально-экономическое или культурное содержание. Подобно «древности» и «средневековью» он достаточно удобен в качестве хронологического обозначения существования кочевых обществ определенного исторического периода — в данном случае от становления номадизма до середины I тыс. н.э. Его можно использовать как синоним термину «древние кочевники», предложенному в свое время А.М. Хазановым (1975: 272). В то же время мы не воспринимаем кочевой мир как нечто застывшее, не подверженное никаким технологическим, социально-экономическим и культурным изменениям, в принципе. Ранние кочевники действительно не знали, например, стремян, жесткого седла, тяжеловооруженной сабельной конницы, мировых религий и т.д. Только на закате эпохи древности появляются качественно важные совершенства, создаются степные империи и происходят существенные изменения. Средневековье демонстрирует уже другой период в истории номадизма.

Таким образом, книга обобщает существующие на настоящий момент неоднократно апробированные теоретические и практические подходы к реконструкции социальной структуры ранних кочевников по археологическим данным, основанным главным образом на интерпретации материалов погребально-поминальной обрядности. Надеемся, что этот коллективный труд окажется полезным для многих коллег и послужит стимулом для дальнейшего развития социальной археологии в целом.

Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин, А.В. Харинский

SUMMARY

This book is devoted to reconstruction of the social structure of archaic society using the funeral rites. This question has been considered by the authors by the example of early nomads of Eurasia. Why they? First, a large volume of data concerning the early nomads was accumulated. Second, the nomads' social organization has been well studied and we can carry out the cross-cultural investigations of the early and late nomads. Third, there is a substantial experience of reconstruction of the early nomads' structure. All of this has lent certain optimism and hopes of a realization of the project whose results would be called for by the archaeological community and be reflected in the subsequent studies of different levels.

It is necessary to say a few words about the term *early nomads*. It has appeared within the framework of the Soviet historical school. It was often used as an original analogue of the scheme of fifth modes of production. Now it is clear that such a division was artificial because, in reality, the similarity between the ancient and medieval nomads is greater than difference between them. However, we use the term early nomads. It was handy for designing the nomadic societies of the specified historical period — in this case, a period from nomadism formation to the mid First millennium A.D. It could be used as a synonym of the term ancient nomads. At the same time, we do not perceive the nomadic world as a something that is, in principle, frozen and not subject to any technological, social-economical and cultural changes. Indeed, the early nomads were not acquainted, for example, with stirrups, rigid saddle, saber cavalry with heavy armament, world-wide religions etc. As early as end of the antiquity epoch, the qualitatively important perfections appear, the steppe empires are established and essential changes occur. The Middle Ages demonstrate just different period in the nomadism history.

In Chapter 1, N.N. Kradin, A.A. Tishkin, S.A. Vasyutin give a review of the studies concerning the interpretation of the social structure of early Eurasia nomads. For the most part, they consider the works of the Soviet and post-Soviet researchers as they have made the greatest contribution to discussion of this subject. The authors identify three stages in development of social reconstructions in the early Eurasia nomads' archaeology. In 1920s, the archaeology was considered as an auxiliary section of the history. The materials of excavations were basically used as the lifelike pictures to citations of ancient chronicles or abstract sociological Marxist patterns of the slave-holding mode of production in the antiquity and nomadic feudalism in the Middle Ages.

Beginning in the mid-1930s and up to the mid-1960s, the outstanding discoveries of the archaeological sites were made in the areas from the Black-Sea Scythia to Transbaikalia. A conception of early nomads appears. The most significant works in the field of social reconstructions were written by M.P. Gryaznov, S.V. Kiselev, S.I. Rudenko, K.F. Smirnov and Yu.N. Grakov. Particular emphasis has been placed on the criteria of the social stratification by way of which, monumentality of structure, composition of a set, volume of labor inputs for erection of a burial mound were considered. The researchers became aware of an importance of the planigraphical analysis. In these years, a conception of three social layers — elite, ordinary and poor nomads — was widespread.

From mid-1960s, one can tell about the final formation of the basic schools in the Soviet archaeology. One of them, the social archaeology was. As its leader, the archaeologist from Leningrad/St-Petersburg V.M. Masson is considered. The great effect on the Soviet social archaeology was made by the American new archaeology of L. Beanford. Masson has more actively introduced the use of such criterion as a volume of labor inputs. The opinion is gradually formed that feudalism is a not obligatory way of nomads' evolution. The social archaeologists arrived at the conclusion that in the empires of early nomads, the number of social ranks was more than three. With developing of computers, the social archaeologists became to use the statistical methods. Several schools of statistical studies of nomads' — Kiev (V.F. Genning, E.P. Bunyatyan) and Moscow (G.A. Fedorov-Davydov, G.E. Afanasyev, M.G. Moshkova) were established. The usual study included a number of successive operations — analysis by sex and age, analysis of ranks based on volume of labor inputs per a burial and accompanying set, spatial investigation of cemeteries, comparison of *poor* and *rich* cemeteries, reconstruction of social organization of the nomadic society.

After the USSR collapse and rejection of the Marxist paradigm in the archaeology, new ideas came from the western anthropology — conceptions of chiefdom and early state, civilization and world-system approaches. As the Scythian subjects proved to be mainly in the sphere of attention of the Ukrainian archaeologists, the cultures of Altai and Siberia became the basic range of the modern Russian social archaeology. The practical experience of the modern Russian social archaeology allows us to create the complex techniques for studying the social structure of nomads using the archaeological data. Among new problems which are actively discusses now are peculiarities of the gender inequality, age ranks in the context of the Indo-Aryan and Eurasian models of the society structure of early nomads, spatial analysis of cemeteries and family-clan structure, ranking of elite, criteria of professional groups (soldiers, cattle-breeders, priests etc.), reflection of ideology in the funeral rites, the number of groups in the social structure and accuracy of comparison of groups of like burials with social ranks of nomads.

In Chapter 2, A.V. Korotayev, N.N. Kradin, A.A. Tishkin, and S.A. Vasyutin consider the general problems of the social structure reconstruction in the archaeology using data of burials. First, they discuss the common approaches to the study of social structure. The functional approach interprets the society as a totality of roles important for a group. The conflict approach assumes a different access to resources and stratification. Further, authors discuss different conceptions, especially, processual and post-processual approaches in the archaeology. As the methodology for studying of the social stratification using archaeological sources, one can take an assumption according to which the power strength is defined by the control scale over the energy sources (productive resources, spoils, commodity turnover etc.), energy accumulators (warehouses, for nomads — herds

of cattle, treasure houses etc.) and control over the redistribution of the energetic flows (Adams 1975). Consequently, the higher was an individual status, the more splendid was a stock lowered together with him to the grave. However, very many so called royal burials of ancient civilizations and cultures were pillaged. For this reason, one can agree with those researchers who believe that such criterion as the amount of power inputs for construction of the burial structures correlate, as a rule, with the rank of the deceased, volume of this power in this life-time and can be used to reconstruct the social structure of the archaic society.

The study procedure assumes a necessity to perform a number of consecutive operations:

1. Identification of the mortuary ritual peculiarities, preparation of a list of signs, entering information into the computer data base (for this purpose, the specialized program).

2. Identification of factors significant for age division of set.

3. Division of the set into adult and children burials.

4. Identification of factors significant for sex division of the array of adult burials.

5. Division of the set into the male and female burials.

6. Examination of differences in the mortuary ritual within the homogeneous of uncertain burials.

7. Identification of strong factors relating those of other intragroup clusters with different categories of the grave goods.

8. Interpretation of the results obtained.

To identify the signs significant for those or other sex-age and social groups the *factor* analysis was used. For isolation of social groups within the homogeneous sex-age sets, the *cluster* analysis was applied.

In Chapter 3, S.S. Tikhonov considers the territory of the upper reaches of Ob River during the Bronze Age, the 12-9 centuries B.C. He has reconstructed the economy of the ancient population which was occupied with the cattle-breeding and, to a lesser degree, hunting and fishing using the osteological collections and ethnographic parallels. This was a group of 60-80 people. On the average, men and women died at the age of 25 to 35 years. 30-40% of men and 25-30% of women lived up to 55 years. Only 5-10% of men and women achieved the age more than 55 years. The highest mortality among children was noted at the age of before 7 years. The social differentiation of local population was not pronounced. As for things, a division into more rich, intermediate and poor burials of men, women and children is traced but differences are not great.

In Chapter 4, P.K. Dashkovsky and A.A. Tishkin consider the cultures of Scythian period in the Mountain Altai. This period consists of two cultural traditions — Biikensky (end of the IX century — first third of the VI centuries B.C. — and Pazyryksky — second third of the VI–II centuries B.C. The Pazyryksky culture is well known in the archaeology for excavations of elite burial mounds. Because of the permafrost, not only a great deal of things, fabrics, wood but also mummies of ancient people have remained intact.

The basis for the population ranks was the sex-age structure. The vertical hierarchy was based on the property, social, professional and other differentiations. In this case, if, during the Early-Scythian period, a weak differentiation of the above structures is observed then, during the Pazyryksky time, the hierarchy was already more pronounced which was also reflected in the funeral rites of nomads. The authors prepared the computer data base of the Pazyryksky culture on the basis of 219 burial mounds of 88 cemeteries. Their analysis

includes the study of differences between sexes, ages as well as differences within these general aggregates. The main criteria of a division into groups were sizes of the funeral construction, peculiarities of a burial, presence of things, burial of a horse. As a result, Dashkovsky and Tishkin have identified 8 ranks for men and women and 5 ranks for children. They believe that this assumes the complex stratification in the Altai society of the day. The rich burial mounds of elite confirm it.

Of the Pazyryksky culture, the strong militarization is characteristic. In the majority of burials, a weapon is present. In the society, a tendency to forming of the group of professional soldiers making up an armed force was outlined. A share of burial of burials of men-at-arms is about 30% of men burials. Dashkovsky and Tishkin believe that this society has already passed through a level of complex chiefdoms and has been on the path to the early state.

In Chapter 5, N.A. Gavrilyuk gives a brief sketch of the Scythian steppe society evolution. She is based on the conclusions of her book published several years ago (Гаврилюк 1999). It is most detailed study of Scythians after the known book of A.M. Khazanov (Хазанов 1975). Gavrilyuk reconstructs a dynamics of Scythia population, she believes that about 20 thousands people have come to the area near the Black Sea. At the end of the 4 century B.C., population of this area has reached 680 thousands people. The nomadic pastoralists was the leading branch of the agrarian economy of the Steppe Scythia. In the 4 century B.C., the Scythians began to be occupied with the semi-nomadic cattle-breeding, farming and the settled way of life appeared. The agriculture products are only used within the society. Among the Scythians, a handicraft is developed which is inferior to the handicraft of agricultural people of the East Europe in technology. The trade communications are established with the Greek settlements. The nomads have supplied to the Greeks slaves receiving the gold in exchange. Gavrilyuk attempts to determine how much in the Greek money was the construction of one tsar's burial mound of Scythians. It was about 50 slaves at prices of Attica or 500 slaves at prices of colonies. Such the number of slaves could be received in two or three raids. These costs are equivalent to those for the construction of one average house or not rich temple in the Athens.

In Chapter 6, N.P. Matveyeva considers the Sargat cultural community in the 5 century B.C. — 5 century A.D. in the West Siberia (in detail, see summary in the paper of Матвеева 2000: 386-394). She has used data of 949 burials of 57 cemeteries. At first, she has divided all of burials into four stages. Then, she has studied not robbed burials and revealed the signs characteristic of groups of men, women, children and also different ages. It turned out that the elders have a higher status. This makes itself evident in the riches of grave goods and planigraphy of burials. There is an inequality between men and women. At the early period, women were more rarely buried at the centre of burial mounds than men. The burials of the elder men are much more often found at the centers of mounds. However, the elder women had an important status parts in the society.

After that, Matveyeva has revealed several groups in each sex-age aggregate. As the criteria, the deviations from the average statistical sizes of burials and things in a burial were used. She has identified 7 models for adult men, 7 ones for adult women (with consideration for burial mounds of elite, the number of groups was 9-10) and 5 teenager groups. She has interpreted the structure of the Sargat society as consisting of three basic strata: different groups of elite (25%), average class, ordinary people, poor categories (in all, about 75%) and dependent categories (about 0.5%). At that, she notes that the arms are not characteristic of ordinary groups of population. Beginning from the middle-

Sargat period, the arms is found in the burials of predominantly young men (26.6%). She attributes them to men-at-arms.

Matveyeva believes that this population has created a complex political hierarchy which is close to the nomadic Hsiung-nu empire in the complexity level. However, these nomads used mainly the remote methods of exploitation of their neighbors — war, tribute, trade. They had no towns, written language, bureaucracy. Therefore, this society was only pre-state one.

In Chapter 7, S.S. Mitrokhin and A.A. Tishkin have presented the results of a studying of the Bulan-Kobinsky culture in the Mountain Altai. This period was referred in the Eurasia to as the Hun and Sarmatian epoch from the 2 century B.C. to the 5 century A.D. They have studied 577 burials of 37 cemeteries. The sizes of funeral structures for this cultural tradition have only in part reflected the age differentiation of the dead people but have not reflected the sex one. The sizes of these structures have also not allowed us to determine the social and property statuses of the late people. Such signs as the accompanying burials of horses and meat food have also reflected mainly the sex and age differentiations.

The main criterion of the sex-age, professional and rank differentiations of population was the accompanying grave goods. A bow and arrows accompany the majority of burials of men of all ages. However, the armor and swords are not found in the burials of youths in which the fighting knives and daggers are also encountered more rarely. These differences demonstrate the personal military services of the dead people. In the burials of the aged people, some reduction of the arms quantity takes place and, in them, the armors are absent. In the women's burials, a variety in the quantity of ornaments is observed. One can identify five groups of which, different quantities of ornaments are characteristic. However, a belt is also a status factor. A significance of the household things, implements and ceramics for the ranks of the dead people has been not possible to trace. They reflected a division of labor between the sexes. Examining the correlation between the signs of things in the burials, Matrenin and Tishkin have identified three social groups for the men, women and children burials.

In Chapter 8, N.N. Kradin, S.V. Danilov, and P.B. Konovalov study the cemeteries of the Hsiung-nu culture from territory of Buryatia (in detail, see summary Крадин, Данилов, Коновалов 2004: 101-104). The Nomadic Empire of Hsiung-nu was a tribal one. It was tribal confederation in the area of internal relations, and also was a conqueror *xenocratic* nomadic statehood formation to the other nations and peoples. The social structure of Hsiung-nu had many levels of hierarchy. The highest level of the social pyramid was occupied by the Shan-yu and his relatives (Luan-ti clan). The representatives of other noble clans, tribal chiefs and service nobility have ranked next. And further, the most mass social group of the society — economically independent ordinary pastoral nomads — has been placed. At the bottom of the social pyramid, different categories not possessing rights have been: impoverished nomads, semi-vassal settled people, captives-tributaries being engaged in agriculture and handicraft and, possibly, slaves (for details see: Kradin 2000; Крадин 2002, summary).

For analysis, the authors have selected materials for four most extensively studied cemeteries in the Baikal like area: Ilmovaya pad', Cheremukhovaya pad', Dyrestuisky Kultuk, Ivolskiy cemetery (in all, 426 burials). The study of the cemeteries of the Transbaikalian Hsiung-nu revealed the complex social structure, presence of the hierarchical system of the ranks traced in different sex-age and national groups of the society. The richest

burials were concentrated in the Ilmovaya pad' cemetery. Here, three ranks are identified in the burials of both men and women. The men's burials of Cheremukhovaya pad' are combined into several different groups which, possibly, reflect a nature of their activities during life-time. In the female (women's) burials of Cheremukhovaya pad', two groups were revealed. In Dyrestuisky Kultuk cemetery also three ranks are identified in the burials of both men and women. Four hierarchical ranks for men and five ones for women were identified in Ivolginsky cemetery. The certain differentiation of children burials into «rich» and «poor» ones can be traced (most pronounced differences were found for Ivolginsky cemetery were 3-4 groups were identified). However, it should be borne in mind a part of children burials including not poorest ones was related to sacrifices.

In Chapter 9, D.G. Savinov analyzes the social structure of people buried in the cemetery Kokel, 2-3 centuries AD in Tuva. He believes that the multi-rank social differentiation is not here revealed. So called «poor» (or burial without goods) burials are at all absent. The groups of soldiers are also identified. The study of the burials' planigraphy shows that the burials of the related groups were there. Savinov constructs a taxonomy of the hierarchy levels of the related groups: large mounds-cemeteries = two or several related *aals* (one *aal* numbers 5-10 jurts) • separate burial grounds in the large mounds-cemeteries and small mounds-cemeteries = *aal* community • joint burials with the following burials = one family. For the time being, one can not understand where is a place in the social system of single burial mounds representing, most likely, the burials of persons occupying, for those reasons or others, special places in the social hierarchy (or not being members of this group).

In Chapter 10, S.A. Vasyutin and A.S. Vasyutin consider the cemetery Kok-Pash of the pre-Turkic time in the East Altai. Here, 44 mounds were excavated in 1981-1987. In Chapter, data of 20 mounds are analyzed: 2 children mounds, 10 women and 8 men burials. As the signs for revealing the sex-age and social groups, the authors chose the sizes of funeral structures, depths of graves and things. The majority of the women graves were richer than men ones. The authors explain this by the fact that local men were vassals and performed military service in foreign country. The functions concerning the housekeeping and protection of territory and herds are given to the women population. The study of the cemetery demography shows that the number of people living at one time in Kok-Pash does not exceed 25-26. Those were representatives of two not great family-clan groups in which women had main part.

In Chapter 11, N.N. Kradin, A.A. Tishkin, S.A. Vasyutin provide some results of studying the social structure of nine societies of early nomads. First, the social structure of any society can be described from the viewpoint of both functional and conflict theory. The social space can be considered both in the horizontal (family, clan, tribal relations) plane and in the vertical (ranks, statuses) one. Second, when studying statuses, it is important to distinguish criteria of rank and power. Third, the reflection of social structure in the material artifacts is fixed through a creation of the middle rank theory (Saxe 1970; Binford 1971; Tainter 1975 etc.). Fourth, it is necessary to construct cultural model for each society. In it, it is needed to consider a effort-expenditure principle, authority symbols, planigraphy of burials. Of great importance are the sample, examination of palaeodemography and mortality. Our interest is also with the fact how the number of ranks can suggests what society have we — chiefdom, early state or other alternative formations.

ГЛАВА 1. РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В АРХЕОЛОГИИ

С.А. Васютин, Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин

Данная глава основана на анализе взглядов отечественных исследователей. Это обусловлено тем, что наибольший вклад в изучение так называемых ранних кочевников Евразии был внесен русскоязычной наукой. Именно отечественные авторы преимущественно осуществляли социальные реконструкции обществ кочевников. Это обусловлено как географическим расположением объекта исследования, так и традиционными приоритетами российской науки. Не случайно, еще в 1920-е годы П.Н. Савицкий отмечал, что кочевниковедение по преимуществу является российской наукой (сноска).

Вклад в обозначенную тематику западных авторов на настоящий момент не настолько значителен, чтобы говорить о каких-то сложившихся историографических тенденциях (Kenk 1984; Jacobsen 1987; Дженито 1994; Бернабей, Бондиоли, Гуиди 1994; Бишони 1994; Hanks 2002; и др.). За редким исключением, нам почти не известны, к сожалению, работы подобного плана в научной литературе стран Восточной Азии — в Японии (Усуки 2004), Китае (Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь 1980, 1980а) и Монголии (Доржсурэн 1961; Сэр-Оджав 1971; и др.). Мы вполне допускаем, что это обусловлено не только отсутствием подобных исследований, но и языковым барьером. Впрочем, особенности развития социологических интерпретаций в археологии указанных стран (за исключением, конечно, Японии) не должны сильно отличаться от соответствующих тенденций в отечественных разработках, поскольку длительное время они эволюционировали под большим влиянием нашей науки и в русле общей методологической парадигмы.

История исследования ранних кочевников Евразии в дореволюционной, советской и современной российской науке насчитывает длительный период времени. При этом необходимо отметить, что на всех этапах развития отечественной археологии существующие реконструкции социальной структуры кочевников определялись тремя ключевыми обстоятельствами: во-первых, объемом источниковой базы, качеством раскопок, применением новых методик и повышением уровня анализа материалов; во-вторых, господствующими в обществе и в исторической науке методологическими

установками и парадигмами; в-третьих, персоналиями исследователей, их успехами, сложностью ставившихся и решаемых задач, а в конечном итоге их талантливостью и научной смелостью.

К сожалению, в небольшом очерке невозможно коснуться работ абсолютно всех исследователей, которые внесли существенный вклад в изучение социальной структуры ранних кочевников Евразии. В некоторых случаях наш выбор тех или иных примеров был обусловлен значимостью трудов конкретного автора, степенью распространенности его идей в отечественной археологии, принадлежностью исследователя к той или иной научной школе и, наконец, использованием материалов, которые касаются последующих глав этой книги. Если кто-то именно в данном разделе оказался не упомянутым, то просим иметь ввиду, что сделано это не умышленно. По такому случаю, мы отсылаем всех интересующихся обозначенной тематикой к историографическим работам, посвященным тем или иным специальным аспектам изучения социальных реконструкций ранних кочевников (Крадин 1987; Писаревский 1989; Васютин 1998; Тишкин, Дашковский 2003, 2004; и др.).

У истоков социологических реконструкций

Изучение памятников номадов началось во второй половине XIX в. (А.А. Бобринский, А.А. Спицын, А.С. и П.С. Уваровы, В.В. Радлов, Н.И. Веселовский, Н.Е. Бранденбург, А.В. Адрианов и др.). В первых десятилетиях XX в. возник уже солидный фонд источников. При обобщениях по социальной истории исследователи в большей степени ориентировались не столько на материалы грандиозных погребальных сооружений (Ульские курганы, Солоха, Чергомлык, Огуз и др.), сколько на сведения, содержащиеся в античных трудах, и, прежде всего, на данные Геродота.

Активное рассмотрение проблем реконструкции общества древних кочевников по археологическим данным началось уже после 1917 г. Во многом это обусловлено тем статусом, который отводился исторической науке в марксистской идеологии. Историкам была поставлена задача по-новому осмыслить основные этапы исторического процесса. Это привело к целому ряду теоретических и конкретно-исторических дискуссий. Обсуждения касались и специфики общественных отношений у кочевников.

Можно выделить четыре периода в развитии обозначившегося круга идей. Первый (1920-е — начало 1930-х гг.) характеризуется относительной свободой выбора различных подходов на раннем этапе становления советской науки. Одни исследователи придерживались мнения о первобытной природе кочевых обществ, другие считали, что номады создавали государственность. Существовала также промежуточная точка зрения. Второй период (1934 — середина 1950-х гг.) связан с доминированием теории «кочевого феодализма». Согласно официальной точке зрения, основой феодализма у кочевников была собственность на землю. По мнению некоторых ревизионистов, ведущее значение имела собственность на скот. Эти разногласия привели к нескольким бурным дискуссиям, пик которых пришелся на 1953–1956 гг. Третий период (1956–1990 гг.) связан с некоторым ослаблением идеологического пресса над общественными науками после XX съезда КПСС. Это привело к появлению различных интерпретаций номадизма. В результате оформилась концепция дофеодального и раннеклассового характера рассматриваемых обществ, обозначилось мнение о существовании у кочевников азиатской формации, высказы-

влась точка зрения об особом способе производства (подробнее об этой дискуссии см.: Хазанов 1975; Коган 1981; Халаль Исмаил 1983; Khazanov 1984; Марков 1976, 1989, 1998; Крадин 1987, 1992, 2001; Попов 1986; Gellner 1988; Писаревский 1989; Масанов 1995; Васютин 1998; и др.). Четвертый период касается близких к нам современных исследований. Начался он после распада Советского Союза и отражает свою специфику, что довольно подробно зафиксировано в данной книге.

Имеет смысл рассматривать процесс изучения социальных реконструкций по археологическим данным, соотнося его, в той или иной степени, с выше указанными периодами. На первом этапе в дискуссиях об общественном строе ранних кочевников скифская тематика занимала одно из центральных мест. Одни ученые исходили из эволюционистской концепции, оценивая характер скифского социума как догосударственный (Семенов-Зусер 1931). В структуре общества, как правило, выделялись две («богатые» и «бедные») или три социальные группы (рядовые кочевники, родовая или племенная знать, вожди). Более сложный характер отметил М.И. Ростовцев (1925). Социальная структура скифского государства включала, по его представлениям, несколько компонентов: 1) главный царь, подчиненные ему цари трех царств, номархи и аристократия царских скифов; 2) остальная часть царских скифов, которая группировалась вокруг аристократических лидеров в дружины и являлась для основного населения Скифии таким же господствующим классом скифов-завоевателей; 3) аристократия скифов-кочевников; 4) скифы-земледельцы с господствующим классом либо из местной аристократии, либо из аристократии скифов-царских; 5) нескифские племена, которые жили за днепровскими порогами, во главе с местной аристократией, поддававшейся влиянию скифской культуры; 6) подневольное и зависимое население в среде скифов-царских, положение которого не конкретизировалось (Ростовцев 1989: 204–206).

Ближе всех к интерпретации скифского общества подошел Ю.В. Готье (1925: 247–248), показав, что основу государственности составляли внешнеэксплуататорские отношения. Исследователь разделил скифские курганы по богатству инвентаря на три вида: «царские», «погребения вождей и вельмож», бедные погребения «подвластного населения». Конечно, это скорее набросок стратификации общества, но и он увел от двухмерного стереотипа, распространенного в археологической литературе первой трети XX в. («богатые» и «бедные» погребения, как отражение двух основных слоев в кочевых социумах), и подчеркивал сложность общественного устройства Скифии. Интересно, что в предложенной схеме отсутствовали погребения среднего слоя кочевников, составлявшего, по словам самого Ю.В. Готье (1925: 247), основу «кочевой орды».

1920-е гг. стали временем раскопок знаменитых памятников кочевников в Сибири и Монголии (Ноин-Ула, Пазырык, Кудырге, Шибэ и др.). Благодаря открытиям, совершенным плеядой выдающихся отечественных исследователей, — П.К. Козловым, С.А. Теплоуховым, С.И. Руденко, М.П. Грязновым, С.В. Киселевым и др., кочевниково-ведческие исследования получили мощный импульс. Раскопки в Ноин-Уле (Козлов 1925; Теплоухов 1925) дали науке бесценный материал для характеристики хуннского периода в истории народов Центральной Азии. Почти при полном отсутствии письменных источников археологические исследования в ряде регионов приобретали решающее значение для изучения проблем социальной организации кочевников. Важную роль сыграла классификация С.А. Теплоуховым (1929) древних памятников в районе с. Батени в Минусинской котловине, так как она определяла на тот момент круг со-

поставимых между собой объектов, что явилось важной предпосылкой социальных реконструкций в археологии.

Вторая половина 1920-х и первые годы 1930-х гг. прошли в бурных дискуссиях. В это время широкое распространение в отечественной науке получил стадильный подход к изучению древних обществ, одним из разработчиков которого стал академик Н.Я. Марр. Влияние этой теории достаточно четко прослеживается в концепции ранних кочевников М.П. Грязнова (Тишкин, Дашковский 2003: 19–20). Можно отметить и другие разработки. Для кочевниковедческих исследований, помимо внутренних дебатов о соответствии истории номадов схеме пяти формаций, важное значение имело обсуждение вопросов о предмете и методе археологии («истории материальной культуры»), о теоретических основах социологии и ее соотношении с историческим материализмом и историей, об азиатском способе производства. Обозначившиеся процессы социально-политического развития страны и развернувшиеся политические репрессии оказали существенное влияние на развитие археологии. В массовых репрессиях и «разоблачительных» кампаниях конца 1920-х и 1930-х гг. в той или иной степени пострадали почти все наиболее выдающиеся исследователи, изучавшие кочевников: С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, А.А. Миллер, Ю.В. Готье, Г.И. Боровка, В.В. Бартольд, Б.Н. Граков, Б.Э. Петри, Н.Н. Пальмов, М.П. Грязнов и многие др. В 1931 г. в Москве перестал существовать РАНИОН, серьезной реорганизации подвергся ГАИМК, сократился объем исследований (особенно в 1931–1932 гг.). Имевшиеся результаты не издавались, произошло падение интереса к изучению конкретных данных.

Поскольку в тот период археология понималась как часть исторической науки — сначала как история материальной культуры, позднее как «история, вооруженная лопатой» или как вспомогательная историческая дисциплина, отпадала необходимость в разработке специальных методов анализа и интерпретации археологических материалов. Еще в конце 1920-х гг. типологический метод был подвергнут критике как порождение буржуазного эволюционизма. Все это способствовало распространению представлений о природе археологических источников только как о живых картинках, реальных иллюстрациях к цитатам из текстов древних историков. Немалое число социологических реконструкций того времени выполнены именно в такой манере.

Первые интерпретации

Ко времени окончательного утверждения в стране марксистской методологии к 1934 г. получила распространение схема пяти формаций. В форме непререкаемой догмы она вошла в учебные и справочные издания. При этом кочевники древности были отнесены к первобытно-общинной формации или к раннерабовладельческому обществу, а номады средневековья и нового времени — к феодализму.

Поскольку пятичленная схема предполагала подгонку эмпирического материала под однолинейный евроцентризм, применительно к истории кочевников она достаточно быстро себя дискредитировала. На вооружение была взята менее идеологизированная схема — деление на «ранних» и «поздних» кочевников. Принято считать, что первое из этих понятий было введено в научный оборот М.П. Грязновым (1939). Общества так называемых ранних кочевников, существовавшие до середины I тыс. н.э., рассматривались как догосударственные, раннеклассовые или раннефеодальные. Сложение зрелой феодальной государственности произошло в период существования «поздних» кочевников — в эпоху средневековья. При

этом словосочетание «кочевой феодализм» постепенно заменялся другим — «патриархально-феодалные отношения».

Забегая вперед, отметим, что в наиболее последовательном виде сформулированная теория нашла отражение в ряде таких крупных коллективных изданий, как «История Бурятской АССР» (1954 г.), «Всемирная История» (Т. II, 1956 г.), «Очерки истории СССР» (1956 г.), «История Сибири» (Т. I, 1968 г.), «История Казахской ССР» (1977 г.), «История МНР» (несколько изданий), «История древнего мира» (Т. III, 1983 г.), «История народов Восточной и Центральной Азии» (1986 г.), «Археология СССР» (1992 г.) и др. Членение на две стадии, т.е. на ранних и поздних кочевников, впоследствии приобрело популярность среди ученых ряда социалистических стран (Harmatta 1952; Доржсурэн 1961; Сэр-Оджав 1971; Сухбаатар 1975, 1980; и др.).

Общей чертой археологических исследований первого периода была незначительная роль анализа конкретных материалов, преобладание общих оценок и рассуждений. В археологии сказывалось отсутствие специальных методик, направленных на выявление социальной стратификации. Принципиально важную роль в разработке концепции ранних кочевников сыграли сотрудники созданной в апреле 1930 г. группы по изучению истории кочевого скотоводства в секторе архаической формации ГАИМК. Задачи данного коллектива, в который входили М.И. Артамонов, М.П. Грязнов, В.В. Гольмстен (руководитель) и Г.П. Сосновский, определялись следующие: построение историко-культурных комплексов и их социологическая интерпретация. В орбиту исследований оказались вовлечены практически все известные к началу 1930-х гг. памятники кочевников степной полосы Евразии. Общая проблема делилась на ряд тем и подтем, выполнение которых предоставляло возможность социоисторических трактовок археологических данных.

Несмотря на то, что группа проработала до осени 1931 г., были получены важные результаты концептуального характера, нашедшие отражение в последующих работах исследователей (Тишкин, Дашковский 2003: с. 21–22). Кроме этого, сформировались идеи частного характера. Например, М.И. Артамонов (1939: 127) считал, что рабство у скифов появилось очень рано, но оно не выходило за пределы домашнего. По мнению М.П. Грязнова (1937: 7, 1940: 17–18), социальная дифференциация скифских погребальных комплексов не противоречит идее сохранения у древних кочевников родовых отношений. Наиболее существенными результатами работы группы ИКС стало признание исторических фактов, что в эпоху бронзы в степях Евразии процветало комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство срубно-андроновского типа, а кочевое скотоводство окончательно утвердилось в период распространения железа в скифо-сарматских культурах (Тишкин, Дашковский 2003: 22).

В 1939 г. при написании отдельного параграфа для коллективного труда «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» М.П. Грязнов отметил, что для эпохи ранних кочевников Алтая характерно «разложение» первобытнообщинного строя, появление социальной дифференциации и рабства в позднескифский период. Учитывая особенности погребального обряда населения Горного Алтая скифского времени, он выделил три группы курганов, соответствующих социальному статусу погребенных: 1) бедные; 2) более богатые (средние); 3) огромные курумы (Грязнов 1939: 407–411). Предложенная трехуровневая социальная дифференциация была типичной для того периода. Немного позднее М.П. Грязнов отметил, что в указанную эпоху у кочевников наблюдается не только развитая социальная дифференциация, но и сложная политическая струк-

тура общества (Тишкин, Дашковский 2004: 48). Это выразилось, в частности, в господстве кочевников-скотоводов над оседлыми скотоводческо-земледельческими группами населения (Грязнов 1947: 14–15).

Определенный интерес социальная история «пазырыкского» общества вызвала у С.И. Руденко, который, как М.П. Грязнов и С.В. Киселев, предложил в зависимости от монументальности сооружений подразделить курганы скифского времени на три основных группы, соответствующих социальному статусу умерших людей (Тишкин Дашковский 2004: 31). В результате такого подхода выделялись: 1) погребения рядовых номадов; 2) курганы знати (племенной и/или родовой); 3) погребения вождей племен (Руденко 1952: 54; 1953: 257). Давая традиционную для того времени стратификацию кочевого социума, С.И. Руденко подчеркивал, что уровень имущественной дифференциации у «горно-алтайцев» был ниже, чем у саков или скифов Причерноморья. Следствием этого явилось наличие в «пазырыкском» обществе не только знатных, но и зажиточных семей, у которых в частной собственности находилось больше скота, чем у других соплеменников (Руденко 1952: 56).

Важным показателем в палеосоциологических реконструкциях С.И. Руденко являлся планиграфический анализ могильников. Исследователь указал на перспективность такого метода и продемонстрировал его возможности на примере изучения погребально-поминальных сооружений Горного Алтая. По мнению С.И. Руденко, курганная группа — это кладбище одного рода. Пять больших объектов в урочище Пазырык он предложил рассматривать как погребения вождей племен из трех родов или семей, что хорошо прослеживалось по планиграфии памятника. Так, в пределах Пазырыкского комплекса С.И. Руденко (1952: 56) выделил три группы: (1) курганы №1 и 2; (2) курганы №3 и 4; (3) стоящий особняком курган №5.

В целом, исследования М.П. Грязнова, С.В. Киселева и С.И. Руденко в этот период внесли значительный вклад не только в изучение социальной истории кочевников, но и в целом в разработку методики палеосоциологических реконструкций (Тишкин, Дашковский 2001, 2003, 2004). Исследователи прекрасно продемонстрировали возможности комплексного подхода к таким реконструкциям на основе привлечения археологических, этнографических, палеозоологических, антропологических и других данных. Особое внимание было обращено на критерии социальной стратификации, в качестве которых рассматривались монументальность сооружения, состав инвентаря, объем трудозатрат на сооружение кургана и т.д.

В послевоенный период развернулись широкомасштабные полевые изыскания в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе, в Поволжье, Южном Приуралье, Казахстане, Туве, Алтае, Хакаско-Минусинской котловине, Забайкалье, а также и в Монголии. Огромный фактический материал, накопленный за эти годы, позволил исследователям поставить решение вопросов социальной организации кочевников на новый уровень, руководствуясь уже не общесоциологическими закономерностями, а основываясь на интерпретации археологических источников.

В 1950-е гг. Б.Н. Граков активно развивал концепцию скифской рабовладельческой государственности. Поскольку патриархальные рабы, рабы военнопленные и незначительное количество рабов-должников не могли характеризовать скифов как рабовладельческое общество, археолог выдвинул новую гипотезу о существо-

вании в Скифии рабов, положение которых напоминало уровень существования «греческих гелотов» и «пенестов» (Граков 1950: 10, 1954: 21–23). По мнению Б.Н. Гракова, о складывании у скифов классового социума говорили большие курганы IV в. до н.э., принадлежавшие конной аристократии, данные иконографии, появление знаков царского достоинства (скипетров, тиар и пр.), наличие царской стражи на манер персидской. Исследователь обратил внимание на найденные в «царских» курганах золотые бляшки с изображением Геракла. Сочетавший в себе классические греческие элементы и атрибуты скифа (броня-пояс и лук) образ Геракла, по версии ученого, соотносился с Таргитаем, родоначальником скифов, сыном Зевса. Данный образ и сюжетные навершия жезлов Б.Н. Граков (1950: 12, 1954: 21) предлагал рассматривать как пропаганду прямого происхождения «...новой, единовластно правившей ветви скифских царей от прежней фамилии, производившей себя от Зевса через Таргитая-Геракла». Таким образом доказывался царский статус правителей Скифии, сакрализация которых нашла отражение в украшениях скифской эпохи. Концепция Б.Н. Гракова перевела спор о кочевой государственности из теоретической плоскости в область практических исследований и доказательств. Это являлось важным шагом в решении проблем социального развития кочевников. Данные реконструкции были поддержаны в той или иной мере многими скифологами 1950–1960-х гг.

Представляют несомненный интерес выводы, к которым пришла В.А. Ильинская, исследуя скифские курганы под Борисполем. Среди изученных объектов она выделила захоронения в катакомбах и ямах с сопровождавшими погребениями рабов, рабынь-наложниц и «рабынь-нянек». Подобные интерпретации всегда остаются под вопросом, но в ряде случаев доводы исследовательницы оказались достаточно убедительны: отсутствие инвентаря, поперечная ориентация по отношению к основному(ым) погребенному(ым), положение в скорченной позе в ногах «хозяина», во впускной яме катакомбы или в подбое за пределами срубной конструкции, а также захоронение в самой низкой части погребальной камеры катакомб, в то время как основное погребение совершалось на специальной площадке (Ильинская В.А., 1966: 156, 158–159, 161–164, 166, 168). По мнению В.А. Ильинской, в бориспольских курганах была ярко представлена низшая социальная группа скифского общества — «сословие рабов-слуг», находившихся в услужении у свободных скифов. Она отметила, что погребения «рабов» встречались не только в богатых курганах, но и в могилах рядовых общинников, причем этому имелись аналогии в степи. Приведенные данные свидетельствовали о довольно значительном распространении рабства в быту простых скифов. Выявленные сопроводительные захоронения позволили предположить существование в скифском социуме довольно жестоких форм рабства и многочисленность рабов (Ильинская 1966: 166–167).

Оригинальную попытку скоррелировать данные археологических и письменных источников о «савроматских амазонках», впрочем вызывающую в последние годы немало обоснованных возражений (см., например: Зуев 1996), предпринял Б.Н. Граков. Он попытался показать, что археологически может быть прослежено наличие пережитков матрилинейного рода у ранних кочевников Южного Приуралья и Поволжья и их постепенное исчезновение. При этом ученый ориентировался не только на традиционные факторы (состав инвентаря), но одним из первых использовал метод социальной планиграфии. По мнению Б.Н. Гракова, воинственность и большая роль женщин в культовой жизни «савроматов» (позднее исследователи отказались от подобной этнической атрибуции местного населения. — *Авт.*), нашли отражение в женских погребениях с оружием и жреческими принадлежностями (бронзовые зеркала, алтарики, краски и

т.д.). Исследователь обратил внимание на одиночное расположение таких объектов в «савроматское время» в Южном Приуралье. Вокруг курганов группой или цепочкой выстраивались сооружения раннесарматского времени, что трактовалось Б.Н. Граковым (1947: 110) как семейные погребения вокруг могилы своего «женского предка».

Крупнейшим специалистом в области археологии в 1950–1970-е гг. был К.Ф. Смирнов, который первым из советских археологов попытался дать развернутую характеристику социальной организации ранних кочевников Поволжья и Южного Приуралья. В исследованных курганах К.Ф. Смирнов зафиксировал женские захоронения с оружием и погребения так называемых женщин-прародительниц. Сходные захоронения были обнаружены и на других могильниках левобережья Волги (Смирнов 1959: 318–319; Сеницын 1959: 198; 1960: 158, 160). Для ученых того времени данные факты, так или иначе, свидетельствовали в пользу точки зрения Б.Н. Гракова. Однако против подобного мнения выступили В.П. Шилов (1959: 430–432), И.П. Берхин-Засецкая и Л.Я. Маловицкая (1965: 143–147, 153). В.П. Шилов полагал, что наличие оружия в женских погребениях нельзя рассматривать как свидетельство «пережитков матриархата», так как подобное явление широко распространено и у средневековых кочевников. Оружие лишь указывало на участие женщин «в войне и охоте». Аргумент, высказанный исследователем, стал одной из отправных точек пересмотра подходов к решению проблемы «гинекократии».

В начале 1960-х гг. К.Ф. Смирнов (1961а: 6, 1964: 198) пересмотрел свою оценку отдельных могильников «савроматов», справедливо полагая, что каждый из них принадлежал роду или большой семье, а погребения в одном кургане — малой семье. Различия в размерах насыпей, в устройстве внутримогильных сооружений и составе инвентаря бедных погребений быковской группы, а также курганов богатых могильников Пятимары-I и у с. Покровка на р. Илек дали исследователю основание утверждать, что по данным археологии наблюдается «процесс выделения из состава одной семейно-родовой группы людей, занимавших особое общественное положение...». К таким лицам он относил родовых старейшин, жрецов, племенных вождей и их приближенных, среди которых видную роль играли дружинники. Согласно концепции автора, в больших курганах некрополя Пятимары-I были погребены шесть знатных семей. В их руках была сосредоточена военная власть и торговля с далекими странами (Смирнов 1961а: 6–7, 1964: 199–201, 214).

Одним из важнейших компонентов исследований К.Ф. Смирнова являлась попытка археологическими методами выявить погребения «дружинников». Полигоном послужил могильник Пятимары-I, материалы которого, как писал ученый, «подтвердили существование вооруженных телохранителей у военного предводителя из богатого рода». В частности, в кургане №8 погребение знатной семьи (мужчина, женщина, ребенок), где у мужчины в инвентаре имелся «начальнический жезл», сопровождали два воина. Привилегированное положение последних подчеркивали находки длинных всаднических мечей, золотые ворворки от португалии, золотые серьги и пр. Под насыпью располагались сопровождающие захоронения пяти коней (по числу покойников). Конструкция кургана свидетельствовала об одновременности всех погребений. К числу дружинных археолог отнес «распаханные курганы», окружавшие шесть больших насыпей могильника Пятимары-I (Смирнов 1961а: 9, 1964: 213–214).

Относительно рядовых и зависимых слоев общества К.Ф. Смирнов писал, что население, подчиненное аристократии, в силу родовых традиций сооружало высокие насыпи над могилами знати. Главы семей выступали как военные предводители, кото-

рых сопровождали в загробный мир дружинники и телохранители. Отсюда вытекал один из главных выводов автора, что в Южном Приуралье на р. Илек, при господстве военной демократии, общественное развитие «савроматских» племен в V в. до н.э. достигло уровня, в «какой-то степени приблизившегося к уровню общественного развития царских скифов эпохи Геродота...» (Смирнов 1961а: 9–10, 1964: 214). Для Поволжья, как отметил ученый, подобных фактов нет, так как большие курганы на данной территории не раскапывались, а рядовые беднее и однообразнее приуральских. По словам археолога, родоплеменная аристократия там в экономическом и военном отношении была слабее и еще не противопоставляла себя основной массе сородичей и соплеменников. Исходя из этого, К.Ф. Смирнов (1964: 214–215) высказал предположение о сохранении родового строя у «савроматов» Поволжья.

Период с конца 1940-х гг. по 1960-е гг. по праву можно назвать «классическим» в исследовании, публикации и обобщении пазырыкских материалов Алтая. Ведущая роль в этом принадлежала С.И. Руденко, М.П. Грязнову и другим исследователям, которые затронули в своих работах и вопросы общественного устройства горно-алтайского населения (Тишкин, Дашковский 2003, 2004). Важное методическое значение имел анализ М.П. Грязновым материалов первого Пазырыкского кургана. Огромные размеры могильного сооружения (каменная насыпь 1800 м³; яма объемом 196 м³; 500 бревен для сруба; общие трудозатраты, составлявшие по оценке М.П. Грязнова 2500–3000 человеко-дней) убеждали, что подобный погребальный комплекс мог быть построен только родом или даже племенем. Как считал исследователь, в кургане захоронен «не просто богатый человек, а представитель общественной власти», «племенной вождь». Сочетание фамильных кладбищ (цепочек больших курганов) и высокое социальное положение погребенных в этих некрополях свидетельствовали, по мнению ученого, в пользу того, что «как богатство, так и высшие общественные должности в роду и племени передавались по наследству» (Грязнов 1950: 68–69).

Подтверждение своим взглядам М.П. Грязнов нашел в процессе изучения захоронений коней за пределами сруба. Исследователь обратил внимание, что животные различались по меткам на ушах, поэтому их следовало считать собственностью разных владельцев. Об этом же, как полагал исследователь, говорил анализ особенностей седел и уздечек. Немаловажным, по наблюдениям археолога, являлся и факт, что в могиле оказались кони, а не лошади: трудно представить, чтобы за один раз были убиты сразу 14 производителей одного стада. Из констатации этих моментов вытекал главный вывод автора, что кони и сопровождавший их инвентарь являлись подношениями покойному от подчиненных ему подразделений. По его мнению, «это были дары племенному вождю от десяти родовладык» (Грязнов 1950: 69–70). Данная интерпретация не являлась новой. Подобные трактовки можно обнаружить в довоенных работах других исследователей.

М.П. Грязнов (1950: 71) также предположил, что практика подношения даров вождю существовала и в повседневной жизни, что являлось «нормой экономических отношений» между массой основных производителей и должностными лицами в роде и племени. Опираясь на свои выводы, исследователь попытался реконструировать состав «пазырыкского» социума по числу родовладык, подносивших дары вождям. В результате, получалось, что племя, вождь которого был погребен в Первом Пазырыкском кургане, состояло из 10 родов, во втором — из 7, в третьем и четвертом — из 14, в Берельском кургане — из 16, в Шибинском — из 14. При этом цифры 7 и 14 ученый считал не случайными, а свидетельствующими

о фратриальном делении «пазырыкцев», что являлось характерной чертой всех народов, находившихся на стадии военной демократии (Грязнов 1950: 71).

Предложенная М.П. Грязнова реконструкция социально-потестарной системы «пазырыкцев» вызвала возражения со стороны С.И. Руденко, который был против концепции «посмертных даров» и возможности таким образом зафиксировать структурный состав пазырыкских племен. Ученый полагал, что погребенные кони не входили в табун, а являлись верховыми и принадлежали лично погребенному. По определению специалиста В.О. Витта, обнаруженные в пазырыкских курганах животные не были жеребцами-производителями, а являлись меринами, т.е. кастрированными особями. Метки на ушах могли свидетельствовать лишь о том, что кони могли когда-то иметь разных хозяев. Как подчеркивал исследователь, в пазырыкских курганах обнаружено много однотипных седел, а детали узды имели следы изношенности, неоднократно чинились и, следовательно, не могли быть изготовлены специально для погребальной процессии в качестве «даров».

Как уже выше сказано, С.И. Руденко полагал, что горно-алтайские племена «отставали» в социальном развитии от других скифских народов, что выражалось в отсутствии в археологических материалах данных о рабстве и «менее милитаризованном облике» ранних кочевников Алтая по сравнению с другими номадами скифского времени. В связи с этим ведущая роль в общественно-политической системе, по оценкам С.И. Руденко, принадлежала не вождям, а родовым старейшинам и только в случае войны «племена объединялись теснее», а роль военачальников возрастала. Исследователь считал, что не все комплексы «больших» курганов демонстрировали наследование общественной власти. В частности расположение пазырыкских курганов группами (1 и 2, 3 и 4, и отдельно 5) позволили исследователю высказать гипотезу о принадлежности погребенных в них «вождей» трем родам или семьям (Руденко 1948: 55, 1952: 33, 55–60, 116, 1953, 1960: 237–243).

Отдавая должное замечаниям С.И. Руденко, необходимо отметить, что выводы М.П. Грязнова строились на основе скрупулезного анализа фактического материала. Впервые в отечественной историографии для аргументации своего мнения исследователь применил комплексную методику палеосоциологического анализа, обосновал и показал значение методов трудозатрат и планиграфии, провел сравнительный анализ коней в «элитных» погребениях пазырыкской культуры, попытался на основе археологических источников создать модель социально-политических отношений в пазырыкском обществе. Достоинство комплексного подхода М.П. Грязнова заключалось в универсальности и возможности применения при изучении памятников других кочевых групп. Позже подобная методика использовалась археологом при обобщении результатов исследования кургана Аржан. Структуризация погребального пространства первого Пазырыкского кургана была отправной точкой для одной из самых ценных идей М.П. Грязнова (1961), сыгравшей в последующем значимую роль в социальных реконструкциях — представление о кургане как архитектурном памятнике.

Важную роль в развитии представлений о социальной организации ранних кочевников Казахстана сыграли работы К.А. Акишева, Г.А. Кушаева, С.С. Черникова. В течение нескольких лет (1957, 1959–1962 гг.) велись раскопки сакских погребений Бесшатырского могильника, расположенного на правом берегу р. Или. Несмотря на ограбленность практически всех погребений, материалы некрополя легли в основу реконструкции К.А. Акишевым стратификации сакского общества. Он

предположил, что выделенные им по размерам и конструкциям три группы курганов принадлежали трем социальным группам населения: вождям племен (курганы диаметром 50–105 м и высотой 8–17 м), воинам, прославившимся в походах, и племенной знати (насыпи диаметром 30–45 м и высотой 5–6 м), рядовым кочевникам, «совершившим подвиг и удостоенным в честь этого лежать рядом с «царями» и знатью» (диаметром 6–18 м и высотой 1–2 м). Отдельно К.А. Акишев рассмотрел памятники рядового населения. Он располагал материалами только 35 раскопанных курганов (VII–IV вв. до н.э.) из шести могильников. Согласно представлениям археолога, данные могильники являлись «родовыми кладбищами» на площади которых размещались погребения больших патриархальных семей (Акишев 1959, 1962; Акишев, Кушаев 1963). По существу К.А. Акишев одним из первых на основе археологических источников продемонстрировал социальную стратификацию кочевнических погребений, включавшую четыре ступени. Главным достоинством являлась попытка вычленить отдельные слои в составе привилегированного населения, что не делалось в то время даже на материалах наиболее изученной причерноморской Скифии.

Становление социальной археологии

Третий период дискуссии о социальном строе кочевников (середина 1950-х — начало 1990-х гг.) характеризуется некоторым ослаблением вмешательства официальных политических кругов в сферу науки после XX съезда КПСС. Это привело к значительному оживлению исторической науки, возобновлению дискуссии об азиатском способе производства, которая подтолкнула к новым интерпретациям специалистов в области изучения генезиса государственности. Был пересмотрен вопрос о соотношении классового и политического генезиса. Выяснилось, что сложная иерархическая организация власти возникла задолго до появления частной собственности. Это потребовало разработки нового понятийного аппарата («дофеодальное общество», «раннеклассовое общество» и др. (Неусыхин 1968; Гуревич 1970, 1972; Илюшечкин 1990). Схожие идеи высказывались в зарубежной науке (Service 1975; Claessen, Skalnik 1978). Позднее из неозволюционистской антропологии была заимствованы термины «вождество» и «раннее государство» (Хазанов 1979; Васильев 1982, 1983; и др.).

Именно в русле данных идей продолжалась дальнейшая дискуссия о характере общественного строя ранних кочевников. Следствием этого стала выработка новых нефеодальных подходов в нomaдологии. В этот период дискуссии в отечественном кочевниковедении были высказаны четыре основные точки зрения на характер социального строя нomaдов: (1) *предклассовое общество*; (2) *раннее государство*; (3) *феодализм*: (а) ортодоксальный вариант теории кочевого феодализма, (б) его «саунная» версия; (в) власть над нomaдами как основа феодализма; (г) становление феодализма в ходе седентеризации «от кочевий к городам»; (4) особый *номадный* или *экзополитарный* способ производства у кочевников.

Исследования ранних кочевников в этот период достигли своего максимального размаха. В 1960–1980-е годы в Северном Причерноморье, Казахстане, Алтае, Туве и Хакаско-Минусинской котловине кочевнических погребений было изучено больше, чем за все предыдущие годы. Раскопки скифских комплексов около г. Орджоникидзе и кургана Аржан продвинули вперед представления ученых о социальной структуре кочевников. Не менее важны исследования рядовых погребений скифов и хунну.

Результаты их дополнили данные кочевниковедческой археологии, ранее нередко представленной только наиболее яркими памятниками.

Именно в этот период окончательно сложились основные исследовательские направления советской археологии (Клейн 1993). Принадлежность к тем или иным научным парадигмам и школам обусловила и особый подход к социально-экономическим реконструкциям ранних кочевников. Для большинства советских исследователей, археология являлась специализированной частью исторической науки («история, вооруженная лопатой» по А.А. Арциховскому). Данную дисциплину и сейчас традиционно изучают на исторических факультетах. Исследователи получают научные степени по историческим наукам. Отличие археолога от историка представляется только в том, что он использует помимо нарративных данных и особую категорию источников — вещественные материалы. Сторонники этой концепции длительное время критически относились к необходимости выработки специального понятийного аппарата археологии.

Другое важное направление отечественной археологии тесно связано с этнографией. Л.С. Клейн (1993: 43–44) соотносит его, главным образом, с реконструкцией этнических процессов на основе археологических материалов. Однако, возможно, более существенным является иной контекст данной науки — применение сравнительно-исторического метода. Не без оснований считается, что систематическое использование данного метода является отличительной чертой антропологической (этнологической) науки. «Историк занимается, как правило, историей или Англии, или Японии, или девятнадцатого века, или эпохи Возрождения. Если же он занимается систематическим сравнением моментов истории различных стран, периодов или направлений, он становится философом истории или антропологом» (Клакхон 1998: 332).

Блестящие перспективы использования сравнительных этнографических данных применительно к средневековым обществам продемонстрировал еще до начала Второй мировой войны выдающийся французский историк-медиевист, основоположник исторической антропологии М. Блок. Касательно социологических интерпретации ранних кочевников Евразии определенную роль сыграли исследования А.М. Хазанова и особенно его книга о социальной истории скифской державы (1972, 1975, 1976 и др.). Уже само название монографии говорит об интеллектуальной близости автора идеям основоположника школы анналов. Исследование построено в основном на интерпретации античных источников в сравнительно-историческом контексте. Археологические источники занимают в работе неглавное место. Тем не менее, книга оказала огромное влияние на деятельность многих археологов.

Главной методологической посылкой А.М. Хазанова являлось предположение об однотипности моделей эволюции номадов древности, средневековья и нового времени, в схожести их социальной организации. Автор продемонстрировал возможность сопоставления палеоэкономических данных и сведений о хозяйстве номадов нового времени, показал сложный, многоуровневый характер социальной структуры скифов, не сводимой только к трем социальным группам, выделил две тенденции в эволюции раннегосударственных образований у кочевников Евразии. Впоследствии, расширив объем сравнительно-исторических параллелей, А.М. Хазанов написал еще одну книгу о более общих проблемах истории и этнографии кочевников Евразии (Khazanov 1984=1994). К сожалению, эта работа оказалась труднодоступной для русскоязычных

читателей, однако она была положительно встречена в зарубежной науке и в какой-то мере не потеряла своей значимости до наших дней (Хазанов 2000).

В начале 1970-х гг. было проведено несколько крупных научных мероприятий, на которых в той или иной степени обсуждались разные вопросы разложения первобытности и происхождения государства, особенности раннеклассовых обществ, специфика политогенеза в обществах кочевников скотоводов: «Возникновение раннеклассового общества» (Москва, 1973 г.), «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Москва, 1974 г.) и др. Особое значение для изучения социальной структуры ранних кочевников имела конференция «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана», состоявшаяся в Ленинграде в 1975 г. Многие ее участники отмечали широкие возможности реконструкции социальных отношений у кочевников по археологическим данным. Ю.А. Заднепровский подчеркнул, что исследование общественного строя ранних кочевников нельзя сводить к поискам доказательств имущественного и социального расслоения и констатации трех-четырёхчленной структуры общества. Он предлагал путем «сравнительно-типологического изучения и картографирования археологических культур», выделения «локальных вариантов на основе классификаций разного масштаба» наметить «племенную структуру» и ареалы родоплеменных групп, с последующим сопоставлением их с данными письменных источников (Заднепровский 1975: 13–14).

Иное мнение высказал В.А. Алекшин, который определил главную задачу в исследовании вопросов социальной дифференциации. Ученый отталкивался от установленного этнографическими наблюдениями факта, что «социальный ранг индивида может характеризоваться особым местом и способом погребения, количеством и качеством инвентаря, наличием в могилах символов власти». Программа изучения стратификации кочевников включала выявление половозрастных подгрупп со «стандартным» набором погребального инвентаря. Отличительными признаками погребений знати В.А. Алекшин считал инвентарь, который был богаче стандартного, и особый тип могилы у захоронений со стандартным набором инвентаря. Исследователь придавал большое значение функциональному анализу инвентаря, а «насыщенность» погребений металлическими предметами рассматривал как еще один признак дифференциации (Алекшин 1975: 74).

В целом, на конференции «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» был подведен определенный итог исследованиям социальной структуры не только кочевников указанных регионов, но и других областей евразийских степей. Именно применительно к этому времени можно говорить об окончательном формировании в рамках отечественной археологии социологического направления.

Признанным лидером данного направления в нашей стране стал В.М. Массон. В 1976 г. он опубликовал книгу, в которой были суммированы основные достижения отечественной и зарубежной археологии в области социальных реконструкций. Особое значение для рассматриваемой нами темы имела последняя восьмая глава, в которой достаточно подробно обсуждались проблемы интерпретации социальной стратификации по данным погребальной обрядности (Массон 1976: 149–176). В качестве главного критерия, отражающего социальный статус, В.М. Массон предложил использовать количество трудозатрат, потраченных на сооружение погребального сооружения и изготовления сопроводительного инвентаря. При этом ученый настаивал на том, что социальная дифференциация

погребений отражает именно социальный ранг, а не имущественное положение усопших (Массон 1976: 159).

Затрагивая эпоху ранних кочевников, он попытался дать объяснение, почему именно для данного периода характерна резкая дифференциация (по размеру, количеству сопровождающих жертв, богатству инвентаря) погребальных сооружений. Исследователь полагал, что возведение царских гробниц в объединениях кочевников раннеклассового типа «было кульминационным пунктом процесса нарастания пышности погребальных обрядов по мере развития в обществе острого социального неравенства». Царская власть, таким образом, как писал В.М. Массон (1976: 175–176), «утверждала и пропагандировала свое могущество». С течением времени, стремление погребать царей все с большим великолепием, должно было прийти в противоречие с более насущными интересами развивающегося социума. «Царские погребения с их сложным ритуалом по сути дела были вершиной этой нерентабельной траты общественного достояния в виде материальной ценностей и людей». В «развитых классовых обществах» социальное неравенство приобретало «все более земной характер». Поэтому, по мнению археолога, исчез обычай жертвоприношений, вместо захоронений лошадей появились уздечки и конские наборы, вместо туш животных — ее части, а богатый инвентарь заменялся имитацией драгоценных предметов (Массон 1976: 176).

Накопленный к середине 1970-х гг. опыт социальных интерпретаций археологических материалов получил развитие в кочевниковедческих исследованиях более позднего времени. Исследуя «элитные» курганы причерноморских скифов, Б.Н. Мозолевский разработал систему критериев, на основании которой он выделил четыре группы аристократических и царских захоронений. Царскими исследователь считал только курганы IV группы, отличавшиеся особыми размерами насыпи (15–20 м высотой), значительным количеством захоронений слуг и коней, великолепным инвентарем в случае его сохранения (Чертомлык, Огуз, Александрополь, Солоха, Козел). III группа включала погребения ближайших родственников царя, «царей подчиненных царств». К ним ученый отнес курганы высотой 6–12 м, содержавшие глубокие катакомбы, останки тризн и несколько погребений сопровождающих лиц (Мелитополь, Гайманова Могила, Краснокутск, Бердянск) (Мозолевский 1979: 156–164). Наиболее малочисленна в типологии археолога II группа курганов, близких к «царским» наличием сопровождающего захоронений людей, причем в единственном числе (Страшная Могила №1, 4/1, 4/2, 4/3; Носаки 12/1). Номархи, верховные военачальники, аристократия составляли, как полагал Б.Н. Мозолевский, I группу богатых погребений. От остальных ее отличало отсутствие сопроводительных погребений людей, хотя в некоторых из них обнаружены конские захоронения (Испановы Могилы, Завадские Могилы, Носаки № 13/1, 13/2, 14/1, 14/2, 14/3, 14/4, Хомина Могила № 1) (Мозолевский 1979: 148–151). Исследователь поставил под сомнение стереотипное представление о социальном статусе погребенных с «царем» женщин. Долгое время их определяли в качестве наложниц. Однако наблюдения за стратиграфией позволили установить, что в ряде приднепровских курганов IV–II вв. до н.э., таких как Толстая Могила, Рогачик, Мелитополь, предположительно Солоха и Чертомлык первой по царскому обряду была похоронена женщина и только некоторое время спустя сам «царь» (Мозолевский 1979: 79–84, 156).

Примерно в это же время предложил типологию скифских богатых захоронений Г.Н. Курочкин (1980). Так как богатые скифские курганы были почти сплошь ограблены, а объемы насыпей варьировались слишком сильно, то определяющими признаками «царских» могил ученый считал наличие человеческих жертвоприношений,

останков животных, транспортных средств. В результате богатые курганы скифов распределились в три группы: 1) курганы, где человеческие жертвоприношения и захоронения коней присутствовали в количестве более одного (Александропольский, Гайманова Могила, Куль-Оба, Чертомлык, Солоха, Толстая Могила); 2) курганы, в которых представлены либо человеческие, либо конские жертвоприношения и в минимальных количествах (Воронежский, Рогачик, Страшная Могила, Мордовский); 3) погребения, примечательные по инвентарю, но не имевшие человеческих жертвоприношений (Мельгунов, Архангельская №1 и 5, Страшная и Хомина Могила, Журовка). Г.Н. Курочкин оговорился, что располагая он более точной информацией о курганах последней группы, некоторые из них пришлось бы отнести к захоронениям первых двух групп, которые исследователь и считал «собственно царским». Лица, погребенные в курганах III группы, определялись знатью «средней руки» (Курочкин 1980).

Всемирно известная находка «золотого человека» в кургане Иссык позволила К.А. Акишеву вернуться к оценке социальной организации сакского объединения Семиречья. Как полагал ученый, стратификацию данного общества наилучшим образом выражал такой критерий, как затраты человеческого труда на возведение насыпи и внутримогильных сооружений. По его подсчетам, для больших курганов Бесшатырского и Иссыкского могильников (погребений «царей») требовался расход от 60000–65000 до 2000–3000 человеко-дней, средних (погребений «знатных людей») — от 1700–2000 до 300–400 человеко-дней и малых (погребений дружинников и рядовых кочевников) — от 0,2–0,9 до 4,7–4,8 человеко-дней (Акишев 1978: 55–56, 1986: 20–24; Акишев, Байпаков 1979: 74–75).

Иссыкский «золотой человек», согласно точке зрения К.А. Акишева, указывал на сложившуюся государственную власть. Золотые одежды свидетельствовали прежде всего о политико-пропагандистских целях. Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов на украшениях головного убора отражало не только посмертное, но и прижизненное обожествление царя-жреца, воплощавшего образ Митры. Курган вождя, как представлял ученый, являлся своеобразным символом единства, центром страны и мира саков. Земные преемники «использовали ритуалы погребального обряда как религиозное воздействие на массы с целью идеологически обосновать неизбежность династии сакских царей» (Акишев 1978: 56–57, 1986: 24–25; Акишев, Байпаков 1979: 75–76; Акишев К.А., Акишев А.К. 1981: 146).

В исследованиях социальной структуры центрально-азиатских кочевников особая роль принадлежит А.Д. Грачу. Общей чертой стратификации номадных объединений скифского времени исследователь считал наличие трех социальных групп. В первую он включил «царские» погребения пазырыкской культуры Алтая (Пазырык, Башадар, Туэкта), большие курганы алды-бельской культуры в Турано-Уюкской котловине, комплексы в долинах Бесшатыр и Чиликты в Казахстане. Главным признаком археолог называл грандиозность насыпей и усыпальниц (Грач 1975: 161–164, 1980: 46–47). Вторую группу А.Д. Грач обозначил как погребения «родовой, дружинной аристократии». В ее состав входили захоронения, уступавшие по размерам и пышности выше указанным объектам. Раскопки автора в Туве на могильниках Саглы-Бажи-II, IV–V, Хемчик-Бом-III, Дужерлинг-Ховузу-И, Даган Тэли-И, в ходе которых были обнаружены богатые неграбленные курганы, позволили исследователю обосновать существование такой категории, как «погребения аристократии» (Грач 1975: 164–166, 1980: 47–48). Учитывая, что результаты исследований А.Д. Грача были опубликованы до выхода многих работ, посвященных или затрагивавших вопросы социальной атрибуции погребений

кочевников, вычленение указанного слоя имело важное методологическое значение. Оно наметило отход от упрощенных представлений о социальной структуре ранних кочевников. Третью группу составили захоронения «рядовых» представителей социума и предполагаемых «рабов». Исследователь вынужден был констатировать слабую изученность погребений данной категории в центрально-азиатском регионе и поэтому не смог дать им полноценную характеристику (Грач 1975: 166, 1980: 48).

Заметный вклад в теоретическое осмысление и практическое изучение материалов горно-алтайских погребений ранних кочевников внесли С.С. Сорокин и А.С. Суразаков (Тишкин, Дашковский, 2003, 2004). Касаясь вопросов социального устройства пазырыцкого общества, исследователи опирались на разработки своих предшественников. С.С. Сорокин (1978, 1981) указывал, что уровень социальной дифференциации кочевников отражен в монументальности погребальных памятников, в составе инвентаря, особенностях поминальных сооружений и т.д. Он полагал, что в раннекочевых социумах не существовало государственных образований и наследственной формы власти. Было также отмечено, что у «пазырыкцев» высшая военная прослойка отчетливо обособилась от рядовых воинов (Сорокин 1978: 182). А.С. Суразаков в многочисленных своих работах обращался к теме социальных реконструкций на основе изучения погребальных памятников Горного Алтая скифской эпохи. С учетом опыта других исследователей, он разработал модель социальной стратификации пазырыцкого общества на основе созданной типологии захоронений. Суразаков разделил 58 курганов из 19 могильников на четыре группы в соответствии с такими критериями, как грандиозность погребального сооружения, его конструктивные особенности, способ погребения и состав инвентаря. В первую (средняя высота насыпи до 0,4 м, диаметр до 8 м, глубина могилы до 2 м, сруб в 1–2 венца высотой) вошли «погребения рядовых кочевников» (43 кургана), которые, по словам ученого, известны во всех пазырыкских могильниках. Обнаруживаемые типовые различия зависели от половозрастного деления, так как в женских погребениях не было оружия, а в детских — коней. Дифференциация рядовых «пазырыкцев», как считал А.С. Суразаков (1983: 72–74), археологически проявилась в отклонениях от стандартного набора инвентаря и в количестве захоронений лошадей. Курганы второго типа принадлежали главам крупных семейно-родственных групп и родов. Следующие две категории соответственно отражали некрополи племенной аристократии и вождей.

Важное значение для социальной археологии ранних номадов Евразии имели работы А.И. Мартынова. В интерпретации общественной структуры тагарского общества автор опирался на метод учета трудовых затрат, основываясь на таких показателях, как объем насыпи и внутримогильных сооружений (Мартынов, Алексеев 1986: 80–81). С течением времени у него сложилась концепция «степной цивилизации». Археологическим свидетельством этого явления являются «пышные» монументальные погребения кочевой элиты с «колоссальными» затратами, что свидетельствует о значительной социальной стратификации в обществе, концентрации единоличной власти, высокой культуре данных народов (Мартынов 1986, 1988, 1989 и др.).

Значительно продвинули вперед представления ученых о социальной организации кочевников скифского времени Саяно-Алтая раскопки царского кургана Аржан. Еще до исследования и полной публикации его материалов у археологов сложилось мнение о существовании в бассейне р. Уюк в VII–V вв. до н.э. «уюкского племенного союза» (Кызласов 1969: 17, 1979: 32, 39; Маннай-Оол 1970: 90). Однако только реконструкция М.П. Грязновым социально-политической структуры «ар-

жанского» объединения позволила предполагать появление в раннескифское время на территории Южной Сибири крупного военно-политического образования.

Развивая методические приемы, отработанные на пазырыкских погребениях, М.П. Грязнов провел анализ материалов конских захоронений (не менее 160). Еще в ходе раскопок он обратил внимание на количество коней в камерах №2 и 3 (по 30) и в камере №5 (15 особей). Ученый допустил, что животные являлись приношениями «царю» от подчиненных общественных подразделений, число которых могло соответствовать 30 и 15 (Грязнов, Маннай-Оол 1973: 202). Дальнейшие исследования убедили М.П. Грязнова в том, что из 70 камер Аржана 29 представляли собой самостоятельные погребальные комплексы, отразившие «приношения умершему царю» от подвластных и дружественных объединений. Археолог полагал, что конские захоронения в срубах первого и второго колец (№2, 3, 5, 13, 17 и 20), окружавших с восточной и западной стороны центральную могилу, были дарами от семи собственно «аржанских» племен. В данном случае позиция исследователя определялась общей близостью конского снаряжения с фиксируемыми этнографическими отличиями, аналогиями с инвентарем погребений царя и «ферапонтов» (Грязнов, Маннай-Оол 1973, 1975; Грязнов 1975, 1978, 1980). Псалии из северных камер, как подчеркивал М.П. Грязнов, отличались от аржанского типа и различались между собой. По мнению исследователя, они принадлежали различным этническим образованиям (вассально-зависимые или дружественные «аржанским» племенам). По его подсчетам таких подразделений, отправивших свои посмертные дары «аржанскому царю» было шесть. Реконструкцию конских захоронений в качестве «приношений» подтверждал тот факт, что все «160 коней» из Аржана являлись жеребцами 12–15 лет и таким образом не могли составлять стадо «царя», без кобылиц и «молодняка» (Грязнов 1975, 1978: 14–15, 1980: 47, 49).

Обращает на себя внимание, что исследователь не писал о культовой роли «аржанского царя», хорошо выраженной в радиальной конструкции кургана. Все 17 погребенных в Аржане принадлежали, согласно точке зрения авторов раскопок, к элите общества, что согласовывалось с определением Э.А. Грантовским «ферапонтов». Их число превосходило все известные человеческие захоронения в царских курганах кочевников, также подчеркивая значимость погребенного в центральной могиле лица (Грязнов, Маннай-Оол 1973: 194–200, 1975: 187, 193–194; Грязнов 1978: 14, 1980: 15–25, 29–32, 36–39, 45–46).

Дискуссия между сторонниками индоарийской (Грановский 1960, 1980; Раевский 1985 и др.) и евразийской (Хазанов 1975 и др.) интерпретаций социальной структуры культур скифского круга перешла в новую плоскость. Если раньше полемика шла по поводу различных интерпретаций античных источников, то с привлечением археологических источников она получила принципиально новое звучание. В частности, С.Ж. Пустовалов попытался установить археологические критерии кастового общества на примере катакомбной и ямной культур эпохи бронзы. По его мнению, свидетельства наличия сословно кастовой системы являются: 1) сосуществование в течение большого периода времени на одной территории нескольких разных этносов; 2) разделение хозяйственных и общественных функций между данными группами; 3) наличие у доминирующей группы своей сословной системы; 4) закрытость каст должна проявляться в археологических источниках (Пустовалов 1987, 1995).

Сопоставляя общественные системы скифов и кочевого населения Алтая VII–III вв. до н.э., Г.Н. Курочкин выдвинул предположение, что в образе жизни скифов

Северного Причерноморья ярко проявился милитаризм. Это отразилось в следующих фактах: 1) чем богаче скифское захоронение, тем больше в нем оружия; 2) наличие «дружины» в «царском» окружении, археологическим признаком которой являлся панцирь, недоступный простому ополченцу; 3) культ меча и бога «войны Ареса»; 4) ежегодные воинские праздники с ритуальным причащением вином; 5) реальная политическая власть находилась у военной верхушки «басилевсов» и номархов, а скифская знать имела, прежде всего, военный характер; 6) жречество было влиятельной «прослойкой», но не принимало непосредственного участия в управлении обществом и находилось в зависимости от военно-политической верхушки. На Алтае, как представлялось Г.Н. Курочкину, раннеклассовая социальная структура была теократизирована и управлялась жреческим сословием. Причины этого он видел в оттоке наиболее социально активного населения на запад и отсутствие извне серьезной военной угрозы, что обусловило изолированность общественной системы, ее стагнацию на определенной идеологической основе (Курочкин 1989: 36–37, 39). В том же духе высказался Н.Ю. Кузьмин (1989: 25–26), полагавший, что власть людей, погребенных в Пазырыке, являлась религиозной.

В противовес указанным авторам В.А. Кочеев в своих работах подчеркивал милитаризованность «пазырыкского» общества. Например, используя материалы 75 курганов из 28 могильников Горного Алтая, он разделил погребения с оружием на три группы, где представлены: 1) три вида (меч-акинак и кинжал, чекан, лук и стрелы, в отдельных случаях остатки щита); 2) два вида (кинжал и чекан, кинжал и стрелы, чекан и стрелы); 3) один вид (только кинжал, только чекан, только стрелы). В.А. Кочеев считал, что в среде погребенных с тремя видами оружия формировалась «воинская прослойка, которая выдвигала военных представителей, выбиравшихся из числа выдающихся воинов». Они составляли опору пазырыкской аристократии и такой силой, согласно точке зрения исследователя, «могла быть только дружина» (Кочеев 1989: 70–71). Не располагая данными о дружинных погребениях, В.А. Кочеев предположил, что они могли быть устроены вокруг больших курганов. Основной вывод исследователя заключался в том, что среди населения пазырыкской культуры выделилась особая категория людей-воинов, занимавших высокое положение в обществе (Кочеев 1989).

В этой связи, хотелось бы еще раз обратить внимание на книгу А.М. Хазанова (1975), в которой показано, что социальная структура скифского царства отличалась многоуровневой иерархией и не может быть сведена к трехчленной сословно-кастовой системе. Однако это не противоречит тому, что сами скифы в идеологических построениях могли интерпретировать свое общество, как состоящее из трех каст. В качестве относительно близкой аналогии можно сослаться на средневековое западноевропейское общество, которое интерпретировало себя, как состоящее из трех групп — молящихся, воюющих и работающих (Дюби 2000), однако в реальности отличалось намного более сложной структурой (Бродель 1988: 446, 467, 468).

Широкие возможности для реконструкции социальной структуры ранних кочевников давали материалы хуннских погребений. А.В. Давыдова отметила, что не стоит упрощать общественное расслоение хунну и сводить его к двум крайним полюсам — бедным и богатым. К этим выводам она пришла, основываясь на рассмотрении материалов Иволгинского могильника, расположенного неподалеку от Улан-Удэ. Для изучения памятника А.В. Давыдова использовала интересную методику. Поскольку большинство из 216 иволгинских погребений были ограблены, она решила опираться в классификации только на те показатели, которые поддавались фиксации. Общими для

мужских и женских погребений являлись различия поясных наборов, количество еды и глубина могил, для мужских — количество оружия и железных предметов, а для женских — украшения и так называемые кошельки. По мнению исследовательницы, пояса у кочевников наиболее верно свидетельствовали о социальном статусе умершего, что послужило основой для реконструкции общественной структуры местного населения. В результате мужские погребения были разделены на пять, а женские на четыре группы (Давыдова 1982, 1985: 28-33, табл. 1–2). Спустя два десятилетия выводы А.В. Давыдовой о четырех-пятиуровневой структуре населения Иволгинского городища были подтверждены кластерным анализом всей совокупности индивидуальных захоронений и жилищ Иволгинского городища (Крадин 2002а; Крадин, Данилов, Коновалов 2004). В то же время критерии разграничения социальных групп оказались другими. Несомненно, этот вопрос требует дальнейшего изучения и соответствующего объяснения.

Иной подход к изучению хуннского общества применил С.С. Миняев. Используя метод социальной планиграфии, он выявил «определенную систему в размещении погребений различных слоев» могил на Дырестуйском некрополе в Забайкалье. Там захоронения располагались группами, обособленными друг от друга расстоянием в несколько десятков метров. Композиционным центром каждого комплекса являлся курган с надмогильной каменной кладкой. Вокруг него располагались остальные захоронения, не имеющие, как правило, внешних признаков, более простые по конструкции и более бедные по инвентарю. Во всех случаях в центре комплексов были захоронены взрослые мужчины и женщины, в то время как погребения в «сопроводительных» могилах относились к трем возрастным группам (младенцы, дети и подростки, молодые люди не старше 20–25 лет). На черепе одного из подростков (10–12 лет) имелось ромбовидное отверстие — следы насильственной смерти. Исследователь допускал, что и другие умерли насильственно, а захоронение в каждом комплексе совершалось одновременно со слугами и наложницами (Миняев 1985, 1987, 1988, 1989, 1998 и др.).

Нам представляется, что выводы о насильственной смерти всех погребенных в «сопроводительных» могилах слишком категоричен. Во-первых, предполагать насильственную смерть можно (по ромбовидному отверстию в черепе) только в одном случае почти из 100 захоронений. Во-вторых, трактовка всех детских погребений в качестве жертвоприношений исключает наличие собственно хуннских детских и подростковых захоронений. В-третьих, даже если часть молодых лиц (20–25 лет) и сопровождала в последний путь представителей хунну (!), то сомнительно, чтобы в качестве жертв выступали младенцы и подростки. Не случайно, что число и расположение детских погребений на периферии «основных» захоронений не регламентировались обрядовыми нормами, а, как представляется, зависело от естественной смертности детей, всегда высокой в традиционных обществах.

Социальные реконструкции и статистика

Большое значение для интенсификации археологических исследований и совершенствования методик социологических реконструкций сыграло так называемое дескриптивное направление в советской науке (Клейн 1993: 46–47). Суть таких разработок заключалась в создании специальных кодов для строго описания имеющихся массовых материалов, что давало возможность создания баз данных. С появлением ЭВМ открылись дальнейшие перспективы для проведения масштабных корреляций.

Рассматриваемое направление возникло с начала 1960-х гг. когда активизировались изыскания в области систематизации и формализации сведений об археологических находках. Это привело к внедрению в науку методов математики и статистики, появлению большого числа публикаций, в которых авторы использовали те или иные подходы для анализа собственного материала. Особенно важную роль для развития данного направления имели труды Г.А. Федоров-Давыдова, В.Ф. Генинга, Б.И. Маршака, Я.А. Шера, И.С. Каменецкого и ряда других ученых. Благодаря появившимся учебным пособиям, археологическая статистика стала более доступной для самостоятельного изучения (Федоров-Давыдов 1987; Генинг и др. 1990; Мартынов, Шер 2002). Массовое внедрение персональных компьютеров в постсоветский период еще больше упростило эту задачу. В настоящее время имеется широкий выбор специализированных программ для статистической обработки больших массивов данных — GENSTAT, Statistica, SPSS, SAS, Statgraphics и др.

Большой резонанс в первой половине 1980-х гг. вызвали исследования рядовых скифских погребений, осуществленные Е.П. Бунятян (1981, 1982, 1985). Она основывалась на методике статистической характеристики погребальной обрядности, разработанной В.Ф. Генингом и В.А. Борзуновым (1975). В работе использовались данные 293 курганов и 534 погребений V–III вв. до н.э. из 9 могильников. Первоначально был проделан суммарный анализ могильников с целью установления степени близости памятников, а также для выявления взаимовстречаемости отдельных признаков. В результате оказалась установлена высокая степень сходства погребального ритуала (61,8% по размерам насыпи и объему сооружения; около 83,15% по инвентарю), что позволило говорить о единстве скифской культуры Поднепровья и рассматривать имеющиеся различия как проявление социального деления скифского общества. После этого проводился анализ по полу и возрасту, а потом осуществлялось социальное сопоставление мужских, женских и детских погребений. На основе факторного анализа по степени близости признаков погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря были выделены по пять групп мужчин и женщин и четыре группы детей. В целом, социальная структура рядовых погребений скифского общества имела пирамидальную форму. Наиболее многочисленной социальной группой были обычные скотоводы — так называемые восьминогие (около 60%). Количество представителей низших социальных групп оказалось невелико (не более 5%) и сильно уступало количеству лиц более высокого статуса (богатых скотовладельцев, старейшин т.д.) — всего около 35%. Распределение групп в рамках отдельных могильников показало определенную межгрупповую иерархию в скифском обществе.

Несколько позднее Ю.Н. Бойко (1986) представил результаты комплексного изучения лесостепного населения скифского времени в бассейне р. Ворсклы. Источником его исследования стали материалы раскопок Бельского городища, где было вскрыто более 30 тыс. кв.м. Изучением планиграфии раскопок и картографированием находок зафиксировано 50 усадебных комплексов. В результате исследования посредством факторного анализа было выделено 11 социальных групп. Они оказались связаны с ремеслом (1–4 типы усадеб), земледелием и рынком (5–6 типы), военной деятельностью (7–11 типы; начиная с девятой группы — всадничество). Каких-либо групп, указывающих на жречество, не выявлено. Другими источниками стали 129 синхронных городищу захоронений. Кластерный анализ позволил выделить три суперкластера. В первый вошли погребения с вооружением. Они дополнительно разбивались на несколько субкластеров. Во второй суперкластер попали погребения с богатым инвентарем,

античным импортом, но без оружия и конских жертвоприношений. В третий супер-кластер вошли захоронения, которые интерпретировались как могилы ремесленников и простых земледельцев-скотоводов. Безынвентарные или бедные инвентарем впускные или сопровождающие грунтовые погребения определены автором как могилы детей или домашних рабов. Могил рабов было очень мало.

Сопоставление результатов исследований усадебных комплексов и погребений показало не только принципиальное сходство в количестве выделенных рангов, но и дало ряд других интересных выводов. Оказалось, что мужчин и женщин равного статуса хоронили индивидуально. В то же самое время младшие жены из более низких социальных групп (включая домашних рабынь) могли сопровождать захоронения мужчин более высокого статуса. Были отмечены случаи, когда погребения представителей воинской элиты могли сопровождаться могилами воинов низших рангов, что, по мнению Ю.Н. Бойко (1986), можно рассматривать как существование определенных форм личной зависимости или, скорее, личных отношений. К сожалению, эти кратко представленные и очень интересные исследования остались почти незамеченными в отечественной археологии.

Определенные итоги изучения социальной типологии скифских погребений IV–III вв. до н.э. были суммированы в специальной статье В.Ф. Генинга (1984). Взав за основу классификации Б.Н. Мозолевого и Е.П. Бунятян, исследователь указал, что его интересовала, выявляемая по археологическим источникам картина стратификации и поляризации скифского общества, как основа социологической реконструкции. Археолог рассматривал в качестве наиболее объективного показателя социальной стратификации трудовые затраты на создание погребального сооружения, а также качество и количество инвентаря. Среди дополнительных признаков он назвал жертвоприношения людей и животных, поминальные тризны, погребения коней, изваяния. В результате такой интерпретации социальная структура Скифии выглядела следующим образом: «цари» и высшая кочевая аристократия (0,5%), вожди племен и старейшины (5–6%), зажиточные скотовладельцы (15–20%), простые номады (60–70%), малоимущие группы (6–8%) (Генинг 1984: табл. I; Генинг и др. 1990: 206, табл. XXXI).

В наиболее обобщенной форме выводы киевской школы были систематизированы в коллективной монографии «Формализованно-статистические методы в археологии» (Генинг и др. 1990). В данной книге подробно на конкретных примерах описаны основные этапы процедуры исследования погребальной обрядности от создания формализованных систем описания могильных комплексов до интерпретации выявленных социального рангов. Это дает возможность использовать разработанную методiku для изучения других древних и средневековых обществ. Типовая программа исследований включала ряд последовательных операций: половозрастной анализ; палеосоциологический анализ с учетом половозрастной дифференциации, учет трудозатрат на сооружение насыпи и могилы, анализ инвентаря, поз погребенных и всех вариантов отклонений (скорченное положение, в ногах, в дромосе, в отдельных камерах и т.д.); сопоставление результатов социологического анализа с распределением, количеством и качеством инвентаря (т.е. стандартными комплексами вещей для различных групп мужских и женских захоронений); классификация погребений по определенным условным социальным группам и выяснение соотношения страт в обществе; выявление пространственной структуры могильников, группировка погребений с целью изучения дифференциации внутри конкретного коллектива; фиксация «бедных» и «богатых» могильников, их

сопоставление и сравнение в системе целой археологической культуры с учетом характерного для древних обществ господства одних общин, родов, племен над другими общинами, родами и племенами.

В целом, подводя итоги развития социальной археологии ранних кочевников в нашей стране в 1970-х — начале 1990-х гг., следует отметить появление достаточно широкого круга различных палеосоциологических методик исследования общественных систем кочевников. Довольно эффективным стали такие подходы, как рассмотрение погребений по социально-диагностирующим признакам (Грач 1975, 1980; Мозолевский 1979; Курочкин 1980; Бунятян 1981, 1982, 1985; Суразаков 1983; Генинг 1984 и др.), изучение планиграфии могильников (Мандельштам 1971, 1983; Вишневская 1983; Кубарев 1987, 1991, 1992; Миняев 1989 и др.), учет трудозатрат (Грязнов 1980; Мартынов, Алексеев 1986; Генинг и др., 1990) и т.д. В целом ряде работ было показано, что социальными маркерами были не только высота курганных насыпей и состав сопроводительного инвентаря, но и глубина, длина, ширина могил, сложность внутримогильных сооружений, количество «тризновых комплексов», наличие «престижных» предметов (наборные пояса, импорт, оружие), позы погребенных, расположение костяков относительно друг друга, количество сопроводительных захоронений коней, ферапонтов, зависимых людей низкого социального статуса и др. Интересные результаты дало изучение рядовых погребений ранних кочевников. Начиная с 1970-х гг. все более активно в исследованиях по социальной археологии кочевников стали использоваться формализовано-статистические методы.

Социальная археология ранних кочевников сегодня

После распада СССР дискуссия о природе кочевых обществ в отечественной науке продолжалась, но достаточно вяло, что, впрочем, не удивительно. Появилась возможность заниматься и другими интересными вопросами, использовать в своих работах иные научные парадигмы и подходы. В основном проблема продолжала обсуждаться в русскоязычной литературе. При этом сохранились, в той или иной степени, все основные высказанные ранее точки зрения. Так, часть исследователей, по-прежнему, придерживается *феодальной* интерпретации кочевых обществ. К этой же точке зрения относятся и сторонники объединения всех послепервобытных доиндустриальных обществ в рамках единой феодальной стадии. Другие авторы поддерживают мнение о догосударственном, *предклассовом* характере социумов кочевников-скотоводов. Третьи пишут о складывании у кочевников *ранней государственности*. Некоторые находят сходство кочевых империй с *восточными деспотиями*. Однако наибольшее обсуждение вызвали попытки обоснования *особого* пути развития обществ кочевников-скотоводов. Предмет дискуссии сконцентрировался вокруг вопроса: что является основой специфичности кочевничества — внутренняя природа скотоводства, являющаяся основой так называемого *номадного* способа производства, или же особенности внешней адаптации кочевников к земледельческим мир-империям.

Отход от марксистской парадигмы привел к постепенному распространению в отечественном кочевниковедении новых методологических подходов и теорий, характерных в основном для западной социокультурной антропологии: многолинейный подход, цивилизационный подход, мир-системный анализ (подробнее см: Krađin 2002; Крадин 2001, 2004а). Наибольшую популярность среди отечественных номуологов

приобрела неозволюционистская модель. При этом особую значимость для исследований кочевниковедов имела концепция вождества (Крадин 1992, 1995, 2000а, 2001, 2002, 2004, 2004а; Трепавлов 2000; Скрынникова 1997, 2000, 2002; Васютин 2002; и др.). Данная концепция получила распространение и в археологических интерпретациях. В последние годы предпринимаются попытки проецировать различные теоретические модели вождеств (простые, сложные, суперсложные) на систему власти и социально-политическую организацию носителей ряда археологических культур (Боковенко 1996; Крадин 1996=2002; Матвеева 1998, 2000; Васютин 1998, 1999, 2003а; Тишкин, Дашковский 2003; Дашковский, Тишкин 2004 и др.). Это не исключает трактовки крупных раннекочевнических объединений, как стоящих на грани перехода от вождества к государственности или как специфических типов вождеств — кочевых империй/ксенократических государств или государственноподобных обществ. В тоже время ряд исследователей оценивают уровень социально-политического развития ранних кочевников в контексте теоретических разработок 1970–1980-х гг. как раннегосударственный.

Методологический кризис исторической науки 1990-х гг., разрыв научных связей между исследователями бывших республик Союза, недостаточное финансирование оказали определенное влияние и на археологические исследования. Характерным оказалось стремление значительного числа авторов уйти от социальных оценок археологических материалов, недостаточное внимание уделялось теоретическим разработкам. Если раньше, в советские годы, отечественные исследователи были в той или иной степени в курсе основных дискуссий (по так называемым методсеминарам), проходивших в западной археологии, то дебаты последних 10–15 лет прошли мимо нас. С горечью приходится сознавать, что количественно преобладают методологические подходы и концепции, выработанные еще в 1970–1980-е гг. В этом отношении современная российская археология во многом продолжает базироваться на теоретическом и практическом фундаменте советской научной школы. Достижения и просчеты археологии СССР в области палеосоциологических исследований во многом определяют развитие социальной археологии кочевников и сегодня.

В отличие от предшествующих периодов исследования социальной организации европейских скифов перестали играть определяющую роль в кочевниковедении ранних номадов. В некоторой степени объяснение этому нужно искать в достигнутом на предыдущем этапе высоком уровне разработки вопросов социальной истории Скифии, когда имевшиеся информационные возможности источников были отчасти исчерпаны (Черненко, Бессонова, Болтрик и др. 1986, Ольховский 1991; Алексеев 2003; и др.). Несомненно, сказался распад СССР, разрыв научных связей и переход скифской тематики в основном под эгиду украинской науки (Гаврилюк 1999, 2000; Скорый 2003; и др.).

Тем не менее, скифская проблематика по-прежнему востребована в российской науке. Из таких работ следует отметить исследования А.П. Медведева (1999, 2004) в бассейне Дона, посвященные социальной археологии лесостепной Скифии. Автор использовал для характеристики общественной дифференциации такой критерий, как выявленные посредством статистического анализа социально значимые признаки. Это дало возможность сгруппировать погребальные памятники (111 курганов) лесостепной зоны в три группы: малые курганы площадью от 1,5 до 8 кв.м. (25%), средние курганы площадью от 9 до 22,5 кв.м. (61%) и большие кур-

ганы площадью до 49 кв.м. (14%). «Кривые богатства» показали, что процентное соотношение социально значимых артефактов нарастает в направлении от первой группы к третьей.

Большое внимание изучению статистических методов социальной интерпретации погребальной обрядности в постсоветский период уделялось в Институте археологии РАН. В начале 1990-х гг. был проведен специальный семинар на тему «Социальная дифференциация общества: поиски археологических критериев» (Афанасьев 1993а), а через несколько лет круглый стол «Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений» (Гуляев, Каменецкий, Ольховский 1999). Большинство представленных на форумах докладов, как и другие более поздние работы коллектива исследователей (Савенко 1989; Афанасьев 1993; Коробов 2003 и др.), к сожалению, выходят за рамки нашей темы. Однако их ценность для изучения ранних кочевников в методическом отношении несомненна.

Результатом совместных работ российских и итальянских ученых стал выпуск нескольких изданий, посвященных статистической обработке материалов сарматских памятников между Доном и Уралом (Мошкова 1994, 1997). Все книги отличает весьма высокий уровень презентации источниковой базы, тщательное описание методики статистического анализа (что, к сожалению, нетипично для современной отечественной археологии). Участвовавшие в этом проекте итальянские исследователи не только изложили свое видение общих принципов эволюции кочевых обществ (Дженито 1994) и методологии использования данных погребальной обрядности в социальных реконструкциях (Бишони 1994), но и в специальном разделе подробно проанализировали социальную структуру кочевников Поволжья и Приуралья савроматского времени (Бернабей, Бондиоли, Гуиди 1994).

Данный фрагмент монографии основан на анализе 464 захоронения из 114 могильников. Авторы использовали такой критерий как «кривые богатства», условившись считать, что индекс редкости признака коррелируется с индексом статуса. Соответственно, чем больше в захоронении встречается признаков с высоким индексом статуса, тем более вероятно, что похороненный в нем индивид имел действительно высокий ранг. В результате были построены гистограммы, которые указывали на тенденции распределения количества погребений с тем или иным суммарным индексом статуса. Исследователи сделали ряд интересных замечаний. В частности, основываясь на данных индекса статуса, был показан достаточно большой набор редких предметов в женских захоронениях, что должно говорить об их высоком статусе. Они не согласны с тем, чтобы рассматривать погребения в одном кургане как принадлежащие одному линиджу, поскольку часто могилы должны быть отнесены к разным социальным группам. В целом, интерпретации итальянских археологов представляются неоправданно осторожными (Бернабей, Бондиоли, Гуиди 1994: 172–174). Анализируя представленные в книге графики и рисунки, можно сделать ряд дополнительных наблюдений. Для мужских погребений характерно резкое разделение на три группы: 1) относительно небольшое количество могил самой низшей страты; 2) наиболее многочисленные могилы основной массы населения — простых номадов (?), которые могут быть разделены на 2–3 подгруппы; 3) меньшие по численности захоронения высших слоев, количество которых уменьшается пропорционально росту индекса редкости признаков. Гистограмма женских захоронений имеет несколько иную форму. Она похожа на

разрезанную вдоль половину конуса, что может свидетельствовать о размытых женских социальных группах. Если наше предположение верно, то данное явление должно скорее противоречить тезису о «гинекокрации» савроматского общества и свидетельствовать о том, что положение женщины в большей степени был связан со статусом ее супруга. Интересно, что предметы вооружения в женских погребениях встречаются относительно редко (там же: 167).

Обобщая результаты исследований савроматской культуры, М.Г. Мошкова высказалась в пользу точки зрения, что каждое племенное объединение представлено не единой культурой, а культурой определенного социального слоя, «культурой субсоциума». При этом инновации появлялись именно в элитарной культуре, примером которых служили шатровые перекрытия как социально маркирующий признак высших слоев (1995: 67). В русле такого подхода возникла возможность более точно определить «социальные» различия между сарматоидными культурами Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

В Южном Приуралье преобладали захоронения основные или впускные в насыпи курганов того же времени. В Поволжье многие погребения были сооружены в объектах эпохи бронзы. Но больше всего разница проявилась в соотношении «богатых» и «рядовых» погребений в Поволжье и Приуралье. В Нижнем Поволжье исследованные курганы «рядовых общинников» составляли 92,8%, а в Южном Приуралье — только 40%. В Южном Приуралье находились богатейшие захоронения воинской и жреческой аристократии, образующие небольшие некрополи — Пятимары, Три-Мары, Филипповский (в составе последнего «царское» захоронение), которые не имели аналогий на западе сарматского мира. Объяснение данного факта автор видит в близости Южного Приуралья к древним цивилизациям Средней и Передней Азии (Мошкова 1995: 67–69).

В рассматриваемый период памятники Горного Алтая скифской эпохи (в более широком контексте — Сибири) стали фактически базовым полигоном для современной российской социальной археологии. В последнее десятилетие вышел цикл работ, обобщающих многочисленные исследования погребальных комплексов (Древние культуры..., 1994; Полосьмак 1994а, 2001; Кирюшин, Тишкин 1997; Молодин 2000; Феномен алтайских мумий, 2000; Полосьмак, Молодин 2000; Марсадолов 1999, 2000, 2001; Население Горного Алтая..., 2003; Кирюшин, Степанова, Тишкин 2003; Тишкин, Дашковский 2003; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.). Вопросы реконструкции социальной структуры населения региона приобрели особую актуальность и рассматривались в целой серии публикаций (Ануфриев 1997; Кочев 1997; Марсадолов 1997, 1999, 2000; Миронов 1997; Тишкин 1997; Тишкин, Дашковский 1997, 2003, 2004; Антонова, Худяков 1999; Васютин, 1999; Дашковский 2000, 2002, 2003; Савинов 2002; Дашковский, Тишкин 2003, 2004; и др.).

Реализация международных программ по исследованию древних памятников на плато Укок позволила получить уникальные данные по погребальному обряду «пазырыкцев» ставшие одним из ярчайших открытий в мировой археологии последнего десятилетия (Полосьмак, Молодин 2000). Высокая степень сохранности ак-алахинских захоронений дала возможность Н.В. Полосьмак всесторонне рассмотреть археологические комплексы представителей привилегированной части «пазырыкского» населения Алтая. Публикуя материалы кургана №1 могильника Ак-Алаха-I, исследовательница отметила несколько черт, выделявших данное погребение. От обычных рядовых захоронений его отличал расположенный рядом

сложный поминальный комплекс. По мнению Н.В. Полосьмак (1994а: 17–18), если одну кольцевую выкладку можно считать «свидетельством поминовения каждого из погребенных в небольшом кургане одной семьей, его ближайшими родственниками, то наличие семи колец... может быть доказательством того, что здесь одновременно совершали поминки семь отдельных групп, связанных узами родства и находившихся в подчинении у погребенного в большом кургане».

На сегодняшний день самую сложную реконструкцию иерархической социальной структуры «пазырыкского» общества предложил Л.С. Марсадалов (Тишкин, Дашковский 2004: 93). Исследователь уделит внимание разным типам стратификационных систем. В тоже время, он в меньшей степени рассматривал особенности других социальных структур, в частности, профессиональной и культурно-нормативной (Марсадалов 1997, 2000, 2000а, 2000б). Л.С. Марсадалов ввел понятие «ранг кургана», под которым он понимает определенные «скользящие» обрядовые группы одного социального слоя, представители которого по каким-то причинам использовали разные типы захоронений. В качестве критериев для выделения рангов курганов использовались: 1) объем трудозатрат на погребение человека; 2) сложность и размеры погребального сооружения; 3) мумифицирование погребенных; 4) число сопроводительного захоронения лошадей (или их отсутствии) и их убранство; 5) количество и качество инвентаря; 6) наличие культовых и «престижных» предметов; 7) антропологический тип. На основании комплекса из 28 признаков Л.С. Марсадалов выделил девять рангов курганов. Первые два ранга относятся к группе больших курганов и принадлежали вождям племен, союзов племен и их ближайшим родственникам. Курганы III–IV ранга средней группы представлены погребениями племенной знати и ближайшими родственниками вождей племен. Третья группа малых курганов соотносится с V–VIII рангами: V ранг — это курганы родственников (+ детей) вождей и знати; VI ранг — погребения воинов, глав семей и родовых групп; VII — захоронения рядовых кочевников; VIII ранг — погребения младших членов семей и детей. IX ранг отражает могильные сооружения «зависимых» людей — пленных, домашних рабов (слуг). Исследователь обозначенные ранги курганов соотносит с конкретными погребениями пазырыкской культуры, отмечая при этом, что все ранги сосуществовали одновременно. Различие же между ними обусловлено «...религиозно-социально-экономической... и семейной... стратификацией» кочевого общества (Марсадалов 1997, 2000).

В последнее десятилетие проблематикой реконструкции социальной структуры ранних кочевников по данным погребальной обрядности занимались и авторы коллективной монографии (Васютин 1998, 1999; Гаврилюк 1999, 2000; Матвеева 2000; Дашковский 2002; Тишкин, Дашковский 2001, 2003, 2004; Крадин 2002а; Бобров, Васютин, Васютин 2003; Дашковский, Тишкин 2003, 2004; Крадин, Данилов, Коновалов 2004; и др.). Мы не останавливаемся подробно на анализе данных работ, поскольку основные их положения подробно представлены в последующих главах.

В целом, анализ отечественных разработок в археологии по проблемам социальной структуры кочевников позволяет сделать некоторые обобщающие выводы относительно принципов изучения общественных систем кочевников и перспективных задач в этой сфере. В частности следует указать, что изучение «царских» и «элитных» курганов играет особую роль в развитии социальной археологии. Почти каждый такой комплекс (Аржан, Толстая могила, Ак-Алаха-I, Ак-Алаха-III, Аржан-2 и др.), раскопанный за последние 25–30 лет, давал возможность зафиксировать новые социально значимые

признаки, отработать разные технологии социальных реконструкций. В рамках исследований общественных систем ранних кочевников необходимо сопоставление «царских» курганов разных культур (количество, размеры, отдельное или групповое положение и т. д.).

При всей относительности градации «царских» погребений такие показатели не могли быть случайными. Важно знать не только общее число «элитных» курганов, но и их процентное соотношение с количеством «рядовых» погребений. Случаи, когда некрополи высших слоев составляли 30–40%, а то и более 50% из числа исследованных, как, например, среди памятников ранних кочевников Южного Приуралья (Мошкова 1995: 67–69), несомненно, делают необходимым корректировку используемой в науке социальной терминологии для более точного определения тех социальных групп, которые входили в состав кочевых элит. Стоит отметить, что даже в отношении хорошо изученных культур Алтая мы не имеем всестороннего палеосоциологического анализа зафиксированных «элитных» комплексов (см., например: Кирюшин, Степанова, Тишкин 2003: 8–15). Перспективность таких исследований очевидна.

На сегодняшний день далеко не исчерпаны возможности планиграфического и сравнительного анализа могильников. В организации некрополей ранних кочевников, как правило, наблюдается несколько типовых структур. Наиболее распространены небольшие по количеству курганов (до 25–30) могильники, носящие семейно-клановый характер. Вряд ли в их составе могли находиться умершие люди, принадлежавшие к привилегированным слоям. Элита (племенные и надплеменные вожди) погребалась в некрополях двух типов. Первый демонстрирует отдельно расположенную цепочку или группу крупных объектов (чаще всего от 2 до 5 курганов). Второй отражают большие некрополи, где «царские» курганы окружены захоронениями родственников, аристократии, дружинников, слуг, многочисленными и разнообразными поминальными сооружениями. Сосредоточение отдельных групп больших курганов в одном районе (например, в Уюкской (Тува) или Урсульской (Горный Алтай) долинах) говорит о стабильности социальной системы и преемственности власти. Однако до сих пор не произведено специальное всестороннее исследование таких курганных полей, что позволило бы существенно уточнить наши представления о социальной роли представителей окружения кочевых вождей. Тогда, возможно, могут быть выявлены подлинно «дружинные» погребения (дружинники часто были вырваны из контекста семейно-клановых связей и вряд ли хоронились на территории семейных могильников).

В инвентаре погребений находит отражение сакральный облик власти и различных практик древнего населения. Обилие импортных вещей (военная добыча, дань, плата за службу) указывает на военизированный характер социальных систем кочевников, на значимость войны и военной культуры как общественно структурирующих инструментов, когда социальное положение каждого кочевника зависело от доступа в систему «престижной экономики», к различного рода материальным и нематериальным ресурсам, находившимся в руках верхушки. В отношении погребений привилегированных групп населения, в ритуале и в составе инвентаря можно условно выделить «комплексы власти», соответствующие определенным общественным рангам.

Свидетельством «царского» (надплеменной лидер) «комплекса власти» являлись нехарактерные для данной культуры специфические особенности внутримогильных сооружений (длинные дромосы, двойные срубы, шатровые и радиальные деревянные конструкции и т. д.), наличие нескольких сопроводительных погребений «ферапонтов» и «слуг», многочисленные конские захоронения, присутствие в могиле инвентарных

атрибутов «власти» — жезлов, гривен из драгоценных металлов, «золотых» одежд и головных уборов, многочисленные свидетельства «тризны», характер и число расположенных рядом с насыпью объектов — погребений, выкладок и др. «Царские» погребения, как правило, не вписываются в выявляемую по целому ряду археологических признаков систему половозрастных страт.

В составе привилегированного населения можно выделить несколько групп и по другим признакам. Главным образом это касается погребений людей, приближенных к кочевым вождям. Отдельную категорию составляли главы семей, кланов и родовых объединений. Их захоронения, как правило, располагались в центре или в начале курганных цепочек или групп. Погребальные сооружения аристократии были более крупные, чем рядовые. Дружинные некрополи предположительно составляли или отдельные могильники и обособленные группы на площади обширных погребальных комплексах, или сопровождали «царские» захоронения. Погребения жрецов (жриц) и людей, совмещавших жреческие и другие функции, определялись в отдельные группы или часто представляли собой одиночные нестандартные захоронения. Еще одну категорию будут составлять объекты «ферапонтов» (как в Аржане, илекских курганах, «царских» комплексах Скифии).

В целом практический опыт отечественной социальной археологии позволяет создавать комплексные методики изучения общественной структуры номадов по многочисленным данным. В первую очередь, такой анализ должен базироваться на исследовании различных элементов социальной системы. Среди факторов стратификации во всех традиционных/архаичных, в том числе и кочевых обществах, следует указать возрастную дифференциацию, как отражение разных этапов социализации отдельных членов социума. Наряду с половым, возрастное ранжирование создает «кристаллическую» основу всей социальной системы. Важным фактором для кочевого населения древности была включенность в семейно-клановую структуру. В данном контексте фиксация захоронения в составе цепочек и микрогрупп пазырыкских могильников есть прямое свидетельство полноправия и обладания определенными правами на уровне семейно-кланового коллектива. Это не исключает, что сами эти семейно-клановые группы могут иметь зависимый статус в сложной этносоциальной иерархии кочевых сообществ.

Дальнейшее направление исследований общественной дифференциации у номадов по данным археологии должно охватывать анализ профессиональных функций отдельных членов и групп (производственные, судебно-правовые, сакрально-культурные, военные управленческие и иные практики). Среди факторов, говорящих о принадлежности того или иного индивида к социальной элите, следует назвать следующие: выполнение управленческих функций (в том числе и верховная «царская» власть), принадлежность к знатному (аристократическому) роду (в данном случае к роду (клану), представители которого традиционно занимались управлением), исполнение престижных профессиональных ролей (дружинник, знаток права, судья, организатор и исполнитель сакральных церемоний) или приближенное положение к носителям верховной власти (старшие дружинники, окружение «царя» — «ферапонты»). Круг «царских» слуг с высоким общественным статусом формировался как на основе родственных связей, так и на привлечении людей с востребованными властью качествами, среди которых важную роль играла преданность верховному правителю. Мы также должны учитывать высокую социальную мобильность людей в кочевых обществах и возможность продвижения

по социальной лестнице благодаря личным заслугам, прежде всего, военным (культ героев). Не стоит отбрасывать и имущественные факторы, так как богатство в архаичных обществах (собственные ресурсы, подношения племен, военная добыча и др.) было основой престижной экономики и средством влияния на общество, завоевания и поддержания авторитета. Все это имеет отражение в материалах погребений кочевнических культур.

Важнейшим элементом палеосоциологических исследований остается социальная типология погребений. В связи с этим нужно подчеркнуть, что необходима разработка соответствующего понятийного аппарата для описания сложной социальной структуры. Наиболее остро эта проблема стоит для хорошо изученных культур. Если ученые 1970–1980-х гг. выделяли в составе кочевых обществ от четырех до семи социальных типов погребений (А.Д. Грач, Г.Н. Курочкин, А.С. Суразаков, Е.П. Бунятян, В.Ф. Геннинг и др.), то современные исследователи фиксируют девять (Л.С. Марсаолов) и более двух десятков моделей (А.А. Тишкин и П.К. Дашковский). Остается открытым вопрос о том, какие реалии социальной дифференциации данные характеристики отражают, и какой социальный слой скрывается за каждой моделью или группой их? Исследование указанных проблем и более точные определения социальных позиций тех или иных групп древнего населения позволит проводить сопоставительную характеристику кочевых социумов, выявлять специфику каждого общества, уточнять наши представления о социальной эволюции номадов.

Таким образом, перед современными исследователями стоит много задач. Для их решения необходимо обобщение имеющегося опыта и активизация деятельности в области социальной археологии. Необходимым моментом такой работы является уяснение методологических основ социальных реконструкций.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР В АРХЕОЛОГИИ

С.А. Васютин, А.В. Кортаев, Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин

Социальная структура и социальная стратификация

При проведении социальных реконструкций археологи опираются на систему теоретических и практических разработок общественных и гуманитарных наук — истории, антропологии, социологии. С этой точки зрения представляется важным рассмотреть обозначенные в заголовке параграфа основные и необходимые понятия.

Социальная структура представляет собой, образно говоря, «каркас» общества, который обеспечивает гармоничное сочетание всех его частей в едином целом. В качестве составляющих элементов могут выступать социальные институты, группы и общности разных типов. Социальную структуру обычно описывают либо в рамках функционалистской методологии (как совокупность функционально важных, значимых для общества позиций и институтов), либо в категориях социального неравенства (как совокупность иерархических общественных связей, отражающих положение отдельных индивидов и групп) (Сорокин 1990; Фролова 1995; Волков, Мостовая 1998; Ритцер 2002; и др.).

С точки зрения функциональной (структурно-функциональной) теории считается, что коллективные нормы и ценности имеют фундаментальное значение для общества. При этом любая социальная группа рассматривается как социальная сеть самых разнообразных ролей, набор которых принципиально различается в группах, действующих короткое время (толпа и др.), и в стабильных сообществах, существующих длительный период времени. Индивиды одновременно выполняют много самых разнообразных функций в обществе, наиболее важные из которых предназначены для интеграции членов коллектива. Предполагается, что значимые позиции требуют наличия наибольших способностей и талантов и, следовательно, приемлемых вознаграждений. В таком случае, стратификация в сложном обществе является функциональной необходимостью, обеспечивающей адаптацию социума к внешней среде. У истоков подобного подхода стоял Э. Дюркгейм. Однако наибо-

лее обстоятельно он был разработан позднее в рамках американской социологии К. Дэвисом, У. Муром Т. Парсонсом, Р. Мертоном (Мертон 1992; Дэвис 1992; Дэвис, Мур 1992; Парсонс 1998, 2002 и др.).

Сторонники конфликтного подхода полагают, что функциональные объяснения являются скрытыми попытками оправдать существующее в обществе неравенство. Они считают, что индивиды, имеющие доступ к ресурсам и/или занимающие господствующие позиции, стараются сохранить свое положение, а лица, имеющие подчиненный статус, стремятся свое положение изменить. Это всегда предполагает наличие в социуме объективных противоречий, имеющих даже скрытую форму. При этом конфликт выполняет важную функцию обратной связи в системе отношений между неравными по своему статусу общественными группами. Социальный порядок в обществе основывается на манипуляции и контроле со стороны доминирующих индивидов и групп.

Подобные идеи в наиболее критической форме были сформулированы в классовой теории марксизма. В социологической теории XX в. конфликтный подход был переосмыслен в трудах Р. Дарендорфа, Л. Козера и Р. Коллинза. Согласно Дарендорфу (2002), структурное происхождение конфликтов обусловлено распределением социальных ролей и доминированием лиц, наделенных властными позициями. При этом конфликты характерны для всех обществ, включая даже наиболее рудиментарные группы первобытных охотников и собирателей. Козер (2000) показал созидательную роль противоречий для общества. Внутренний конфликт выполняет функцию обратной связи, заставляет правящие группы проводить более гибкую политику. Внешний враг может укреплять единство социума. Коллинз исходит из того, что между индивидами всегда существует вероятность конфликта, поскольку они эгоистичны и стремятся максимизировать свой статус. Положение достигается посредством доступа к ресурсам. При этом те, кто контролирует значимые источники жизнеобеспечения, могут использовать в своих целях других лиц, чей доступ к ним ограничен (Collins 1975).

Нельзя сказать, что указанные подходы взаимно исключают друг друга. Скорее, в соответствие с принципом «дополнительности» Н. Бора, они лишь отражают разные стороны одной и той же реальности. И функциональная интеграция, и неравенство одинаково важны для существования общества. В то же время функциональный характер деятельности с большим трудом может быть прочитан в археологических источниках (что не означает, что археологам не следует заниматься поисками в данном направлении). По этой причине понятно подсознательное стремление археологов обратиться к тем аспектам социальной структуры исследуемого общества, которые хорошо представлены в материалах раскопок (размеры и конструкция надмогильных сооружений и могил, отличия в разнообразии и количестве сопроводительного инвентаря и т.д.). Это дает возможность реконструировать в определенной мере общественную структуру древнего населения.

Термин *социальная структура* тесно связан с понятием *социальная стратификация*. Под ней принято понимать положение отдельного человека и групп людей в социальном пространстве по отношению к другим индивидам и объединениям. Согласно одному из классических определений, социальная стратификация — это разделение некоей совокупности населения на отдельные группы в определенном иерархическом порядке (Сорокин 1990: 302). Она отражает существующее в обществе ранжирование обязанностей, прав, власти и привилегий. В социологии

стратификация обычно отслеживается по таким признакам, которые поддаются измерению и корректному сравнению друг с другом (доход, наследственный статус, образование, профессия, вероисповедание, возраст, пол и т.д.).

Базисом стратификации общества выступает *неравенство*, отражающее в научном смысле такие условия, при которых разные группы или индивиды имеют неодинаковый доступ к власти, богатству, престижу, образованию и т.д. Оно бывает вертикальным и горизонтальным. Вертикальное неравенство отражает положение человека по отношению к другим людям внутри одной иерархической лестницы (правитель и подданные, папа и католики, генерал и солдаты). Горизонтальное неравенство показывает отличия между людьми примерно одного статуса, но входящими в разные иерархии (например, разница в заработной плате между американским и российским профессором или отличия в уровне жизни между жителями столицы и провинциального города).

В социологии принято выделять *экономическую* (по степени богатства), *политическую* (по концентрации власти) и *профессиональную* (внутри профессий) стратификацию (Сорокин 1990 и др.). В архаических и традиционных обществах основанием для дифференциации являлись также *половозрастные* различия, *родство* (вождь и его родственники по боковой линии; аристократы крови и простолюдины и т.д.), *этническая* принадлежность (эллины и варвары; завоеватели и завоеванные). В некоторых современных обществах (например, в странах Балтии) этническая стратификация сохраняется. Социальная стратификация может быть *открытой*, когда представители одних слоев могут переходить в другие, или *закрытой*, когда подобная динамика невозможно. Состояние, при котором люди переходят из одной страты или группы в другую, называется *социальной мобильностью*. Социальная мобильность бывает *индивидуальной* или *групповой*, *вертикальной* (*восходящей* и *нисходящей*) и *горизонтальной*.

Может ли общество существовать без неравенства и стратификации? В марксистской теории делались попытки обосновать, что в первобытном обществе их не было. Однако неравенство и доминирование имеют глубокие природные и культурные истоки и присутствуют даже в сообществах животных (Плюснин 1990; Дольник 1994; Крадин 2001а; Бутовская 2002; и др.). Даже в самых простейших человеческих обществах, несмотря на видимость равенства, присутствовало половозрастное деление. Физическая сила также служила основой для доминирования. Учитывались и другие индивидуальные качества. Например, наиболее удачливые охотники, искусные умельцы или лица, обладавшие редкими способностями, занимали более высокое положение, чем остальные. Между различными общинами всегда имелось неравенство в доступе к значимым ресурсам (нефрит, обсидиан, соль, глина и др.). Группы, на чьей территории были расположены подобные ресурсы, извлекали из своего положения определенную выгоду (Woodborn 1982; Артемова 1991; 2004).

Все это, свидетельствует о том, что неравенство, пусть даже в самой примитивной форме, существовало всегда. Многие выдающиеся мыслители скептически рассматривали возможность создания общества без иерархии и стратификации. Они полагали, что стремление уравнивать всех во всем является предпосылкой исчезновения всякой индивидуальности. Рассматривая эту проблему, П. Сорокин подобрал множество примеров из истории, когда люди пытались создать общество равных. Но все они заканчивались неудачно. Христианство начиналось с эгалитарных общин, но возвелось могущественную пирамиду с папой, кардиналами

и инквизицией (Сорокин 1992). Масштабный коммунистический «эксперимент» XX столетия только подтвердил эту закономерность на большом фактическом материале. На всем пространстве «мировой системы социализма» четко обозначилась общая тенденция, закон мировой истории — первоначальный эгалитаризм революционеров быстро сменяется установлением жесткой иерархии, социальных перегородок, стремлением элиты к роскоши, тотальным надзором над гражданами, террором и борьбой с инакомыслием. Всякий раз благородные намерения социальных инженеров оборачиваются «дорогой в ад». Важно подчеркнуть, что «светлое будущее» оказывалось преисподней и для тех, кто начинал его в очередной раз создавать. Революции, как правило, пожирали своих творцов. Если наивные реформаторы не успевали выбросить из головы мечты о социальной справедливости, то волна рвущихся к власти карьеристов сметала их на своем пути. Приводимые примеры из разных периодов истории и даже новейшего времени не должны смущать читателя, так как социологами давно отмечено, что «в области социального поведения обнаруживается фактическое единообразие, т.е. последовательность действия с типически идентично предполагаемым смыслом повторяется отдельными индивидами или (эвентуально одновременно) многими» (Вебер 1990: 633).

Р. Михелс на примере партий и профсоюзных организаций начала XX в. показал, как возникает организационная иерархия (Michels 1959). Особую пикантность такому анализу придает то, что он проделан на примере социал-демократических партий. Согласно Михелсу, любая политическая партия или профсоюзная организация сталкивается в своей деятельности с различными проблемами (организация политических кампаний и выборов, печатная деятельность, ведение переговоров и т.д.), которые отнимают много времени и иногда требует специальной подготовки. Если организация включает большое число членов, то нужны дополнительные усилия по их координации. Постепенно формируется управленческий аппарат, который занимается обеспечением жизнедеятельности организации, собирает взносы, ведет переписку и пр. За свою работу управленцы получают вознаграждение. Так, прямая демократия в социалистических партиях сменяется представительной.

В условиях роста организации рядовые участники неизбежно теряют контроль над ней. Эта задача передоверяется специальным ревизорам или соответствующим службам, которым вменяется осуществлять надзор над функционерами и периодически информировать большинство о результатах проверок. Со временем возникает разрыв между массами и выборными лидерами организаций. В первую очередь этот разрыв касается образа жизни и доходов. Новый образ жизни является более разнообразным (умственный труд, поездки, связь с миром бизнеса, правительственными и профсоюзными органами, прессой и т.д.) и приносит большее удовлетворение. Более высокий уровень доходов и доступ к каналам перераспределения средств своих организаций позволяют вести комфортный образ жизни, улучшить жилищные условия, приобрести более роскошный автомобиль и пр. Все это постепенно меняет мировоззрение профсоюзных функционеров. Они уже стремятся не столько к выполнению программных установок своей партии, сколько к сохранению собственного положения. Дистанция между ними и простыми рабочими увеличивается. В то же время происходит сближение с другими профсоюзными чиновниками, а также с администрацией собственной организации. Осознавая общие интересы, функционеры вырабатывают механизмы для защиты своего положения и власти в рамках всей группы, концентрируют в своих руках

контроль над инфраструктурой организации, органами печати и финансовыми средствами. Наконец, они информированы лучше простых масс и более изоцирены в интригах и политической борьбе. Если внутри организации возникает оппозиция, то все имеющиеся рычаги могут быть направлены против ревизионистов. В этом, по Р. Михелсу, заключается «железный закон олигархии».

Приведенный выше анализ показал, что само по себе наличие профсоюзов в организациях не является достаточным условием для существования демократии. Профсоюзные лидеры и функционеры имеют свои собственные цели, часто отличные от интересов избравших их людей, они испытывают большое искушение устранить демократические процедуры контроля и возможность переизбрания, стремятся превратить свое влияние в олигархическую власть. Эти выводы созвучны идеям Б. Рассела, который показал, что без организационной иерархии не может существовать ни одна общественная форма. Главная проблема любого общественного строя, в том числе и демократического, заключается в том, что сложное общество предполагает введение организационной иерархии, но управленческая элита преследует совсем другие интересы, нежели управляемое большинство (Russel 1938).

Таким образом, усложнение общества неизбежно приводит к введению организационной иерархии. Последнее означает появление специальных лиц, выполняющих только управленческие функции и имеющих первоочередной доступ к ресурсам. Поскольку количество ресурсов почти всегда ограничено, то доступ к ним опосредуется различными механизмами доминирования: у животных «порядком клевания», в обществе — социальными позициями индивида. Статус обеспечивает доступ лидеров к общественным и значимым ресурсам. Управители, сразу или постепенно, сознательно или неосознанно, все или некоторые, стремятся воспользоваться созданным положением для улучшения личного благосостояния или получения новых привилегий. Таким путем в человеческом обществе возникали стратификация, государство, цивилизация и частная собственность.

Структура архаических обществ

Существуют разные теории социокультурной эволюции. Одна из наиболее популярных схем сформулирована американским антропологом Э. Сервисом. Первой формой объединения людей, по его мнению, были *локальные группы*. Они имели эгалитарную общественную структуру, аморфное руководство из наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству (земледелию и животноводству) образовывались *общины и племена*, появился институт межобщинного лидерства и, возможно, обозначились ранние формы системы возрастных классов (дети, подростки, юноши, мужчины, старики). Следующая стадия — *вождество*. В нем возникает социальная стратификация, отстранение масс от процесса принятия решений. Позиции правителей вождеств основывались на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием *государства* центральная власть получает монополию на узаконенное применение силы. На этой стадии появляются письменность, цивилизация, города (Service 1962/1971; 1975; Sahlins 1968).

Концепция другого известного американского исследователя М. Фрида включает четыре уровня: эгалитарное, ранжированное, стратифицированное общества и государство. В *эгалитарных* коллективах существуют отношения реципрокации

и половозрастная дифференциация. В *ранжированных* обществах появляются редистрибуция и основанная на престиже дифференциация. В *стратифицированных* социумах деление на статусы дополняется неравенством доступа к основным экономическим ресурсам. Наконец, на *государственной* стадии появляются классы, частная собственность и эксплуатация (Fried 1967).

Более популярная в культурной антропологии схема Э. Сервиса впоследствии неоднократно уточнялась и переформулировалась, например, делением на локально-семейные и локальные группы, и региональные политии (Johnson, Earle 2000). Из нее также после нескольких дискуссий было исключено племя как обязательный этап эволюции (Fried 1975). В некоторых работах исследователи предпочитают разделять уже сформировавшееся «индустриальное» государство (государство-нацию) и государство доиндустриальной эпохи. Часто для последних вводят термины «архаическое», «раннее» государство и т.д. Разработка теории *раннего государства* длительное время велась под руководством голландского политантрополога Х. Дж. М. Классена (Claessen, Skalnik 1978; 1981; Claessen 2000). Сейчас эти исследования активно продолжают отечественными антропологами (Grinin et. al. 2004).

В последние годы появились работы, которые демонстрируют значительную вариативность социальной эволюции как на уровне обществ охотников-собирателей (Артемова 1991, 2004), так и на стадии предгосударственных и раннегосударственных обществ: в виде противопоставления иерархических и гетерархических или сетевых и корпоративных моделей (Березкин 1994, 1997; Crumley 1995; Коротаев 1995, 2003; Blanton et. al. 1996; Бондаренко, Коротаев 1999; 2002; Берент 2000; Бондаренко 2001; Крадин 2001а и др.), племенной линии эволюции (Коротаев 1998) или суперсложного вожества как альтернативы государству в обществах кочевников-скотоводов (Крадин 1992; 2001; Скрынникова 1997; Бондаренко и др. 2003; Васютин 2003; Медведев 2003; и др.).

Имеются объективные трудности для использования типологии Э. Сервиса в археологических исследованиях (Kristiansen, Rowlands 1998). Главная причина обусловлена отсутствием надежных критериев, которые позволили бы отличить, например, племенную организацию от вожества, сложносоставное вожество от зарождающегося государства. С этой точки зрения применение схемы М. Фрида в работах археологов кажется более перспективным, поскольку такие показатели как статус, ранги, стратификация лучше фиксируются в археологических данных (Brown 1981; Gibson 1984).

При этом необходимо отметить, что по большому счету между концепциями Сервиса–Фрида гораздо больше схожего, чем отличного. И в первом, и во втором случае речь идет о принципиальном разграничении обществ охотников-собирателей от более сложных земледельческо-скотоводческих обществ и так называемых комплексных обществ эпохи политогенеза. Если сравнить эти две схемы с подходами, которые были распространены в отечественной литературе, например, в трехтомнике «История первобытного общества», вышедшем в 1980-е гг., то между ними также нет отличий принципиального характера (не считая классового марксистского подхода). Имеющиеся несовпадения касаются в основном деталей и конкретных терминов, используемых для обозначения той или иной стадии. По сути дела речь идет примерно об одном и том же видении социальной эволюции архаических обществ. Разделяя основные принципы подобных типологий, мы признаем, при этом, многовариантность социальной эволюции и многофакторность этого процесса. В то же время мы прекрасно

понимаем определенную относительность используемой нами терминологии и возможность более или менее существенных содержательных отличий в дефинициях.

Эгалитарные и неэгалитарные локальные группы. Самые простые формы социальной организации были характерны для охотников-собирателей. Как правило, это были группы численностью в несколько десятков человек, которые вели преимущественно подвижный способ существования в пределах определенной территории, сосредотачиваясь вокруг зоны расположения ресурсов. Их основу составляли неустойчивые парные семьи. Вся деятельность внутри данных групп осуществлялась, как правило, в рамках семьи на основе половозрастного разделения труда: мужчины занимались охотой и рыболовством, женщины — собирательством и ведением домашнего хозяйства, старики — обучением детей.

Никаких формальных органов принуждения и контроля в таком обществе не существовало. Во главе группы из некоторого количества семей мог находиться наиболее опытный или умелый из ее членов, пользующийся авторитетом. Типичным примером данного типа лидерства является предводитель эскимосов нетсиликов в Американской Арктике *инхуаматак*. В переводе этот термин значил «тот, кто думает». Инхуаматак руководил коллективной рыбной ловлей, а также охотой на тюленей и на оленей карибу. Он назначал время и маршруты перекочевков, определял места сезонных стоянок. Его жена часто выступала в качестве перераспределителя добычи между семьями. Однако все решения инхуаматак принимал после длительных согласований со всеми взрослыми мужчинами. По причине отсутствия сколько-нибудь действенных механизмов формального контроля, он стремился достичь максимального согласия среди всех членов группы. Его влияние было наиболее сильным на молодежь и близких родственников (Файнберг 1986: 219–220).

Нередко на предводителя возлагались функции проведения ритуалов и колдовства. Иногда бремя лидерства могли брать на себя шаманы. Гораздо реже общества охотников и собирателей возглавлялись формальным, иногда наследственным, лидером (например, у яруро Венесуэлы, аборигенов Западной Виктории в Австралии). Но и в этом случае, если наследник не обладал необходимыми для предводительства качествами, главарем группы избирался более подходящий кандидат.

Тем не менее, эгалитарными данные общества могут быть названы с известной долей условности, учитывая, что неравенство существует во всех формах общества. У охотников и собирателей оно имеет половозрастной характер и может проявляться в распределении добычи, сексуальных ограничениях, пищевых табу (запретов принимать те или иные виды продуктов), в знаковой символике (одежда, украшения, оружие), в перекладывании на молодежь малопрестижной и неквалифицированной работы.

Исследования последних десятилетий показали значительную вариативность политической сложности локальных групп (Артемова 1991, 1993). Одни из них действительно отличались эгалитарной социальной организацией, равенством всех его членов (африканские бушмены, хадза). Для других обществ (например, аборигенов Австралии) было характерно сосредоточение лидерства «в руках» взрослых мужчин, наличие у них монополии на информацию, развитие внутреннего половозрастного неравенства. Впрочем, даже в рамках одной общей модели могли существовать различные модификации. У тех же австралийских аборигенов периодически встречались лица с яркими лидерскими качествами, которые добивались от своих сородичей беспрекословного подчинения. Следствием этому могли быть

определенные изменения в структуре общины, активизация набегов на соседей, пренебрежение традиционными нормами. Однако после смерти подобного лица нередко все возвращалось на круги своя.

Существование общественного неравенства в обществах охотников и собирателей могло быть отражено в археологических источниках. Если судить по данным выборки Л. Бирфорда (Binford 1971: table III), чаще всего погребальная обрядность указывает на пол захороненного (в 12 случаях из 15). Иногда она может отражать социальное положение и социальные позиции усопшего (соответственно 6 и 4 случаев) и гораздо реже дает информацию о возрасте, условиях и месте смерти индивида. Кроме этого, различия в захоронении в обществах этого типа могли быть обусловлены индивидуальными способностями, особенностями поведения покойного (Brown 1981: 29).

Ранжированные общества. С переходом к оседлости и производящему хозяйству (земледелию и животноводству) социальная структура резко усложнялись. Для ранних и развитых земледельческих обществ характерен широкий спектр форм политического лидерства и общественной дифференциации (Sahlins 1963; 1968). На одном полюсе находились общества, предводители которых обладали только индивидуальным авторитетом и лишь эпизодически влияли на поступки соплеменников. Их лидерство могло достигаться с помощью различных личных качеств: физической силы, агрессивности, хозяйственных и организационных навыков, способности урегулировать конфликты, умения убедить сородичей, везения, владения тем или иным редким ремеслом, военных заслуг и т.д.

На противоположном полюсе можно расположить такие общины оседлых земледельцев, которые возглавлялись институализированными представителями общинных ячеек (отцами семейств, главами рода, бигменами и пр.). Они являлись организаторами общественных работ (коллективная охота или рыбалка, сельскохозяйственный труд, строительство хозяйственных, общественных и церемониальных сооружений), руководили распределением территории и добычи, представляли свои группы в межобщинных отношениях, выполняли религиозные ритуалы, возглавляли военные походы и занимались урегулированием внутренних споров.

Как и у охотников-собирателей, власть раннеземледельческих предводителей основывалась исключительно на личных качествах, возрасте и авторитете, умении убедить и подчинить всех членов группы. Впрочем, известны случаи, когда лидеры общин земледельцев добивались подчинения от своих подданных путем физической расправы (например, у воинственных яномама в Южной Америке или у папуасов-таирора на Новой Гвинее). В подобных обществах появляются категории неполноправных лиц — обедневшие соплеменники, клиенты, чужаки, имеющие низкий статус. Система возрастного неравенства может со временем трансформироваться в институт возрастных классов (Калиновская 1976).

Археологические критерии (различия в планиграфии и размерах жилищ, дифференциация захоронений по обряду, инвентарю и количеству лошадей, появление предметов, символизирующих власть, определенное положение престижных погребений в составе могильников и пр.) свидетельствуют о появлении на данной стадии социальной эволюции неравенства сложной системы общественных статусов (O'Shea 1984). К сожалению, археология немного может сказать о конкретных формах лидерства. Однако по этнографическим данным можно представить, каким мог быть лидер рассматриваемого времени. Наиболее интересным приме-

ром является институт *бигмена* (англ. bigman), который изучен преимущественно по этнографическим материалам из Меланезии, Юго-Восточной Азии, Северной Америки (Sahlins 1963; Салинз 1999; Godelier 1999 и др.).

Принципиальное отличие власти бигменов от власти вождей заключается в ненаследуемом характере их общественного статуса. Источник высокого положения бигмена — престиж, который он получал за счет организации массовых пиршеств и раздач, что было не возможно без контроля над частью ресурсов общества (подношения, дань, военная добыча). Это давало возможность создать сеть зависимых лиц, что дополнительно способствовало его преуспеваю. Однако влияние бигмена не было стабильным и полностью зависело от способностей поддерживать клиентные связи с соплеменниками и требовать возвращения долгов, от умения подчинить амбиции членов группы своим собственным интересам. Чтобы преуспеть бигмен вынужден много и интенсивно трудиться. «Его руки постоянно в земле, а со лба то и дело стекают капли пота» (Салинз 1999: 130). Полигиния (многоженство), привлечение младших родственников и зависимых клиентов являлись дополнительными средствами увеличения производительности и престижа бигмена.

Представленная модель демонстрирует как массовые раздачи повышали авторитет организатора церемоний, привлекали к нему сторонников и последователей. Однако политическая власть и статус бигмена были персональны (т.е. не могли передаваться по наследству) и нестабильны, поскольку зависели исключительно от личных качеств кандидата, его способности обеспечивать свое престижное положение и случайного стечения обстоятельств. Кроме того, слабость политических позиций бигмена заключалась в том, что он, как правило, не являлся единственным претендентом на лидерство и находился в постоянной конкуренции с другими. Это мешало закреплению высокого статуса и руководства по наследству. До тех пор, пока доступ к основным ресурсам оставался более или менее равным и реципрокативные отношения не получили преобладания над реципрокацией, лица с высоким личным статусом не имели возможности наследственно закрепить свои социальные позиции.

Согласно Л. Бинфорду (Binford 1971: table II) для пасторальных обществ характерна самая высокая степень близости погребальной обрядности (1.67), несколько более, даже чем у охотников-собираателей (1.73) и подвижных земледельцев (1.75). Возможно, такое распределение случайно, поскольку выборка скотоводов была ограничена только тремя примерами. Однако степень вариативности погребальной обрядности культур оседлых земледельцев намного значительнее (3.14). Это свидетельствует о том, что структура обществ земледельцев была гораздо сложнее и включала разнообразные социальные группы.

На погребальную обрядность земледельцев могли влиять самые разнообразные факторы, среди которых отмечен статус умершего (16 случаев из 22) и его социальные связи (13 случаев), пол (14 случаев) и возраст (8 случаев) усопшего, условия (6 случаев) и место смерти (1 случай) (Binford 1971: table III). Различия статуса могли выражаться и в таких параметрах: 1) сложность обработки тела усопшего, 2) положение тела и особенности погребальных конструкций; 3) характер и продолжительность похорон и поминальной тризны; 4) сопроводительный инвентарь; 5) наличие человеческих жертвоприношений и сопровождающих захоронений. При этом первые три показателя далеко не всегда могли выступать критерием социального ранжирования (Tainter 1978: 116-117).

Несколько слов следует сказать об обществах высокоспециализированных оседлых рыболовов и охотников на морских животных. Их экономика классифицируется как одна из форм присваивающего хозяйства. Однако, в ряде случаев, стабильные источники существования (например, лов лососевых рыб) и методы длительного хранения пищи давали возможность для создания сложной неэгалитарной организации с развитым статусным неравенством, иерархической социальной организацией, наследственной властью вождей (индейцы Северо-Западного побережья Америки — квакиютли, глинокиты, оседлые рыболовы Флориды, население перуанского побережья, предки остяков Западной Сибири и пр.). Иногда столь высоко развитую социальную организацию можно было создать на основе высокоэффективного собирательства. Таковы, например, собиратели саго Новой Гвинеи. Этнографическими наблюдениями и археологическими раскопками зафиксирована развитая дифференциация, иерархия поселений, крупномасштабное строительство (ритуальные насыпи и святилища, «элитные» курганы, укрепления вождей и пр.), появление специализированных ремесленников обслуживающих знать, наличие пышного погребального церемониала (Шнирельман 1986; Башилов 1998 и др.).

Вожжество. Теория вожества (от англ. *chiefdom*) принадлежит к числу достижений западной политантропологии. Её наиболее важные положения были сформулированы в трудах Э. Сервиса (*Service* 1962/1971, 1963, 1975) и М. Салинза (*Sahlins* 1968; Салинз 1999). История открытия и последующего развития теории вожества была подробно освещена в зарубежной (Earle 1987) и в отечественной (Васильев 1980, 1981; Крадин 1995) литературе. В настоящее время многочисленные исследования существенно обогатили фактологическую базу новыми археологическими и этнологическими материалами из Северной и Южной Америки, Африки, Европы, Океании, значительно расширили теоретические представления об экономическом базисе вожеств, их социальной иерархии, структуре управления, идеологии, типологических вариациях и этапах развития. Опубликовано несколько обобщающих книг, систематизирующих данные из различных регионов мира.

Э. Сервис определил вожжество как промежуточную форму социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей теократического характера и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата (*Service* 1975: 15). Т. Эрл, один из авторитетнейших специалистов современности в области теории вожества, выделяет следующие, на его взгляд, наиболее существенные признаки: (1) полития с населением в несколько тысяч («простое» вожество) или в несколько десятков тысяч («сложное» вожество) человек; (2) наличие региональной иерархии поселений; (3) политическая централизация и стратификация; (4) зарождение политической экономики для институализации финансовой системы (Earle 1997: 121)

Если суммировать различные точки зрения на сущность вожества, выдвигавшиеся различными авторами, то можно выделить следующие основные признаки этой формы социополитической организации (Крадин 1995):

(1) вожжество — это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации;

(2) в вожестве имеется иерархическая система принятия решений и институты контроля, но отсутствует узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы;

(3) в вождестве существует четкая социальная стратификация, ограниченный доступ к ключевым ресурсам, имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие;

(4) важную роль в экономике играет редиистрибуция — перераспределение прибавочного продукта по вертикали;

(5) чифдом как этнокультурная целостность характеризуется общей идеологической системой и/или общими культурами и ритуалами;

(6) верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, иногда теократический характер.

Довольно часто вождества не представляли собой устойчивых политических и общественных систем. В ранних вождествах власть могла сохранять ненаследственный, личностный характер, ее стабильность зависела от успешности политических и военных практик, харизмы лидера. В более поздних и сложно стратифицированных вождествах верховная власть распределялась среди членов правящего клана, вырабатывались механизмы ее передачи, хотя это не исключало междоусобных конфликтов. Но, как в ранних, так и в поздних вождествах авторитет поддерживался с помощью методов престижной экономики, постоянных раздач материальных и морально значимых ресурсов.

Вождества, как правило, включают этнически монолитное население. Однако в ряде случаев к ним можно отнести объединения, построенные на полиэтничной основе или на многоуровневой кланово-линиджной генеалогии, включающей в иерархию как группы связанные реальной биологической близостью, так и фиктивным родством, отражающим статус того или иного коллектива. Этнические принципы стратификации в вождествах были особенно показательными в кочевых обществах степной Евразии.

Выделение по археологическим материалам признаков вождеств — весьма дискуссионная тема. Однако некоторые показатели в своей совокупности все же позволяют предполагать наличие таких структур у носителей ряда изученных культур. Важнейший признак — это существование в обществе поселенческой иерархии (Renfrew 1984). Возникновение института вождей, а затем и вождеств нередко сопровождалось возведением мегалитических сооружений: гробниц, святилищ, насыпей, статуй, гигантских ворот и т.д. Такие сооружения известны во многих регионах мира. Они отражали существенные идеологические изменения в культуре древнего населения и сакральном восприятии власти военно-политических лидеров. Наконец последний важный критерий — наличие в вождестве социальной дифференциации, основанной на неравном доступе к ресурсам. При этом количество социальных рангов в разных вождествах было различным. Самые простые вождества включали вождей и остальных общинников. В более стратифицированных социумах имелось три и более групп: правящий линидж, региональная знать, общинники (Тонга, Павери Пойнт в США); вожди, общинники и так называемые «рабы» (Таити); аристократия, земледельцы общинники, неполноправные категории, «рабы» (Гавайи).

Раннее государство. В политантропологической литературе выделяются два основных подхода к пониманию ранней государственности. Согласно *интегративной* или *функциональной* версии политогенеза (Service 1975) архаическое государство возникает вследствие организационных нужд, с которыми вождеская власть не может справиться. При этом раннегосударственная власть имеет не

насильственный, а консенсуальный характер. Она основана на сакральной (т.е. священной) идеологии. По мнению сторонников *конфликтного* подхода (Fried 1967) государственность — это средство стабилизации стратифицированного общества от предотвращения конфликтов в борьбе между различными группами за ключевые ресурсы жизнеобеспечения. Эта версия объясняет происхождение государства исходя из отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования.

В настоящее время очевидно, что это не взаимоисключающие позиции. В реальности и интеграция, и конфликт одновременно присутствуют в природе государства. Государственность действительно выполняет важные социальные функции (защищает жителей от внешних врагов, преступников, выполняет организационные функции и т.д.). В то же самое время носители власти имеют расширенный доступ к ресурсам и различным благам, а подданные вынуждены соглашаться со своим более низким статусом.

Чем государство отличается от предшествующих ему форм политической организации? Современные исследователи выделяют различное число критериев, однако мало кто настаивает на универсальных показателях. С точки зрения, например, сторонников интегративного подхода самыми яркими признаками возникшего государства являются строительство крупных монументальных сооружений (храмов, гробниц, дворцов и т.д.), появление городов и письменности. К этим компонентам иногда добавляют такой критерий как численность и плотность населения. При этом подчеркивается, что население вождеств, как правило, насчитывало десятки тысяч этнически однородного населения, в то время как в ранних государствах счет шел уже на сотни тысяч и миллионы человек из разных этнических сообществ и групп. Авторы, стоявшие на марксистских позициях, настаивали на том, что государство отличается от предгосударственных обществ наличием классовой эксплуатации и специализированных органов принуждения.

При использовании археологических источников для социальных реконструкций необходимо иметь ввиду, что понятие «город» очень неопределенно, а такие признаки цивилизации, как письменность, наличие высокоразвитой торговли и ремесел, монументальная и урбанистическая архитектура, могут встречаться еще в догосударственном обществе и, наоборот, их может не быть в раннегосударственных образованиях. Многие ранние государства Африки не знали письменности, однако известны безгосударственные общества, имевшие письменность (кельты, иберы, скандинавы периода раннего средневековья). Социальная стратификация, фиксируемая в погребальном обряде, характерна как для государств, так и для вождеств. Едва ли можно точно определить по уровню развития ремесла, торговли или числу уровней иерархии является данное общество вождеством или государством. Монументальные сооружения характерны не только для цивилизаций, но и встречаются в вождествах (Стоунхендж).

В политической антропологии широкое распространение получила точка зрения М. Вебера (Weber 1922: 296), согласно которой правитель государства может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия (Service 1975; Claessen, Skalnik 1978 и многие др.). Под легитимизированным насилием понимается наличие специальных институтов власти, которые наделены особыми полномочиями и опираются на устное или писаное право. Действительно, эксплуатация и власть известны задолго до появления государства. Имеется немало случаев,

когда правители вождеств могли карать своих подданных, а некоторые из них даже выглядели как единовластные самодержцы. Однако хорошо известно и противоположное. Если вождь не прислушивался к советам старейшин, пытался изменить традиции, нарушал табу, сильно притеснял своих подданных и совершал убийства, то его могли заменить. Поскольку правители вождеств не имели специализированного аппарата принуждения, их положение в такой ситуации было незавидным (Салинз 1999: 137–141).

Впрочем, далеко не все согласны с использованием и этого критерия как характеристики раннего государства. Р. Карнейро не без основания полагает, что многим раннегосударственным образованиям как раз не хватало монополии на использование силы, ссылаясь при этом на англосаксонские законы, в которых было записано, что любой может убить вора (не обращаясь в специальные органы правосудия) и даже получить за это определенное вознаграждение (Carneiro 1981: 68). Впрочем, в таком случае резонно поставить вопрос, не являлись ли ранние англосаксонские политии не государствами, а вождествами. Все это говорит о том, что намеченная в общих чертах демаркационная линия между предгосударственными обществами и ранним государством при более близком рассмотрении становится расплывчатой, аморфной. Очевидно, что одного работающего универсального признака государственности нет, нужна их система. Но сколько признаков составляют систему: два из трех, три из пяти или более — это серьезная научная проблема.

Тем не менее, с позиции структурно-функционального подхода мы можем выделить ряд показателей, совокупность которых позволяет с высокой степенью вероятности предполагать наличие государства или активную фазу его становления:

Так или иначе, сложившиеся ранние государства имели сложную административную и социальную структуру. Кросс-культурный анализ 21 общества показывает, что социальная стратификация в ранних государствах как правило, насчитывала три больших слоя (Claessen, Skalnik 1978). При этом категории населения, отнесенные к разным слоям, имели дифференцированный доступ к материальным и иным ресурсам. Согласно Х. Классену высший слой, как правило, включал правителя, элиту, к которой принадлежали его родственники, обладатели высших должностей и главы знатных кланов и линижей, жречество. Средний слой состоял из таких групп, как выполнявшие административные функции слуги правителей (*ministerials*) и провинциальная элита (*gentry*). К низшему слою принадлежали крестьяне — мелкие владельцы и арендаторы, а также такие категории как ремесленники, торговцы, слуги и рабы (там же: 587–588). Можно не соглашаться с терминологией, используемой Х. Классеном или полемизировать по поводу отнесения каких-либо социальных групп к тому или иному слою, однако сложный характер раннегосударственного общества, многоуровневая социальная структура представляется несомненной.

Как отметил Э. Геллнер (1991) в аграрных цивилизациях правящая элита и приближенные к ним группы составляют меньшую часть населения, резко отделенную от сельскохозяйственных производителей как своим образом жизни, так и культурными символами. Эти символы должны закрепить существующее разделение общества, подчеркивая тем самым незыблемость и неизбежность сложившегося общественного строя. Несельскохозяйственное население разделяется на несколько социальных прослоек вследствие своей профессиональной

специализации — господствующая элита, чиновники, духовенство, воины, торговцы и т.д. Однако каждую из этих групп объединяют сильные горизонтальные связи, что выражается в едином образе жизни (субкультуры духовенства, воинов, книжников и пр.). В отличие от них мир непосредственных производителей разделен на многочисленные локальные сообщества, которые ведут замкнутое существование. Даже если они говорят на одном языке, скорее всего, каждое местечко имеет в силу изолированности свой диалект.

Вследствие этого, если экстраполировать данные идеи применительно к археологическим данным, можно предположить, отличия в погребальной обрядности господствующих групп могут свидетельствовать о принадлежности к тому или иному социальному слою (элита, воины, духовенство и пр.). Различия на уровне погребальной обрядности основных масс населения (между отдельными могильниками или их группами), скорее всего, должны свидетельствовать о территориальных особенностях жителей той или иной местности.

Альтернативы вожеству и государству. Вожество являлось не единственной моделью комплексных стратифицированных обществах эпохи политогенеза. Во многих горских общеполитиях при развитой социальной стратификации (как правило, деление на богатых и простых общинников, неполноправные слои) процессы политической интеграции не получили своего окончательного завершения (ифугао Филиппин, горцы средневековой Швейцарии, баски, албанцы, черногорцы, апатани Восточных Гималаев и др.). Интерпретируя подобные общества в рамках так называемого «закона Монтеस्कье», М.А. Агларов (1988) обнаружил параллели между общинными порядками Нагорного Дагестана и древнегреческими полисами и выделил два варианта дагестанских горских общин: дисперсные *джамааты* (общины), состоящие из нескольких небольших деревушек и возникшие в результате синойкизма урбанизированные *джамааты*. *Джамааты* объединялись в «вольные общества», последние составляли общий «союз» или «конфедерацию» вольных обществ нагорного Дагестана.

Другие исследователи настаивают на еще большей распространенности «полисного» варианта развития. Ю.Е. Березкин убедительно доказал, что альтернативная вожеству социально-политическая организация была характерна не только для горских народов. Он сопоставляет археологическую модель вожества с данными раскопок ряда доисторических социумов Передней Азии и Туркменистана. Просчитав возможную численность населения этих обществ, он приходит к выводу, что численность их населения соответствует численности населения типичных вожеств. Однако археологические критерии чифдомов в этих культурах отсутствовали: вместо иерархической системы поселений отмечено дисперсное расселение общин; вместо резкой грани между элитой и простыми общинниками — слабое проявление имущественного и/или социального неравенства; вместо монументальной храмовой архитектуры — множество небольших (семейных?) мест для отправления ритуалов. Ю.Е. Березкин (1994, 1995а, 1997, 2000) находит этноисторические аналогии в обществе апатани Восточных Гималаев.

Один из авторов этой главы привлек дополнительное внимание к так называемым горским обществам в связи с проблемой «греческого чуда». Оказалось, что децентрализованные политические системы горских сообществ имеют принципиальное сходство с греческими полисами. Небольшие размеры обществ предполагали прямое участие всех членов общества в политической жизни и

более или менее демократичную политическую систему. Пересеченный рельеф не способствовал объединению общин горцев в более крупные иерархические структуры (например, в вождества), а также препятствовал подчинению горцев равнинным государствам соседей. Подобную защитную роль от соседей могли выполнять не только горы, но и болота (Белоруссия), моря, пустыни, безжизненные территории, а также сочетание тех или других (Карфаген, средневековая Исландия, Дубровник, Запорожская Сечь и подобные ей «вольные общества»). Разумеется, мы понимаем, что одна только эта причина не может объяснить феномен «греческого чуда», равно как и то, что далеко не все горские общества (например, империя Инков) были демократическими (Коротаев 1995).

Развивая схожие идеи, израильский политантрополог М. Берент считает, что классический греческий полис был безгосударственным обществом, в доказательство чего он приводит большое число разнообразных аргументов (Берент 2000). В полисе не существовало сложившегося государственного аппарата, а контроль над управлением обществом осуществлялось всеми его гражданами. Несколько ранее, в 1989–1991 гг., на страницах журнала «Вестник древней истории» уже прошла подобная дискуссия о характере римской государственности. Е.М. Штаерман выступила с точкой зрения, очень похожей на позицию М. Берента. Согласно ее мнению, классический римский полис периода республики не может считаться государством. Аппарат исполнительной власти был ничтожно мал. Не было прокуратуры и полиции. Не было ни налогов, ни аппарата для их сбора. Только при Августе был завершён процесс создания государственной системы, включавшей многоуровневый административный аппарат, преторианскую гвардию, когорты стражи, профессиональную армию (Штаерман 1989).

Интересно, что у многих горских народов участие масс в политической деятельности приводило к блокированию развития антидемократических тенденций. В конце XVIII в. у адыгов Кавказа произошли так называемые «антиаристократические революции», в результате которых многие из местных князьков были убиты или изгнаны. У качинов Тибето-Бирманского нагорья в середине XIX в. власть наследственных вождей также была свергнута. Подобный демократический переворот произошел у нага Северо-Восточной Индии. Исходя из этого, уже не кажется такой случайной победа афинского демоса над аристократией, а римского плебса над патрициями.

Так или иначе, перед археологом, который берется за реконструкцию социальной структуры сложных стратифицированных обществ альтернативных вождеству и государству, возникает много проблем. Можно только фантазировать, насколько разные интерпретации могли бы дать археологи политической и социальной структуре крупных греческих полисов, таких как Афины, Спарта или Коринф, если бы полностью отсутствовали письменные источники этого времени. На территории Греции археологическим данным выделяется наличие нескольких центров и иерархическая структура поселений (Яйленко 1989: 93-94). Почему это не может быть свидетельством существования единой империи, как, впрочем, и несколько враждующих сложных вождеств/ранних государств? Монументальные архитектурные сооружения (тот же Акрополь) вполне логично интерпретировать как резиденции единовластных правителей или их сатрапов, а из дифференциации погрёбальной обрядности можно вывести классы, касты и т.д.

Насколько часто подобная интерпретация может встречаться в трудах археологов? Сплошь и рядом там, где нет возможности сопоставить археологические источники со сведениями нарративных данных. В подтверждение этого можно сослаться на противоположные интерпретации результатов раскопок Хараппы и Мохенджо-Даро, сыгравших важнейшую роль в формировании древнеиндской цивилизации (Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 181-182, 190). Другим примером является противоположная интерпретация материалов Алтын-Депе в работах В.М. Массона (1981) и Ю.Е. Березкина (1994; 1995а). Но даже там, где есть определенный корпус письменных источников, не исключена вероятность альтернативных построений, как в случае с описанием социальной структуры обществ скифского мира в рамках трехчленной сословно-кастовой индоиранской системы (Грановский 1980; Раевский 1985) или же в контексте сравнительно-исторической концепции эволюции кочевников евразийских степей (Хазанов 1975 и др.). Однако данные проблемы уже выходят за рамки поставленных в этой главе вопросов.

Отражение социальной структуры в погребальной обрядности

Наличие на русском языке специальных обзоров, посвященных рассмотрению социологической интерпретации погребальной обрядности (Добролюбский 1987; Гуляев 1990; Ольховский, 1995; Бишони 1994; Харке, Савенко 2000, 2000а; и др.) избавляет нас от необходимости подробно рассматривать историографию вопроса. Остановимся только на наиболее важных аспектах данной темы.

Первые попытки реконструкции социальной структуры по данным археологии, судя по всему, относятся еще к рубежу XIX–XX вв. (Добролюбский 1987: 108; Бишони 1994: 153). В той или иной степени социологические интерпретации погребальной обрядности были характерны для классической культурно-исторической археологии за рубежом. Определенный интерес к этой теме возник и в рамках социологического марксистского направления в нашей стране в 1920–1930-е гг. (Генинг 1982, 1983, 1988).

В то же время на Западе, в целом, было принято считать, что особенности погребального обряда более опосредованы религиозными представлениями, нежели социальными позициями усопшего. Наиболее последовательным противником использования данных по погребальной обрядности для реконструкции социальной структуры архаических социумов был А. Крёбер. Он полагал, что погребальные обряды нестабильны и вследствие этого не могут содержать адекватных данных о дифференциации изучаемого сообщества (Kroeber 1927 etc.).

Принципиальным образом ситуация за рубежом изменилась после возникновения так называемой новой (процессуальной) археологии начиная со второй половины 1960-х гг. Пионерскими в этом плане стали публикации Л. Бинфорда (Binford 1971 etc.), а также фундаментальные исследования А. Сакса, Дж. Тэйнтера, Дж. О'Ши (Saxe 1970; цит. по: Chapman, Randsborg 1981: 6; Tainter 1975; 1976; 1978; O'Shea 1981; 1984 etc.).

В этих работах подчеркивалось, что социальные позиции индивида во многом проявляются в обрядах погребения. При этом если в группах охотников и собирателей в основном проявляются половозрастные особенности захороненных, то в обществах ранних земледельцев и скотоводов более ярко фиксируются черты, указывающие на социальные роли и статус индивида. Последние характеристики наиболее рельефно проявляются в количестве труда, вложенного в захоронение

(включая затраты на погребальную конструкцию, опущенный в могилу сопроводительный инвентарь, расходы на траурную церемонию и тризну). Этот показатель может дать представления о вертикальной структуре общества (социальной дифференциации), тогда как данные о горизонтальной структуре социума (семейно-родственные связи, возрастные группы и пр.) могут быть получены из исследования планиграфии захоронений.

В 1970–1980-е гг. идеи «новой» археологии оказали немалое влияние не только на североамериканскую, но и на западноевропейскую археологию. В этот период по обе стороны Атлантического океана были выполнены важные работы, в которых можно проследить как прямое, так и косвенное влияние процессуалистских разработок в области социологической интерпретации погребальной обрядности (Peebles 1972; Rathje 1972; Renfrew 1972; Randsborg 1974; 1981; Shennan 1975; Peebles, Kus 1977; Hodson 1979; Rotschild 1979; Goldstein 1980; Brown 1981; Kristiansen 1982; Graziadio 1991; Бишони 1994; Kristiansen, Rowlands 1998 etc.).

Почти вслед за возникновением процессуальной археологии возникло критическое направление — постпроцессуализм, сторонники которого не разделяют оптимизм в области социокультурных интерпретаций неозоволюционистских археологов. Представители этой школы занимают весьма скептическую позицию относительно возможности реконструкции социальной структуры общества на основе изучения погребального обряда (Ucko 1969; Hodder 1976; Wilson 1976; Pader 1982 и др.). Они полагают, что погребальная обрядность более связана с религиозными воззрениями (идея, идущая от А. Крёбера), нежели чем с их общественными позициями, а современному человеку недоступен исходный смысл, который древние вкладывали в погребальный ритуал и, следовательно, наши выводы строятся только на собственных умозаключениях.

Однако с подобным утверждением трудно согласиться. Несомненно, исследователи не в состоянии полностью реконструировать значение погребальной церемонии, однако это не означает, что мы не можем попытаться понять ее определенный социальный или идеологический контекст (Jacobsen, Cullen 1981: 79–80). «Выводы о социальной иерархии не зависят от наших знаний о том, какой смысл вкладывали люди в строительство этих сооружений. Чтение подтекста не требует знания о том, что означает сам текст» (Уасон 2003: 166).

Другой контраргумент постпроцессуалистов основывается на скептическом утверждении, что прямая связь между погребальным ритуалом и социальным статусом умершего человека отсутствует. Для подтверждения этого тезиса, М. Паркер-Пирсон исследовал современные кладбища в Кембридже и показал, что корреляция между расходами на могильные изваяния и богатством индивида очень незначительна. Только представители королевской семьи, национальные герои и некоторые представители национальных меньшинств были погребены с пышными церемониями (Parker-Pearson 1982). Эти исследования сочувственно цитировались в свое время Я. Ходдером (Hodder 1991: 2) для подтверждения своих идей по поводу того, как трудно понять человеческое поведение, основываясь на интерпретации фрагментов материальной культуры. Впоследствии Паркер-Пирсон расширил свою аргументацию посредством включения в книгу о погребальной археологии выводов собственных этноархеологических исследований на Мадагаскаре (Parker-Pearson 2001). Тем не менее, в данном случае едва ли следует принять его способ прямых сопоставлений современных, традиционных и древних обществ. Рационализм и

десакрализованные практики современных социумов во многом отрицают опыт доиндустриальных обществ и метод «обратной проекции» едва ли здесь уместен. Дополнительно можно указать и на тот факт, что в ряде нынешних стран, где черты традиционности еще достаточно сильны (примером может служить и Россия), исследование, подобное изысканиям Паркера-Пирсона, скорее было бы в пользу процессуальной археологии.

Не вдаваясь в подробный разбор основных положений постпроцессуализма, который за несколько десятилетий критики «новой» (процессуальной) археологии так и не смог предложить стройной концептуальной альтернативы (об этом см.: Patterson 1990), необходимо отметить уязвимость подобных выводов в принципе. В христианстве (это справедливо, кстати, также в отношении других мировых религий) смерть представляет собой переход индивида в небесное царство равных и, следовательно, идеология препятствует излишней демонстрации социальной иерархии (Trinkaus 1984: 675). Впрочем, неравенство все равно проявляется, пусть даже в других факторах: в месте погребения (кафедральный собор, кремлевская стена, престижное кладбище и др.), в присутствии большого количества людей (в том числе и влиятельных лиц) на похоронах, в пышности церемонии (катафалк, цветы, информация в СМИ, национальный траур и т.д.). Другое дело, насколько эти отличия могут быть отражены в объектах материальной культуры. Из этнографии известно немало примеров, когда высокие социальные позиции индивида проявлялись не в размерах и особых формах погребальных конструкций, а именно в пышном обряде похорон (Wason 1994: 70, 183 etc.).

Но даже и в этом случае нет никаких оснований распространять данные по викторианской Англии на иные современные общества. Чтобы убедиться в ошибочности этого, достаточно, например, посетить любое городское кладбище на территории современной России и посмотреть с какой роскошью погребены криминальные авторитеты. Что же касается архаических обществ эпохи политогенеза, то здесь постпроцессуальный критицизм представляется вообще излишним. Трудно представить, чтобы некрополь правителя какого-нибудь вождества или раннего государства был беднее, чем, например, захоронение простого крестьянина, вольноотпущенника или раба. И египетские пирамиды, и царские захоронения III династии Ура, и роскошные курганы скифского времени на территории Евразии демонстрируют экстраординарный для современников статус лиц, погребенных в столь пышных усыпальницах.

Л. Бинфорд специально изучал по этнографическим источникам влияние тех или иных обстоятельств на погребальную обрядность в 40 различных культурах. Исходя из суммарных подсчетов его изысканий, оказывается, что те или иные черты погребальной обрядности были значимы в следующих случаях: место смерти — 2 раза, условия смерти — 8 раз, возраст — 11 раз, пол — 19 раз, социальное взаимодействие — 28 раз, социальные позиции — 38 раз (Binford 1971: table IV). Таким образом, именно общественное положение человека наиболее полно отражается в погребальной обрядности этноисторических народов. Мы вправе распространить этот вывод и на более ранние исторические периоды.

Вне всякого сомнения, нельзя жестко привязывать те или иные типы погребений к конкретным социальным прослойкам по причине фрагментарности нашей источниковой базы и отсутствия информации о социальной структуре изучаемого общества в целом. Однако при соблюдении определенных методических процедур

можно вполне корректно судить, например, об эгалитарном или стратифицированном характере структуры исследуемого социума.

Более того, можно согласиться с мнением, что сложность социальной стратификации в известной степени может коррелироваться со сложностью социальной системы. С другой стороны, с возникновением ограниченного доступа к ресурсам не могло не появиться желание закрепить подобное неравенство наследственно, что, в свою очередь, должно было сопровождаться увеличением социальных рангов и усложнением общественной системы в целом (Brown 1981: 26).

Отечественная археология эволюционировала своим путем. Теоретические дебаты между процессуалами и постпроцессуалами, проходившие на Западе, ее практически не затронули. В нашей науке в советский период ее развития особенное внимание уделялось социологическим построениям (даже в ущерб иной проблематике). При этом интерпретации социальной структуры архаических обществ производились с точки зрения формационной теории, марксистско-ленинского учения о классах и государстве. Только начиная с 1980-х гг. в отечественную науку проникли неозволюционистские концепции вожества, раннего государства и т.д.

В то же самое время методические разработки археологов-неозволюционистов теорий «среднего уровня» оказались востребованными среди отечественных археологов. Для большинства авторов, не имевших доступа к зарубежной литературе, это оказалось возможным благодаря фундаментальной работе В.М. Масона (1976). В 1970–1990-е гг. в советской, а затем и в российской науке, было опубликовано значительное число интересных исследований, посвященных методике анализа социальной структуры по данным археологии (Грач 1975; Массон 1976, 1996; Алекшин 1977, 1986; Лебедев 1977; Добролюбский 1982; Бунятян 1981, 1982, 1985; Михеев 1986; Генинг и др. 1990; Гуляев 1990а; Афанасьев 1993а–б; Плетнева 1993; Галанина 1994; Ольховский, 1995; Бобров 1997; Бобров, Михайлов 1997; Васютин 1998; Харке, Савенко 2000, 2000а; и др.).

Кроме этого, к настоящему времени в отечественной археологии накоплен большой опыт конкретно-исторических исследований социальной структуры обществ кочевников-скотоводов (Алекшин 1975; Добролюбский 1978; Грач 1980; Курочкин 1980, 1989; Бунятян 1981, 1985; Суразаков 1983, 1992; Генинг 1984; Акишев 1986, 1994; Бойко 1986; Елин 1989; Савенко 1989; Трифионов 1989; Гей 1993; Флеров 1993; Тихонов 1993; Болтрик, Фиалко 1994; Субботин 1994; Коробов 1996; Матвеева 1997, 1997а, 2000; Миронов 1997; Тишкин 1997; Медведев 1999; Белинский и др. 2001; Тишкин, Дашковский 2001, 2003; Дашковский 2002, Крадин, Коновалов, Данилов 2004; и многие др.). В западной науке проблема реконструкции социальной структуры ранних кочевников евразийских степей затрагивалась в меньшей степени (Бернабей, Бондиоли, Гуиди 1994; Бишони 1994).

В качестве методологии для изучения социальной стратификации по археологическим источникам мы предполагаем использовать несколько теоретических допущений. Главное из них может быть охарактеризовано как энергетическая теория власти. Еще Б. Рассел отмечал, что для социальных наук понятие власть имеет столь же фундаментальное значение, что и понятие энергия для физики (Russell 1938). Л. Уайт (2004) показал, что вся история человеческой культуры есть процесс расширения объемов и источников используемой людьми энергии. Р. Адамс применил данные идеи к институтам общественной иерархии и власти (Adams 1975), оговаривая, правда, при этом, что власть имеет не физическую, а культурную и

психологическую природу. По Адамсу, любое стабильное человеческое сообщество является открытой энергетической системой, которая обменивается энергией с внешней средой и преобразует эту энергию. Любая система стремится к уменьшению внутренней энтропии. Концентрация власти и введение иерархии способствуют лучшей адаптации, уменьшают энергетические потери.

Начиная с появления вождей, контроль над энергией принимает иерархически централизованный, отделенный от широких масс характер. Для закрепления данных принципов общественной структуры используются механизмы сакрализации правителя, передачи власти по наследству, ограничения доступа к управлению на основе эндогамии. Далее, по мере усовершенствования средств контроля энергетических потоков, расширяются объемы и способы воздействия власти.

Исходя из этих идей, величина власти обусловлена масштабом контроля над источниками энергии (продуктивные ресурсы, военная добыча, товарооборот и др.), накопителями энергии (склады, у номадов — стада, сокровищницы и пр.) и контролем над перераспределением энергетических потоков. Следовательно, чем выше был статус индивида, тем, нередко, более пышным являлся опущенный с ним в могилу инвентарь (одежда, украшения, оружие, предметы быта, пища, импортные товары и др.). Однако очень многие так называемые царские погребения древних цивилизаций и культур ограблены. По этой причине можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что такой критерий как количество энергозатрат при возведении погребальных и других сооружений, как правило, коррелируется с рангом умершего, объемом его власти при жизни и может быть применим для реконструкции социальной структуры архаического общества (Binford 1971; Tainter 1975, 1978; Массон 1976: 169; Добролюбский 1978: 113–114; Сорокин С.С. 1978, 1981; Коренько 1979: 7; 1990: 32–33; Brown 1981: 28–29; Jacobsen, Cullen 1981; Акишев А.К. 1984: 105; Gibson 1984: 166; Бунятян 1985: 72–73; Генинг и др. 1990: 191, 193–194; Афанасьев 1993а: 5; Матвеева 2000: 7, 195; Уасон 2003: 166 и др.).

Необходимо иметь в виду, что процедура конкретной социологической интерпретации погребальной обрядности должна быть достаточно гибкой и основываться не только на конкретной теоретической концепции, но и на определенных способах интерпретации следов социального поведения в археологических находках (Brown 1981: 26).

При этом можно избрать несколько разных способов исчисления трудовых затрат (Бишони 1994: 154–155). Наиболее часто исследователи идут по пути выделения нескольких типов погребений, отличающихся размерами, формой и сопроводительным инвентарем. Нередко для этого используется факторный и/или кластерный анализ (Hodson 1970; 1977; Tainter 1975; Milisauskas 1978; Бунятян 1985; Афанасьев 1993; Тишкин, Дашковский 2003; Матвеева 2000; Крадин, Коновалов, Данилов 2004 и др.).

В другом случае можно использовать так называемые «кривые богатства», основывающиеся на количестве значимых и престижных предметов в захоронении (Hodson 1979; Graziadio 1991; Гей 1993; Бернабей и др. 1994 и др.) или на выявлении редких и/или получаемых издалека изделий (Shennan 1975; Brown 1981: 30, 34, 36; Wason 1994). В третьем варианте стоит осуществить подсчет «богатства» в пересчете на драгоценные металлы и их реальную стоимость для периода совершения погребения (Ransborg 1974; Гаврилюк 2000).

В этой связи резонно задать вопрос, а что являлось «богатством», а что не представляло собой ценности для исследуемого общества. В современном смысле богатство рассматривается как следствие имущественного неравенства. Оно выступает основанием экономической стратификации и понимается как совокупность различных материальных активов, включая доходы, различные формы движимого и недвижимого имущества (Kottak 1997: 276).

Несмотря на то, что это определение было взято из учебника по антропологии, представляется сомнительным распространять его на архаические культуры, в которых экономика имела престижный характер и основывалась не на товарно-денежных отношениях, а на принципе дарообмена (Мосс 1996; Салинз 1999 и др.). Далеко не всегда количественные показатели отражают реальный статус и престиж индивида в архаических обществах. Поэтому небезопасно при изучении погребальной обрядности основываться только на количественной стороне так называемого богатства. Однако как в таком случае выявить качественную составляющую неравенства?

Отчасти эту проблему можно разрешить посредством разграничения так называемых *обычных* финансов и финансов *богатства* (Earle 2002: 192–194). Обычные финансы представляет собой аккумулируемые излишки повседневных товаров — продукции земледелия, животноводства и охоты, ремесленные изделия и т.д. Данная прибавочная продукция производится в рамках натурального хозяйства. Ее преимущества в относительной простоте аккумуляции, она может быть быстро использована для непосредственного потребления каких-то групп или общества в целом. Недостатком является то, что подобные излишки, как правило, трудно хранить продолжительное время и сложно транспортировать на длительные расстояния.

Финансы богатства представляют собой совокупность предметов, которые обычно не имеют утилитарного значения (ценные вещи, изделия из благородных металлов, драгоценности, первобытные деньги, монеты и др.). Они могут быть получены посредством редистрибуции, внешнего обмена или же созданы трудом ремесленников, обеспечивающих потребности элиты. Нередко такие предметы используются в качестве оплаты различных чиновников и должностных лиц. Их очевидные преимущества — возможность длительного хранения и перемещения даже на большие расстояния. Недостаток в том, что они не предназначены для непосредственного потребления или использования и должны быть конвертированы в необходимые продукты.

Как указанное разделение фиксируется в археологических материалах? С одной стороны, возможно, следует обратить внимание на редкие предметы, полученные издалека. Во многих обществах именно контроль за внешним обменом служил важным каналом усиления власти тех, кто осуществлял контроль над торговлей (Webb 1975; Ekholm 1977; Earle 2002 etc.). С другой стороны, возможно, определенное понимание в этом может дать сравнительное изучение комплекса артефактов из захоронений и синхронных им поселений. Утилитарные артефакты, часто встречающиеся при раскопках поселений архаического человека, как правило, не могут служить символическим показателем высокого социального ранга усопшего (Brown 1981: 30).

Наконец, представляется важным разграничивать символы собственно «богатства» и символы «власти». Далеко не всегда предметы, которые могли бы

указывать на высокий имущественный и/или социальный статус погребенного, могут свидетельствовать о его властных полномочиях (Brown 1981: 36; Chapman, Randsborg 1981: 9; Renfrew 1984: 24).

Обычно власть вслед за М. Вебером принято понимать власть как способность навязывать свою волю другим, даже вопреки их сопротивлению (Weber 1922: 28; Fried 1967: 13; Mann 1986: 6; Куббель 1988: 28–29; Крадин 2001: 87–90). Следовательно, символы власти — это особые предметы, которые указывают на политический статус его владельца. Символика власти многообразна. Она появляется еще в эгалитарных и ранжированных обществах, где имеет ярко выраженный половозрастной характер (пищевые табу, право на получение имени, татуировку, ношение оружия и т.д. только после инициации). В сложных или комплексных обществах (т.е. вождествах, государственных образованиях и иных их аналогах) символика приобретает несколько иное значение. Она подчеркивает вертикальные связи. Людям приходится вступать в отношения с незнакомыми людьми и поэтому символы должны безошибочно указывать на социальную роль индивида (вождь и общинник, свободный и раб, рыцарь и крестьянин).

Королевская власть также создала свою атрибутику, в которую до сих пор включаются обязательные символы — корона, скипетр, держава и герб. Символом подчеркивания власти становится слово. Создаются особые языковые конструкции обращения к правителю — «ваше величество», «сир», «государь» и пр. В так называемых высоких (т.е. письменных) культурах элита отличалась от масс причастностью к грамотности (если не прямо, то опосредованно через грамотеев писцов), устная речь властвующего тиражировалась многочисленным отрядом писарей.

Из прочих символов особенное место занимают предметы, связанные с войной и военной деятельностью (мечи, копья, защитное вооружение, иконография). Важное значение в символике власти имеют хищные животные (кошачьи, вепрь и бык, волк, змея=дракон, хищные птицы). Они изображаются на оружии, различных предметах, связанных с властью, и должны подчеркивать силу, твердость, военное могущество, агрессивность и даже жестокость существующей власти (Morris 1998).

Символика власти предполагает, что пространство должно быть организовано таким образом, чтобы подчеркивать дистанцию и, тем самым, различие в статусах между правителем и всеми остальными. Структурирование территории в сложных обществах приводит к расчленению пространства на «центр», где сосредоточены носители власти и ее влияние максимально, и «периферийные» участки, на которых такое воздействие по мере удаления убывает. Пространственные оппозиции фиксируются на всех уровнях: страна делится на столицу и провинции; столичный город — на центр, где сосредоточена резиденция правителя (замок, кремль, дворец) и обычные районы («посад»), во дворце выделяется тронный зал, в тронном зале — трон. Трон, в свою очередь, обязательно ставится в таком месте, которое максимально удаленно от входа и, как правило, находится на некотором возвышении.

Все эти показатели согласуются с разработками исследователей, которые давно пришли к выводу, что экономическая и политическая власть фиксируется в специфических культурных конструкциях и символах, которые могут быть хорошо отражены в археологических комплексах (в иконографии, монументальном строительстве, в архитектурной планировке и др.) (Marcus 1974; Renfrew 1984; Abrams 1989; Earle 1991; Wason 1994).

Монументальные сооружения создают такое священное пространство, которое символизирует божественный, иррациональный статус земной власти (применительно к ранним кочевникам это так называемые элитные курганы со всей их атрибутикой). Фокусируя ландшафт «на себя», воплощая максимальную сакральность социума, крупные памятники как бы представляют в опредмеченной форме реальный политический контроль и права собственности на значимые ресурсы (Бурдые 1993).

В этом плане представляется важным связать весьма плодотворную идею А. Соутхалла о символическо-ритуальной монополии элиты на воображаемые средства производства (Southall 1991) с попытками персонификации властью профанного (дворцы, замки, города), сакрального (храмы, святилища) и загробного («царские» курганы, усыпальницы, мавзолеи, наконец, пирамиды) пространства. Монументальные дворцовые, культовые и погребальные сооружения особым образом структурируют священное пространство, которое символизирует божественный, иррациональный статус земной власти. Фокусируя ландшафт «на себя», воплощая «максимальную сакральность» социума, монументальные памятники должны представлять в опредмеченной форме политической контроль и претензии на власть и собственность на значимые ресурсы как при жизни, так и после смерти.

С известной долей редукционизма можно выделить несколько возможных этапов роста концентрации в руках элиты «воображаемых» средств производства. По всей видимости, сначала правители изображали себя распорядителями всех общественных ресурсов (материальных, людских, интеллектуальных и пр.) в отношениях со сверхъестественными силами. Со временем такие представления были перенесены из сакральной сферы в мирскую. Вожди стали представлять себя монополистами в отношениях с главами других первобытных и архаических обществ. Затем они провозгласили себя верховными собственниками в отношениях с простыми общинниками. Наконец, стали предприниматься попытки обратить «воображаемую» собственность в реальные приобретения.

Одним из наиболее важных аспектов исследования социальной структуры архаических обществ является половозрастной анализ. Он должен предшествовать процедуре выделения социальных рангов. Это обусловлено разным положением в обществе мужчин и женщин (что отражено и погребальной обрядности), а также существованием в архаическом обществе процедур специфических инициаций, без прохождения которых переход в иной, более значимый возрастной социальный статус не представлялся возможным.

Ярким свидетельством этого является, например, знаменитое описание Геродотом (IV, 64, 66) скифских обычаев: «...скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех убитых им в сражении относит к царю, потому что принесший голову получает долю захваченной добычи, а не принесший не получает... Ежегодно по разу каждый начальник в своей области приготовляет кратер (лохань) вина, из которой пьют только те скифы, которые умертвили врагов; те, которым не удалось этого сделать, не вкушают этого вина и, как обесчещенные, садятся отдельно; это для них величайший позор. Напротив те из них, которым удалось убить очень много врагов, получают по два ковша и пьют из обоих разом». Некоторые намеки на существование аналогичных обычаев у хунну можно найти в цитате из «Ши цзи»: «Тот, кто в сражении отрубит голову неприятелю или возьмет его в плен,

жалуется одним кубком вина, ему же отдают и захваченную добычу» (Лидай 1958: 18; Бичурин 1950а: 50; Материалы 1968: 41).

Вышеуказанные стороны общественной жизни архаических и традиционных обществ давно зафиксированы многочисленными этнографическими исследованиями (Задыхина 1951; Грачева 1975; Калиновская 1976; Попов 1981: 89–97; 1990: 85–89, 102–104; Артемова 1991: 56–73, 1993: 48–56, 66–68, 2004: 160–208; Derevenski 1997; Owen 1997; и многие др.). Недоучет этого важного фактора может привести к существенным искажениям результатов, поскольку, например, женщина, имеющая сопоставимый с мужчиной статус (жена, сестра и пр.), могла быть захоронена с меньшей пышностью.

Для того, чтобы избежать подобных ошибок при последующей интерпретации, необходимо учесть имеющийся опыт выявления половозрастных групп по данным антропологии и археологии (Binford 1971: 13–15; Грач 1980: 50–59; Бунятян 1982: 141–155; 1985: 59–72; Пустовалов, Черных 1982; Алекшин 1986: 17–48; Кислый 1985; Колесников 1985; Генинг и др. 1990: 137–149; Афанасьев 1993: 20–27, 34–40, 1996: 20–23; Коробов 1996: 58–65; Горяев 1997; Матвеева 2000; Sorensen 2000; Яценко 2002; Фролов, Тур 2003; Тишкин, Дашковский, 2003; и др.). Как правило, отличия между взрослыми и детскими захоронениями (там, где их нельзя зафиксировать антропологически) фиксируются в размерах могилы или гроба, величине скелета, аксессуаров одежды, наличии игрушек и мелких изделий и пр.

Отличия между мужскими и женскими погребениями отражаются в специфике разделения труда и, следовательно, сопроводительного инвентаря. Поскольку данная монография посвящена ранним кочевникам Евразии, следует отметить, что у номадов также наблюдалась известная специализация мужской (война, выпас скота) и женской (домашнее хозяйство) деятельности. Однако применительно к кочевникам такое разделение с археологической точки зрения, возможно, не будет фиксироваться столь очевидно, поскольку, когда мужчины были заняты грабежами или войной, скот пасли подростки или женщины (Пржевальский 1975: 41; Певцов 1951: 112; Книга Марко Поло 1956: 88; Плано Карпини 1957: 36–37; Иванов 1961: 108–109; Грач 1980: 50–56; Schlette 1987; Полосьмак 2001: 283–287 и др.), а последние у ряда кочевых народов иногда могли принимать участие в боевых действиях (Смирнов 1964: 201; Хазанов 1975: 85–86; Бернабей, Бондиоли, Гуиди 1994: 167; и др.).

Далеко не всегда есть возможность прямого физико-антропологического определения пола захороненных. В этом случае, прежде чем приступать к изучению всего массива данных, имеет смысл попытаться выявить значимые факторы для мужских и женских погребений на зафиксированном археологическом материале. Это даст возможность определить в ряде случаев пол захороненных, основываясь только на особенностях погребальных конструкций или сопроводительного инвентаря. Кроме этого, палеогенетические исследования обеспечивают высокий уровень различного рода этносоциальных, половозрастных и других показателей, расширяя возможности объективных реконструкций (Тишкин, Дашковский 2003).

Важным элементом археологических наблюдений и сопоставлений является планиграфический анализ памятника. Исходным пунктом для получения палеосоциологических данных является точка зрения о том, что позиция кургана на площади могильника при его планомерной «застройке» в какой-то мере отражает специфику социального статуса погребенного, его принадлежность к определенной половозрастной или социальной группе. Универсальность этого метода заключается

в том, что его можно применять как ко всему ареалу археологической культуры или ее отдельным локальным вариантам, выявляя места концентрации элитных, дружинных, рядовых и иных погребений, так и к отдельным могильникам и даже к части комплекса (Савинов, Бобров 1989).

Конечно, такого рода анализ должен проводиться с учетом других значимых признаков: размеры надмогильных сооружений, объем могильных ям, их глубина, состав инвентаря и пр. Апробированные методики планиграфического анализа на разных памятниках дают неплохой результат и позволяют с большим основанием судить о многих сторонах жизнедеятельности древнего населения (Кубарев 1987, 1991, 1992; Миняев 1989; Васютин А., Васютин С. 1997; Кирюшин, Грушин, Тишкин 2003: 10–29; Бобров, Васютин А., Васютин С. 2003; и др.)

Таким образом, археологические источники в целом и конкретно погребальная обрядность может служить источником для получения информации о социальной дифференциации в исследуемом обществе. В наиболее обобщенном виде данная процедура может выглядеть следующим образом:

- (1) выделение особенностей погребального обряда, составление списка признаков, ввод информации в компьютерную базу данных для последующей обработки с помощью специализированных статистических программ;
- (2) выявление факторов значимых для возрастного деления совокупности;
- (3) разделение совокупности на взрослые и детские погребения, а возможно и на более дробные возрастные группы, если это позволяет источниковая база;
- (4) выявление факторов значимых для полового деления массива взрослых погребений;
- (5) разделение совокупности на мужские и женские погребения;
- (6) изучение отличий в погребальном отряде в пределах однородных половозрастных групп посредством, например, кластерного анализа;
- (7) выявление существенных факторов, связывающих те или иные внутригрупповые кластеры с различными категориями сопроводительного инвентаря, размерами могильных ям, надмогильных сооружений и другими показателями;
- (8) сопоставление данных кластерного анализа с результатами изучения планиграфии могильников;
- (9) интерпретация результатов.

Выполняя подобную программу исследований на массовых материалах десятков некрополей необходимо так же соблюсти еще одну важную процедуру. Первоначальный анализ стоит провести по каждому памятнику в отдельности, затем по группе близлежащих и только затем переходить на общий массив выявленных сведений, если отдельные части этого массива будут сопоставимы между собой по большинству признаков. В таком случае мы получим возможность сравнивать общую картину и данные по отдельным памятникам, выявить социальную специфику каждого могильника, место погребенных в том или ином некрополе в общей реконструируемой стратификации.

В той или иной степени этим принципам следовали авторы данной монографии при рассмотрении конкретных древних обществ кочевников Евразии.

ГЛАВА 3. МЕТОДИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ XII–IX ВВ. ДО Н.Э. ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

С.С. Тихонов

Введение

Изучение древних и средневековых народов Евразии охватывает не только их материальную культуру, но и предполагает анализ социальных, экономических, демографических и других структур. Несмотря на, казалось бы, неплохую источниковую базу, исследования подобного плана далеки от завершения, а полной картины развития многих архаичных обществ пока не создано. Опубликованные в последнее время работы (Матвеева 2000; Журавлева 2002; Крадин 2002, 2004; Тишкин, Дашковский 2003; Крадин, Данилов, Коновалов 2004; и др.) только подчеркивают общее невнимание отечественных исследователей к разработке социальных, в широком толковании термина, сюжетов на основе археологических данных. Такое состояние отмечается при существовании соответствующих теоретико-методологических положений, при разработанных методиках палеодемографического, палеоэкономического и палеоэкологического анализа, а также при наличии тысяч исследованных с разной степенью полноты древних и средневековых объектов.

В том, что археологическое сообщество мало занимается социальными реконструкциями можно убедиться, сравнив количество работ с такой и традиционной тематикой в библиографических справочных изданиях «Советская археологическая литература», указателях ИНИОНа или региональных справочниках «История Сибири», выпускаемых ГПНТБ (г. Новосибирск). Примерно к такому же результату можно прийти, рассмотрев количество диссертаций, посвященных изучению конкретных археологических материалов, с числом исследований по социальным проблемам. Если обратить внимание на тематику докладов, которые читаются на многочисленных конференциях, то окажется, что среди них разработки социальных реконструкций явно не доминируют. В то же самое время в Сибири имеется ряд городов, где научные центры регулярно проводят специальные мероприятия

по различным аспектам социальной археологии: Кемерово (1989, 1997, 2003 гг.), Барнаул (1994, 1997, 2004 гг.), Новосибирск (1996 г.), Томск (1990, 1998 гг.). Однако решения проблем социального характера по данным археологии пока не стали необходимостью для большинства исследователей.

Методика социально-экономических реконструкций

В отечественной науке накоплен немалый опыт изучения социальной структуры древних обществ. В связи с этим, представляется важным обратиться к анализу таких методик, которые применяются современными исследователями.

Метод аналогий. Использование этого традиционного подхода связано с реконструкциями на основе аналогий с хорошо изученными обществами, причем не всегда близкими по времени существования и территории. Как правило, за основу в таких случаях берутся институты или устойчивые показатели, имеющие широкое распространение в традиционных социумах. Например, М.А. Итина (1979: 15–19) связала закопанные вниз горлом сосуды Казахстана и Средней Азии II–I тыс. до н.э. с аналогичным расположением посуды в XIX в. в Центральной Африке, перенесла культ близнецов из Африки на материалы степей Евразии. При этом была сделана оговорка, что найденные аналогии зафиксированы на удаленных территориях и имеют значительный хронологический разрыв, что делает реконструкцию гипотетичной.

Великолепна работа М.П. Чернопицкого (1987: 33–40), который интерпретировал серебряные трубочки с золотыми и серебряными фигурками животных, найденные Н.И. Веселовским в Майкопском кургане, не как остатки балдахина, а как ритуальные предметы жрецов. Для получения такого вывода исследователь детально рассмотрел расположение этих находок в могиле и изучил огромный корпус источников. Это позволило М.П. Чернопицкому интерпретировать серебряные трубочки как пучок ритуальных прутьев, аналогии которым известны от Поволжья до Италии. Данные изделия имеют название барсом-барсман-баресман у зороастрийцев и фасции у римлян. В данном анализе важным было не только определение функциональной роли вещей, но и возможность отнесения могил с такими находками к захоронениям жрецов высокого ранга.

Возможны разные варианты использования рассматриваемой методики. Распространен поиск аналогий археологическим артефактам среди этнографических данных. Подобные сопоставления, связанные с концепцией «пережитков», позволяют объяснять современные обряды, исходя из представлений далекого прошлого (Чвырь 1983: 124–138) и наоборот (Литвинский 1981: 90–121).

Методикой этнографических аналогий археологи пользуются весьма широко, однако получаемые в этом случае выводы всегда имеют определенную долю гипотетичности. С точки зрения методологии науки, нельзя не согласиться с Г. Селье (1987: 257) в том, что «аналогия способна предполагать, на ней строятся все гипотезы и теории, но она ничего не может доказать». Более корректно применение сравнительно-исторического метода, но и при этом необходимо соблюдать ряд методологических принципов, без которых любое сопоставление будет неоправданным (Першиц 1979).

Палеодемографические методы. Определения, выполненные антропологами, как правило, содержат только данные, позволяющие археологам судить о половозрастной структуре общества и среднем возрасте мужчин, женщин и детей (Гинзбург

1962: 186–198; Бадер 1963: 300–301; Алексеев 1970: 12–22, 1972: 3–21; Козинцев 1971: 148–152; и др.). Сами по себе эти исследования важны, но гораздо интереснее работы другого плана.

На материалах могильника Чеганда-II В.Ф. Генинг (1970) попытался установить количество одновременно живших людей, их половозрастную структуру и ареал обитания. Поскольку исследователю необходимо было знать количество всех похороненных на могильнике, а памятник оказался на треть разрушен, он предположительно определил число погребенных. Затем была установлена доля детей, которых хоронили на отдельных кладбищах. Этот показатель основывался на данных о детской смертности в 1890–1894 гг. и материалах могильника XVII в. Аксакшур в Удмуртии. В результате оказалась установлена общая численность погребенных. Следующим шагом стало определение длительности функционирования памятника. По археологическим материалам кладбище существовало около 500 лет (с III в. до н.э. по II век н.э.). Для расчетов также были необходимы данные по средней смертности (количество умерших за год на 1000 человек). На основании статистических источников XIX в. В.Ф. Генинг определил смертность в 3–4%. Используя полученные данные, он вычислил по специальным демографическим формулам количество одновременно живущих, а по антропологическим характеристикам установил половозрастную структуру.

Следующим этапом была проверка полученных результатов. По материалам средневековых городищ В.Ф. Генинг выяснил, что в среднем на одно жилище необходимо от 500 до 1000 кв. м площади городища. Соотнеся число одновременно живущих людей и площадь поселения Чеганда, он установил, что результат получился в пределах области допустимых значений. Сопоставление количества синхронных Чеганде поселений с территорией их распространения, позволило В.Ф. Генингу высказать предположение о том, что для нормального функционирования поселения с определенным им числом людей нужна территория примерно в 50 кв. км (Генинг 1970: 115–116, 126).

Аналогичную методику впоследствии использовала Т.Н. Троицкая (1979: 57). Примерно такую же процедуру с иной формулой подсчета, но с похожими исходными данными, проделала Е.Е. Кузьмина (1974: 102–107).

По другому принципу построена работа Г.Ю. Бердышева. Собрав и проанализировав материалы о половозрастной структуре и смертности населения с андроновского времени до XIX в. в различных регионах, ученый сделал вывод о том, что половозрастная структура и смертность за последние 3–4 тысячи лет практически не изменялись (Бердышев 1968: 29).

Перекликаются с этой работой исследования М.С. Авербуха. Основываясь на данных по большей части письменных источников, он вывел сущность закона народонаселения, которая заключается в следующем: медленный прирост населения, высокая смертность, полное использование всего трудоспособного населения, постоянные миграции (Авербух 1967: 59–60). Его выводы находят подтверждение в этнографических и статистических материалах.

Налицо два направления развития методов палеодемографии. Первое касается реконструкции демографической ситуации у населения, оставившего конкретный памятник. Недостатком является неполнота исходных данных: отсутствие полностью раскопанных могильников, незнание уровня смертности населения, приблизительное определение длительности функционирования могильника. Поэтому

именно наличие более точных показателей значительно повышает достоверность реконструкций.

Во втором случае исследователи описывают общую демографическую ситуацию на определенной территории. В таком плане даже если тенденции демографического развития показаны верно, обобщенный характер описания делает его схематичным, что затеняет конкретные факты и не учитывает специфические моменты на отдельных памятниках. Результаты работ подобного направления несколько условны опять же из-за неполноты исходных данных. Как известно, при таких исследованиях нужно иметь несколько опорных полностью раскопанных памятников, сохранившихся целиком. Только в таком случае половозрастные данные позволят выявить среднюю продолжительность жизни и ряд других демографических показателей. Исследованные могильники, отвечающие таким требованиям, можно пересчитать по пальцам. Вероятно, это и является причиной отсутствия большого числа разработок по палеодемографии.

В 1980-х гг. стали появляться работы, посвященные палеодемографическому моделированию на материалах крупных географических регионов. Б.Ф. Железчиков (1984) для этого взял за основу памятники VI в. до н.э. — I в. н.э. в Южном Приуралье и Заволжье. Весь привлеченный массив он разбил на три хронологических периода. Поскольку реальная цифра одновременно живущих была неизвестна, Б.Ф. Железчиков допустил, что археологами было обнаружено только около 20% могил, и, следовательно, искомое число одновременно живших людей было в пять раз больше. Сознвая гипотетичность данной реконструкции, автор попытался подкрепить ее экологическими выкладками. Определив возможную площадь пастбищ и затем число животных, которые могли там пастись, он подсчитал, сколько жителей могли питаться мясом этих животных. Оказалось, что потенциальная экологическая емкость территории была в два раза больше, чем определенная исследователем численность людей, живших одновременно. Б.Ф. Железчиков предположил наличие социального и имущественного неравенства, что подразумевало использование савромато-сарматами разных по площади пастбищ и разную плотность заселения степей. Поэтому исследователь произвольно уменьшил цифру одновременно живущих в два раза (Железчиков 1984: 65–68).

К сожалению, в расчетах Б.Ф. Железчикова оказались некоторые ошибки. Они были исправлены В.В. Халдеевым (1997), который предложил делать упор не на антропологические материалы или на количество известных могил, а на экологические емкости ландшафта.

Именно таким путем пошла Н.А. Гаврилюк. Для восстановления демографии скифов она собрала материалы XIX в., характеризующие возможность пастбищ в районах рационального ведения хозяйства и в зонах неумеренного выпаса. Затем исследовательница определила выход биомассы с единицы площади пастбищ и процент кормов, сохранившихся в течение зимы. По ее мнению, расчет надо производить на конец зимы, поскольку именно в это время остается стадо, необходимое для жизни. В этом случае можно установить количество корма, нужного для зимнего содержания животных и число особей, переживших зиму. Потом, используя остеологические материалы, можно рассчитать пропорции и размеры реального стада в древности. И только после этого, зная биомассу животных, можно установить численность населения. Для большей достоверности Н.А. Гаврилюк (1989: 18–3; 1999: 113–129; см. следующую главу настоящей монографии) использовала не

нормы потребления пищи, а энергетические потребности человека и энергетическую ценность биомассы. Схожие исследовательские модели отмечены и в других работах по палеодемографическому моделированию обществ кочевников-скотоводов (Тортика и др. 1994; Крадин 2000, 2002: 71–79; и др.).

Иной алгоритм предпочли С.Н. Бибиков и П.П. Толочко (1988) при определении численности населения Древней Руси. Сначала они распределили памятники IX — середины XIII вв. по трем хронологическим горизонтам и сосчитали для каждого количество и процент городов, городищ и селищ. Сопоставляя эти данные, они пришли к выводу о демографическом взрыве в городах и увеличении населения в целом к XIII в. Число городских жителей авторы получили, умножив площадь городов на плотность заселения гектара городской площади, которую они, на основании данных по древнему Киеву, определили как 130 человек на 1 га. Далее эти авторы, ссылаясь на работы Б.И. Урланиса и В.И. Козлова, приняли долю городского населения за 5% и смогли приблизительно установить численность древнерусского населения в целом (Бибиков, Толочко 1988: 34–40).

Другую проблему поднял в своих исследованиях Р.А. Мкртчян. Он просчитал вероятность смерти в определенном возрасте. Обработав по одной из демографических формул материалы IV–III тыс. до н.э. юга Восточной Европы, ученый доказал, что наибольшая смертность характерна для детей до 9 лет и для взрослых в период 30–39 и 50–55 лет. По его данным, средний возраст населения составлял 40–44 года для мужчин и 39–42 для женщин (Мкртчян 1987: 194–200).

Факты, полученные этими исследователями, подтверждают в целом выводы Г.Ю. Бердышева (1968) о сходстве процента смертности и демографической ситуации в XVIII в. с более ранними эпохами, что позволяет привлекать данные поздних эпох для реконструкции демографических структур более ранних обществ. Тем не менее, о полном тождестве не может быть и речи в связи со многими факторами (качество пищи и воды, структура питания, интенсивность хозяйственных занятий, болезней, войн и многих других). Следует иметь в виду, что речь может идти только о схожести тенденций.

В целом, палеодемографические исследования дают важную информацию о древних обществах (половозрастная структура, вероятность смертности в определенном возрасте, продолжительность жизни, численность древних коллективов и даже целых регионов). Недостатком в используемых методиках является частое отсутствие части исходных данных. Кроме того, довольно трудно провести проверку достоверности полученных результатов, так как зачастую демографические показатели выявляются на основе косвенных количественных данных (например, расчет численности населения на основе биомассы пастбищ того или иного региона показывает лишь максимально возможное число одновременно живущих людей при определенном способе хозяйствования).

Палеоэкономическое моделирование. Впервые этот метод в отечественной науке применил С.Н. Бибиков в 1965 г. при реконструкции хозяйства трипольского населения. Он полагал, что в среднем одна печь на трипольских поселениях обогревала помещение площадью 28 кв. м, где размещалась одна семья. Далее исследователь сосчитал число семей, зная общую площадь всех жилищ, а затем установил общее число людей в поселке. Другим вариантом может быть расчет количества людей в зависимости от нормы площади на одного человека.

Продолжая исследование С.Н. Бибиков нашел в материалах XVI–XVII вв. по крестьянству Руси нормы потребления зерна. Там же он взял и урожайность зерновых. Зная количество людей и нормы потребления, установив минимальную потребность в продуктах и урожайность, ученый рассчитал размер запашки на все население и на одну семью. Исходя из урожайности зерновых и размера клина, был вычислен вес соломы, полученный с единицы площади и со всей обработанной земли. С.Н. Бибиков предположил, что эту солому животные съели за шесть месяцев стойлового содержания. Исходя из нормы потребления грубых кормов и их общей массы, было рассчитано количество животных. Далее вычислялась площадь пастбищ, необходимых животным летом. Для этого надо было узнать число животных и площадь для выпаса. Можно также рассчитать и число забиваемых на мясо животных, количество мяса и шкур, которые можно получить (Бибиков 1965, 1967, 1969).

В исследованиях С.Н. Бибикова четко обозначились неизвестные исходные данные, которые надо восстановить: 1) численность населения стоянки, которую рассчитывают по количеству очагов и площади, занимаемой одним человеком; 2) количество съеденных продуктов человеком за единицу времени; 3) время функционирования стоянки. Для определения объемов потребления продуктов С.Н. Бибиков привлек нормы питания чукчей и эскимосов, что позволило рассчитать для коллектива с реконструированной численностью количество съеденного им мяса за единицу времени (в данном случае — за год). Продолжительность эксплуатации стоянок была получена делением общего числа продукта, определенного по остеологическим материалам, на количество мяса, употребляемого за год.

Далее предполагались две линии развития исследования: во-первых, определение потенциала хозяйства, включающее количество орудий на человека, на поселок за какой-то период и, следовательно, затраты на их производство; во-вторых, выявление численности населения региона, для чего нужно знать количество стоянок и на основании численности людей на одной из них путем умножения можно определить размеры населения региона и его плотность (Бибиков 1969: 5–22).

В 1971 г. С.Н. Бибиков провел еще один опыт реализации палеоэкономических сюжетов. В целом алгоритм исследования повторялся (выяснение количества забитых животных, определение численности коллектива, времени функционирования памятника). Новыми были дифференциация стоянок по природным зонам Восточного и Западного Крыма и определение биомассы с единицы площади с учетом природных условий (Бибиков 1971: 14, 17–18).

В.М. Массону удалось связать метод палеоэкономического анализа с расчетом экономического потенциала, размером прибавочного продукта и дифференциацией общества. Предпосылками такого исследования служили: (1) наличие полностью раскопанного памятника; (2) всестороннее исследование объектов; (3) знание природной среды. На этой основе была возможна реконструкция демографической ситуации и количества продуктов, потребленных жителями поселка. Важным фактором демографических исследований становится вычисление производительности труда, восстанавливаемое экспериментально и по этнографическим данным (Массон 1971б: 3).

Базовым памятником для социально-экономических реконструкций В.М. Массона стало поселение Джейтун. Впервые анализ его экономики исследователь опубликовал в 1970 г., а потом эти данные практически без изменения были

помещены в монографических изданиях (Массон 1971, 1976). Логика исследования схожа с построениями С.Н. Бибикова:

1. Исходя из количества жилых помещений (30) и приблизительного состава семьи по этнографическим данным в 5-6 человек число жителей Джейтуна было определено в пределах 150–180 человек.

2. Расчет потребления пищи, исходя из нормы потребления человека в день мяса и зерна, составил 9 тонн мяса (450 овец) и 44 тонны зерна в год на коллектив.

3. Определение трудозатрат на производство мяса, зерна, жилищ и др.:

3.1. Чтобы ежегодно забивать 450 овец населению Джейтуна требовалось стадо в 2000 голов. Если для выпаса отары в 500 голов было необходимо три пастуха, то в год для выпаса стада в 2000 голов требовалось 3000 человеко-дней. Так как местное население занималось еще и охотой, трудозатраты на выпас скота были меньше на треть.

3.2. Для получения 44 тонн зерна нужно засеять около 20 га пашни. По этнографическим материалам, зафиксированным в Северном Иране, 6 га земли можно обработать за 250 человеко-дней. Для возделывания 20 га нужно 830 человеко-дней. В.М. Массон опирался на полученные экспериментальным путем данные о производительности труда. Человек за час собирал 1,5 кг зерна, следовательно для уборки урожая с площади в 20 га было необходимо 1760 человеко-дней. Всего же для полевых работ жителям Джейтуна требовалось около 2500 человеко-дней.

3.3. Для определения трудозатрат на строительство стен жилищных сооружений были использованы данные по строительству шумеров (сколько кирпича может выложить один человек в день).

3.4. Необходимо было также учесть время, использованное на изготовление орудий труда, одежды, приготовление пищи.

Все вместе взятое будет трудозатратами на обеспечение жизни поселка. Разница между общим (максимально возможным) количеством человеко-дней и трудозатратами на жизнеобеспечение позволяет говорить об экономическом потенциале общества. Естественно, что чем больше разница, тем выше потенциал (Массон 1971).

Работы другого направления уже вкратце охарактеризованы в предыдущем разделе, посвященном палеодемографии. Это труды Б.Ф. Железчикова (1984), Н.А. Гаврилюк (1989, 1999), В.В. Евдокимова (Евдокимов, Поваляев 1989), Н.Н. Крадина (2002) и других авторов. Их исследования касаются и демографии, и экономики древнего населения. Основными исходными данными служат количество населения, размеры и способ получаемого им продукта и территория, с которой этот продукт получен. Остальные факторы являются производными от них.

Представляется, что методика палеоэкологического моделирования дает численность максимально возможного количества людей на единицу площади, а палеоэкономические методы позволяют определить минимальные показатели. Поэтому эти приемы исследования нужно применять вместе. Работы подобного плана вызывают интерес, но трудны для выполнения, поскольку зачастую для них необходимы неизвестные данные, рассчитываемые с помощью других усредненных цифр. Кроме того сложно доказать синхронность анализируемых комплексов, полно оценить все занятия населения и подобрать соответствующие этнографические или

другие материалы, позволяющие заполнить пробелы. Именно этим мы объясняем малое число ученых, занимающихся подобными проблемами.

Социальные реконструкции. В 1970-х гг. в печати появились важные работы методического и методологического характера, касающиеся проблем социальных реконструкций. Чаще всего для представления общественной организации археологи использовали данные погребального обряда. Исследованиями было установлено, что погребальный обряд может упрощаться или усложняться, развиваться по линии деградации или прогресса (Лебедев 1976: 27–28). Для захоронения мужчин, женщин, детей погребальный обряд может быть иным, причем различия зависели и от возрастной группы в пределах одного пола (Алексин 1976: 9). Процедура погребения умерших состояла из цепи последовательных действий, которые нами часто фиксировались не полно или их вообще нельзя было выявить (Леонова, Смирнов 1976: 18).

Одним из важнейших критериев для социальной интерпретации погребений является объем трудозатрат на реализацию погребального обряда (Масон 1973: 102–112). Поскольку в архаических обществах часть прибавочного продукта находилась в распоряжении представителей верхних слоев населения, то они же могли забирать его с собой в потусторонний мир. Следовательно, чем больше вещей в огромном погребальном сооружении, тем выше социальный статус умерших (Масон 1973: 103–109).

В изучении стратификации древних обществ по археологическим данным можно условно выделить две группы работ. Для первой характерно изучение иерархии «элитных» захоронений, а для другой — исследование могил рядовых представителей.

Главными признаками «элитных» погребений являются большие размеры погребальных сооружений, наличие изделий из драгоценных металлов, следы богатой тризны или жертвоприношений в кургане, большое количество изделий из бронзы, кости, наличие редких изделий типа котлов, жаровен, мечей (Грач 1975, 1980; Грязнов 1980; Матвеев, Матвеева 1985; Матвеева 1987, 2000; Матющенко 1988; и др.).

Изучение социальной структуры общества на материалах «рядовых» погребений потребовало разработки специальной исследовательской процедуры. Обобщая работы подобного плана, можно выявить следующий алгоритм исследования: проводится анализ погребального инвентаря и обряда для выявления групп могил, объединенных общими признаками. Анализ осуществляется отдельно для мужчин и женщин. Затем идет интерпретация выделенных групп, как социально неравных и, возможно, связанных брачно-семейными отношениями (Бунятян 1985; Хлобыстина 1986; Колесников 1987; и др.). При этом исследователи обычно стараются обратить внимание на специфику погребального инвентаря и корреляцию его с полом и возрастом умерших, наличием на памятнике групп могил, объединяемых какими-то отличительными чертами, место данного памятника в системе других могильников.

К концу 1980-х гг. методика изучения социальной структуры была разработана достаточно подробно. Следует выделить работы, в которых подробно показаны конкретные исследовательские процедуры. В.А. Алексин выделил шесть блоков, входивших в погребальный обряд, каждый из которых нес информацию о разных сторонах жизни общества. Затем автор сгруппировал погребения по полу и возрасту и провел корреляцию с инвентарем, что позволило обозначить ряд социальных

групп. Выделение периодов позволило проследить хронологическую динамику социальной структуры (Алексин 1986). Е.П. Бунятян использовала методы математической статистики. С помощью факторного анализа она проследила степень взаимовстречаемости различных признаков, что позволило выделить ряд моделей мужских и женских погребений. Это дало возможность реконструировать структуру рядового скифского населения (Бунятян 1985). Ю.В. Павленко (1989) удалось выделить археологические признаки раннеклассовых обществ. В результате удалось детализировать уровень развития общностей лесостепной Украины.

Археологические памятники Верхнего Приобья в XII–IX до н.э.

Население, оставившее памятники эпохи поздней бронзы (речь идет о комплексах еловской, ирменской и корчажкинской культур, занимавших территорию Приобья от Алтайских гор до Васюганья), обитало в приблизительно одинаковых природно-географических условиях. Среду обитания можно охарактеризовать так: наличие большой реки и довольно широкой поймы (от 10 до 40 км), многочисленных пойменных озер и стариц, проток, заливных лугов и островов-«останцов». На высоких незатопляемых местах произрастает, как правило, сосняк и березняк, близ водоемов — тальник, осинник и др. Надпойменные террасы занимает зона ленточных боров, ширина которой может достигать десятков километров. Реликты этих боров сохранились на Оби во многих местах.

К моменту написания работы автором учтено 237 поселений и могильников XII–IX вв. до н.э. Подавляющее большинство памятников расположено на террасах или в пойме Оби. Некоторые комплексы — Мехат, Чузик, Десятово, Новокусково, группа памятников у д. Журавлево, Тарасово, Чистюнька, памятники на Чарыше и оз. Иткуль, Новотроицкое, Кытманово и другие — удалены от большой реки, но находятся около крупных водоемов. Известны памятники глубинных таежных районов таких, как на оз. Тух-Эмтор, но их количество невелико. Вероятно, это не случайно. Например, в Томской области крупные притоки обследованы довольно хорошо, но на Васюгане, Парабели, Кети, Чае, Тыме количество археологических памятников, в том числе и эпохи поздней бронзы, намного меньше, чем на Оби.

Поселения и могильники эпохи поздней бронзы располагаются «кустами»/микрорайонами (?). Наиболее крупные, по количеству памятников и по их размерам, зафиксированы близ д. Еловка и г. Томска, Красного Яра, Крохалевки, Ордынского, Кротово, Заречного Новосибирской области, с. Журавлево Кемеровской области, г. Барнаула, оз. Иткуль Алтайского края. Существуют мелкие группы памятников такие, как комплексы у Могильного мыса, Сулзата, Иштана, Могильников, Самуся Томской области, Юрт-Акбалыка, Черного мыса, Колывани, Тогучина, Ирмени, Усть-Алеуса, Верхнего Сузгуна Новосибирской области, Камня-на-Оби, Аллака, Верхне-Озерного, Камышенки Алтайского края, Васьково, Титово, Портнягино Кемеровской области. Часть памятников расположено одиночно. Это, например, Красный Яр, Кривошеино в Томской области, Ельцовка-2, Бурмистрово, Быстровка-4 в Новосибирской области, Калманка, Чистюнька в Алтайском крае.

Система расселения жителей бронзового века была аналогична системе расселения аборигенов и русских Сибири в XVIII–XX вв. (Тихонов 1993, 2000, 2002). Расстояние между группами памятников составляло от 10–15 до 30 км в том случае, если памятники располагались на одном берегу. Если поселения находились на разных берегах, то они довольно часто размещались напротив друг друга (Тихонов 1993). По всей видимости, это обусловлено тем, что трудозатраты при переправах

через реку и перевозку через нее продуктов труда были не сопоставимы с количеством получаемого продукта, и местное население использовало, главным образом, ресурсы, расположенные на своем берегу реки (Афанасьев 1989).

Палеодемография населения Еловского микрорайона

Материалы, полученные во время работ на комплексе памятников близ деревни Еловка Кожевниковского района Томской области, позволяют восстановить демографическую структуру древнего населения этого района. Пол и возраст был определен для 232 андроновских, 177 еловских и 16 ирменских костяков, исследованных на Еловском-I (ЕК-I) и Еловском-II (ЕК-II) могильниках В.И. Матющенко в 1965–1968, 1974, 1979–1981 гг. Половозрастные определения выполнены В.А. Дремовым (1979: 66–69), который предварительно проанализировал и половозрастную структуру населения.

Для выяснения динамики развития населения комплекс могил был разделен на культурно-хронологические группы: андроновскую, еловскую (раннюю и позднюю), ирменскую. Это деление сохранится и в следующих частях нашей работы.

Половозрастную структуру населения можно охарактеризовать следующим образом:

1. Взрослые мужчины составляли около 30% всего коллектива.
2. Чаще всего они умирали в возрасте от 25 до 35 лет (50–60% всех мужчин), 30–40% мужчин доживали до 55 лет и лишь 5–10% мужчин жили дольше 55 лет.
3. Взрослые женщины составляли 25–30% всего коллектива. Как и у мужчин, наибольшее число умерших наблюдается в возрасте от 25 до 35 лет (60–70%), несколько меньше, чем у мужчин, смертность у женщин в возрасте 36–55 лет (25–30% всех женщин). 5–10% женщин прожили дольше 55 лет.
4. Дети составляли 40–45% всего коллектива. Наибольшая детская смертность наблюдается в возрасте 1–7 лет (55–70% детей). Велика смертность детей до 1 года (20–25%).

Полученные результаты сопоставимы с этнографическими данными XIX в.

Соотношение взрослых мужчин и женщин равно 1,38 среди андроновцев и 1,08 среди еловцев по материалам ЕК-II. Поскольку ЕК-I и ирменская часть могильника недостаточно исследованы по сравнению с андроновским и еловским комплексами ЕК-II, то их материалы могут быть не вполне репрезентативными. В среднем по всему комплексу соотношение мужчин и женщин составило 1,29. Бросается в глаза очень высокий процент взрослых мужчин в андроновском комплексе могил. Вполне возможно, что это было связано с их миграциями.

На одну взрослую женщину приходилось 1–2 живых ребенка. Если учитывать высокую детскую смертность, то каждая женщина должна была родить 3–4 детей только для поддержания на одном уровне численности коллектива. С учетом бесплодности части женщин (даже в настоящее время этот показатель составляет около 10%), следует предполагать, что в древности здоровая женщина должна была родить 4–5 детей, из которых 2–3 ребенка умирало.

На 100 взрослых приходилось от 64 до 84 детей, т.е. в среднем 72 ребенка. Это значит, что семья состояла из родителей и их детей, то есть из 5–6 человек. Поскольку в коллективе наблюдается ранняя смертность, то только около 10% семей имели живых прародителей.

Средний возраст мужчин (в группе от 29,95 до 45 лет в среднем 36,22 лет) каждой хронологической группы несколько выше среднего возраста женщин (в группе от 29,97 до 41,67 лет, что в среднем 33,66). Этому соответствуют подобные показатели энеолитических могильников Украины, где мужчины жили дольше женщин на 1–5 лет (Мкртчян 1987: 196). Но на памятнике Тасты-Бутак-1, а также по материалам афанасьевских и карасукских комплексов видно, что женщины жили дольше мужчин (Алексеев 1972: 12–15; Гинзбург 1962: 186–198).

Можно привести еще примеры большей продолжительности жизни как мужчин, так и женщин, но это будут, в общем, случайные сопоставления, поскольку очень мало хорошо исследованных могильников. К тому же в исследованиях опубликовано лишь незначительное количество больших серий половозрастных определений, поэтому трудно сравнивать средний показатель возраста населения. В литературе отражено, что в зависимости от региона и эпохи данные по продолжительности жизни существенно различаются.

Последний демографический показатель, который мы рассмотрим — вероятность смерти в возрасте X лет. Выполненные нами расчеты были сделаны по методике А.Р. Мкртчяна (1987). Первый пик смертности наблюдается в возрасте 1–7 лет. Вероятность, что ребенок умрет в этот период жизни, составляла от 0,196 до 0,295, то есть 20–30%. Второй пик смертности приходился на 25–35 лет. Вероятность смерти в этом возрасте составляла до 0,505 и увеличивалась до 1 к 55 годам. Таким образом, население жило в среднем до 35. Наблюдалось два пика смертности: первый в детском возрасте, второй у людей зрелых. Для поддержания численности коллектива каждая женщина должна была родить как минимум 3–4 детей. Скорее всего, коллектив состоял из взрослых родителей и их детей. Лица старших возрастов были лишь в некоторых семьях.

Следующая задача состоит в определении численности коллектива, оставившего ЕК-II и ЕК-I. Для этого необходимы данные о продолжительности существования памятников, количестве умерших, средней длительности жизни, проценте смертности населения.

Предполагаем, что всего на площади двух могильников могло быть похоронено 750–785 человек. Расчеты числа одновременно проживавших людей мы провели по двум формулам. Одна из них, использовалась Е.Е. Кузьминой (1974: 106). В соответствии с ней численность коллектива составляла в среднем 65 человек. Другую формулу использовали В.Ф. Генинг (1970: 116) и Т.Н. Троицкая (1979: 57).

При средней продолжительности жизни 25 лет (с учетом детской смертности) за 50 лет вырастает одно поколение, умирает другое и рождается третье. За 300 лет могли существовать 14–18 таких поколений, следовательно, в каждом по 40–45 человек. Допустим, что это были взрослые. Тогда дети (которых было 40–50%) и старики (3–5%) составят еще столько же. В итоге получим, что одновременно могли проживать 80–90 человек. Исходя из цифр 50–80, 65–95, 80–90 по результатам подсчетов минимальной, усредненной и максимальной численности, мы определяем число одновременно проживавших в 60–80 человек.

В целом, основываясь на материалах могильников Еловский-I и II, можно считать:

- 1) в этом районе проживал коллектив численностью 60–80 человек;
- 2) в нем наблюдалось количественное преобладание мужчин;

3) от андроновского к позднееловскому времени увеличилось количество женщин и уменьшилось число детей;

4) половозрастная структура общества могла быть следующей: мужчины — около 30%, женщины — 25–30%, дети — 40–45%;

5) чаще всего взрослые умирали в возрасте до 35 лет; с возрастом смертность увеличивается; наибольшая смертность наблюдается среди детей до 7 лет;

6) супружеской паре для поддержания численности коллектива на одном уровне необходимо было иметь не менее 4–5 детей.

Социальная структура населения Еловского микрорайона

В данном разделе проведен анализ социальной структуры населения, оставившего определенный памятник. Можно ли переносить полученные в ходе данного анализа результаты на другие территории? Вероятно, с какими-то поправками можно. В пользу этого говорит примерно одинаковый уровень развития населения верхнеобского региона, хотя в каждом отдельно взятом районе структура коллективов, бесспорно, имела свою специфику.

Материалы погребальных памятников. Анализ проводился на основании изучения сопроводительного инвентаря — керамики, изделий из кости и металла. Считая, что в одной могиле могут быть погребены лица с разным социальным статусом, мы сочли возможным изучать костяки с сопровождающим их инвентарем, а не весь погребальный инвентарь в могиле в совокупности. В итоге, погребенные в некоторых парных или групповых могилах попали в разные группы захоронений.

Анализируемый комплекс был разделен на андроновский и еловский. В пределах каждого из них выделены группы детских, женских и мужских могил. Далее просчитывался количественный состав каждой половозрастной группы и проанализирован сопровождающий инвентарь в каждой из групп.

Среди детских андроновских могил выделились три большие группы — более богатые, средние и бедные. В женском андроновском комплексе выделено четыре группы могил. В мужском андроновском комплексе выделено шесть групп. Имущественная и социальная дифференциация были слабо выражены. Женские погребения были несколько богаче мужских. Причиной этого могла быть матрилейность. Слабая близость между собой групп женских могил, вероятнее всего, отражает наличие двух брачных коллективов-партнеров. Об этом свидетельствует и различный состав погребального инвентаря.

В еловском комплексе разделение могил на группы прослеживается более явно. В детском комплексе могил выделено три группы. В целом они богаче детских андроновских захоронений. Женские могилы могут быть разделены на три группы. В сравнении с андроновским комплексом налицо уменьшение, условно говоря, «богатых» могил и увеличение средних. По всей видимости, это свидетельство ухудшения социального статуса женщин. Почти полностью разнящийся погребальный инвентарь групп 2 и 3 свидетельствует о двух сложившихся у «еловцев» социальных группах, возможно, разных по происхождению. Мужской комплекс еловских могил невелик и распадается на две группы, примерно равные по количеству инвентаря, но отличающиеся по его составу.

В целом, можно заключить, что в эпоху бронзового века у местного населения имущественная и социальная дифференциация были слабо выражены. Из общей

схемы выпадают могилы с трупосожжением. Статус этой группы населения не ясен, но он должен отличаться от остальных категорий населения. Наличие нескольких социальных групп имеет отражение и в других материалах.

Керамический комплекс. Основываясь на изучении глиняной посуды и орнамента на ней, можно говорить о двух компонентах в составе еловского населения. По выявленным особенностям таких материалов среди еловских мужских захоронений можно выделить две группы. Для первой более характерны слабо профилированные сосуды. Орнамент составляют, по большей части, горизонтальные оттиски — «гребенка» и «елочка», разделенные рядами ямок. Узор покрывает сосуд от венчика до дна. В целом эта посуда вызывает ассоциации с керамикой из северных районов, но орнамент на ней более разряжен. Керамика второй группы захоронений представлена хорошо профилированными сосудами, орнаментированными, в основном, по шейке и тулову горизонтальными рядами «гребенки» в сочетании с ромбами и сетками. Эта керамика тяготеет к более южным районам.

По керамическим материалам женские еловские погребения делятся на три группы. В первой преобладает хорошо профилированная посуда. Орнамент выполнен в виде сеток или горизонтальных линий «гребенки» по шейке, а также в виде лент и треугольников по тулову. По своему облику керамика сопоставима с посудой более южных районов. Во второй группе женских могил встречаются, по большей части, слабопрофилированные сосуды. Орнамент нанесен по шейке и тулову и состоит из взаимопроникающих треугольников, зигзагов и треугольников, соприкасающихся вершинами. Керамику можно сопоставлять как с южными, так и с северными территориями, но по форме она тяготеет к северным регионам. Керамика третьей группы может быть сопоставима как с керамикой северных, так и южных соседей. Посуда из детских еловских могил не находит таких аналогий.

Возможно, что один из компонентов, составивших еловское население, восходит к людям, изготавливавшим глиняные емкости бегазы-дандыбаевского типа, поскольку нами в ходе раскопок ЕК-II в 1974 и в 1980–1981 гг. были исследованы погребения, содержавшие керамику, напоминающую бегазы-дандыбаевскую (Тихонов 1987: 97–98). Сходство прослеживается в технике нанесения орнамента, в элементах орнамента и формах сосудов. Но они никогда не встречаются на одном горшке. Для 13 погребенных с такой керамикой определен пол и возраст. В семи могилах похоронены дети от шести месяцев до 4–5 лет. В трех могилах находились взрослые женщины и еще в трех — взрослые мужчины.

Несомненно, что существовала связь степного населения с коллективами северной лесостепи. Об этом свидетельствуют находки посуды бегазы-дандыбаевского облика в Приобье и Барабе (Молодин 1985). Но о характере и формах таких связей судить очень трудно. Небольшое количество памятников и малый комплекс посуды может свидетельствовать о непродолжительном характере контактов.

Хозяйство еловского населения

Скотоводство. Osteологические материалы из раскопок на Еловском поселении в 1960 г. неоднократно рассматривались (Косарев 1981; Матющенко 1974). Напомним, что на памятнике были найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки, свиньи.

Археологи, как правило, предпочитают изучать состав стада по структуре osteологического материала или основываясь на расчетах структуры стада по ко-

личеству особей. При такой реконструкции не учитываются некоторые факторы. Первый из них — отбор «определимых» костей. В этом случае мелкие кости или их невыразительные обломки до специалиста палеозоолога чаще всего не доходят. Это ведет к увеличению при интерпретации доли крупных домашних и диких животных. Вторым неучтенным фактором являются потери скота от болезней, наводнений, хищников. В Тобольском округе Тобольской губернии с 1883 по 1886 г. у русских крестьян от болезней погибало в среднем от 8 до 60% поголовья лошадей, от 5 до 70% крупного рогатого скота, до 10% поголовья овец и свиней. В волостях, где не было эпизоотий, в год гибло до 10% поголовья скота. В татарских и мансийских волостях процент падежа скота достигал 15%. За год тонуло около 2% каждого вида животных. Хищники уничтожали за год 2% поголовья лошадей и крупного рогатого скота, 10% поголовья овец и 6% свиней. Таким образом, даже при благоприятных условиях для разведения скота и большом опыте его воспроизводства население теряет в год не менее 15% стада (Мельников, Тихонов 1991: 77–79).

Очевидно, что структура остеологического материала не идентична структуре поголовья. Для восстановления реальной картины Ю.А. Краснов предложил два метода. В первом случае он использовал поправочный коэффициент, который для крупного рогатого скота равен 4, для лошади — 3, для мелкого рогатого скота — 1,5. Во втором случае исследователь исходил из прироста стада. Корова приносит одного теленка в год, поэтому прирост стада крупного рогатого скота не может быть более 50%. Прирост поголовья мелкого рогатого скота составляет 100%, лошадей 50%, свиней 200% в год (Краснов 1971: 143).

Основываясь на материалах раскопок 1960 г. можно считать, что доля крупного рогатого скота в стаде могла составлять около 49–69%, мелкого рогатого скота и лошади около 14–27%, свиньи менее 1%. Собаки составляли 2,5–7,4% домашних животных. По материалам раскопок 1982 г. можно предполагать, что доля крупного рогатого скота в стаде могла достигать от 43 до 59%, мелкого рогатого скота от 16 до 31%, лошади от 22 до 26%. Собаки составляли 1–3,5% домашних животных. Настораживает отсутствие в материалах 1982 г. костей свиней. П.А. Косинцев не решился однозначно отнести имеющиеся кости к свиньям домашним или диким, определив их нейтрально как кости *Sus sp.*

По материалам, полученным в ходе раскопок Еловского поселения в 1960 и 1982 гг., можно установить структуру стада. Доля крупного рогатого скота составляла от 43 до 69% (в среднем 56%), мелкого рогатого скота — от 14% до 31% (в среднем 23%), лошади — от 14 до 27%, (в среднем 21%). Естественно, что структура стада была непостоянна и менялась в указанных пределах. Но в дальнейшем мы будем использовать средние цифры, считая, что это «идеальная» структура стада Еловского поселения.

Попытаемся рассчитать количество животных, имевшихся у древних жителей. Мы определили, что на поселении проживало 60–80 человек, из которых 30% были взрослые мужчины, 25–30% — взрослые женщины и 40–45% — дети. Можно также определить и количество людей не в процентах, исходя из их числа и половозрастной структуры. Будем основываться на абсолютной цифре в 80 человек. Тогда мужчин будет 27, женщин 22, детей 31.

Условимся, что женщины и дети едят пищи вдвое меньше, чем мужчины. Приводя численность коллектива к общему знаменателю (количеству мужчин), будем считать, что весь коллектив потреблял в день столько мяса, сколько съели

бы 53 мужчины. В этом случае, исходя из норм потребления мяса, предложенных Ю.А. Красновым (1971: 145) 0,48 кг в день, им на год понадобилось бы 53,5 чел. · 0,48 кг · 365 дн. = 9373,2 кг мяса.

Доля диких мясных животных по количеству костей составляла около 10%. Подавляющая часть остеологического материала представлена костями лося. В 1960 г. их было 96% от костей диких мясных животных или 87%, если считать по особям. В 1982 г. костей лося было 92% и 61% соответственно. Это значит, что около 10% мяса древние жители добывали в лесу, а 90% дома. Значит от домашних животных получено около 8400 кг мяса за год. Известно, что несъедобные части животного составляют почти одну треть его веса. От крупного рогатого скота получено $56 \cdot x$ кг мяса, от мелкого рогатого скота — $23 \cdot y$ кг мяса, от лошадей — $21 \cdot z$ кг мяса. С помощью уравнения $56 \cdot x + 23 \cdot y + 21 \cdot z = 8400$ рассчитаем гипотетическое число съедаемых животных. Результаты будут следующие: коров — 45–48, лошадей — 18, мелкого рогатого скота — 18 голов. При этом должно осуществляться постоянное воспроизводство стада, иначе оно все будет съедено. Если считать, что в пищу шел только приплод, то общее количество коров в стаде будет варьировать в пределах от 48 до 96 особей, мелкого рогатого скота — от 18 до 36 особей, лошади — от 36 до 54 особей.

Очевидно, реальные размеры стада будут несколько меньше, поскольку в данном случае расчеты велись по максимуму. Необходимо также учитывать, что население помимо мяса питались молочной продукцией. О периодах голода свидетельствуют многочисленные сообщения исследователей XVIII–XIX вв. Часть животных погибло от болезней, хищников или тонуло.

Мы предполагаем, что типичная семья местных жителей эпохи бронзы состояла из супружеской пары, их детей и иногда их родителей. Всего в семье могло быть 4–5 человек, а в коллективе около 15–20 семей. Тогда семья могла владеть 3–5 коровам, 2–3 лошадьми, 1–2 овцами или козами, что вполне соответствует этнографическим данным и может быть принята как основа для последующих исследований.

Охота. Материалы раскопок показывают, что жители охотились на многих животных, среди которых преобладал лось. Это означает наличие специализированной охоты на этих животных. Е.А. Сидоров (1989: 19) описал некоторые типы стрел, которые могли быть использованы для настораживания самострелов на звериных тропах. Подобные наконечники встречаются на Еловском поселении.

Попытаемся определить интенсивность охоты на крупных копытных. Еловское поселение, судя по материалам хозяйственного районирования, расположено в самом благоприятном в современной Томской области физико-географическом районе для проживания — Приобско-Шегарском. Там самый высокий бонитет земель и наибольшая сумма температур выше 10°C, высокая биологическая продуктивность — 1,36 т/га, отличная структура угодий. Площадь водных ресурсов составляет 2,5%. Остальное занимают болота и другие угодья в пропорции 1 : 2. В лесах преобладают светло-серые, лесные почвы и выщелоченные черноземы, а в пахотных угодьях — темно-серые и светло-серые, лесные почвы и выщелоченные черноземы.

Несмотря на столь благоприятные условия, известно только одно поселение эпохи поздней бронзы — Еловское. Разведки, проведенные В.И. Матющенко в 1960 и 1980 гг. по террасе левого берега Оби вверх и вниз от Еловки, не дали результатов. Ближайшие поселения, синхронные Еловке, находятся в Батурино (25–30 км от по-

селения вверх по Симану — протока Оби) и в Уртаме, что находится в 40 км ниже Еловки. Будем считать, что границы угодий «еловцев» находились на полпути между Батурино и Уртамом. Расстояние Уртам-Еловка составляет 40 км, полпути — 20 км, расстояние Еловка-Батурино — 30 км, полпути — 15 км. Еловка находится в центре угодий и легко сосчитать площадь овала с радиусом 15 и 20 км. Она равна 1200 кв. км или 120 тыс. га. Из этой площади водное зеркало занимает 2,5% или 3 тыс. га. Остальное болота и угодья в пропорции 1 : 2, то есть болото около 36 тыс. га леса и остепненные участки около 80 тыс.га.

В 1984–1985 гг. на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» прошла дискуссия о роли лосей в биоценозе и о возможности нанесения ими ущерба лесу. По приведенным материалам видно, что плотность копытных, в том числе и лосей, колеблется от 1 до 10–12 особей на 1 тыс. га. Охотоведы и зоологи считают, что оптимальная плотность копытных составляет 4–5 особей на 1 тыс. га. Воспользуемся этими данными для наших построений.

При средней плотности пяти копытных на 1 тыс. га на площади угодий 80 тыс. га могло обитать около 400 лосей. Структура стада этих животных обычно следующая: самки — около 60%, самцы — около 40%. Сеголетки составляют в стаде почти 20%, особи в возрасте 1–2 года — 7%, животные старше 2 лет, и, следовательно, живым весом около 300 кг и выше — почти 70%. Если эти данные перенести на стадо лосей в древности, а принципиально лоси современные от древних ничем не отличаются, то в стаде будет почти 280 животных, из них самок — 160–170, самцов — 110–120.

Специалисты утверждают следующее. Чтобы не наносить вред популяции животных, можно добывать до 10% их общей численности, то есть в нашем случае приблизительно 30 особей. При среднем живом весе взрослого лося в 450–500 кг можно получить 300 кг чистого мяса или 12 тонн от 40 лосей. Мы рассчитали, что мясо диких животных составляет 10% в рационе древних жителей и его нужно около 1 тонны. Следовательно, охота на крупных копытных не велась интенсивно и большого значения в хозяйстве не имела.

В раскопках 1961 и 1982 гг. встречены также кости пушных животных. Преобладают части скелета бобра, составляющие 70–80%. Кости остальных зверей (волк, лисица, бурундук, заяц) встречаются редко. Наличие многочисленных резцов бобров в материалах могильников и преобладание костей бобра среди пушных животных на поселении заставляет предполагать специализированную охоту на этого зверя.

Рыболовство. Ихтиологические материалы, полученные на Еловском поселении в 1961 г., обработаны и опубликованы А.Н. Гундризером в 1966 г. С тех пор эти данные кочуют из одной работы в другую. Материалы раскопок 1982 г. еще не обработаны. А.Н. Гундризер считал, что рыбная ловля в древнее время на поселении Еловка не была интенсивной, а рыба, вследствие ее большого количества, росла медленнее, чем в настоящее время. Лов рыбы осуществляли ловушками типа котцов с большими просветами и крупными крючками близ поселения (Гундризер 1966: 122-123).

К мнению специалиста трудно что добавить. Но мы попытаемся рассчитать массу рыбы, которую могли ловить. В пойме Оби можно было брать до 50 кг рыбы с одного гектара водного зеркала. В теплой воде с богатым кормом выход рыбы с единицы площади повышается (Иоганзен, Гундризер, Кривошеков 1964: 122).

С 3000 га водного зеркала можно было взять 150 тонн рыбы. Если считать, что на день человеку нужно 2 кг сырой рыбы, то 150 тонн хватило бы почти для 200 человек на год. На поселении же было значительно меньше людей. Этим объясняются и большие размеры рыбы, и ее замедленный рост, и промысел близ поселения.

Итак, хозяйство населения, оставившего памятника близ деревни Еловка основывалось на скотоводстве, охоте, рыболовстве. Нельзя отрицать наличие собирательства, но о его размерах можно только гадать, хотя данные XIX в. о нем дают кое-какие представления. Наибольшее количество продуктов давало скотоводство, а охота и рыболовство были побочными промыслами и серьезного значения в получении продуктов не имели.

Этнографические параллели

В целом, черты реконструированного общества похожи на модель хозяйства аборигенов Приобья в конце XIX — начале XX вв. Их большая часть проживала в пойме Оби, которая экономически была наиболее освоена. Это прослеживается по размерам селений, количеству проданной рыбы и наличию большого числа домашнего скота. В каждом хозяйстве основными работниками были мужчины, которых в большинстве семей было 1–2. Более трех мужчин отмечено в 20 хозяйствах, более 4–6 в 4. В 93 хозяйствах мужчин не было.

Из всего населения 50% оказались трудоспособными. В среднем одно хозяйство, занимавшееся рыболовством, имело 1–2 обласка, 140 сажень сетей, 30 сажень неводов, 150 сажень ряженок и добывала 13 центнеров рыбы в год. На охоту выходили 1–2 человека от хозяйства, вооруженные ружьем и сопровождаемые 1–2 собаками. Охота была специализированной на пушного зверя. Охотник имел около 40 орудий для пассивной охоты на зверя и 30 для охоты на птиц. Почти в 50% хозяйств было по 2–3 коровы и столько же телят. Столько же семей имело в среднем по 2–3 лошади. Разведение мелкого рогатого скота и свиней не было распространено.

В целом, говоря о степени освоенности угодий, можно заключить, что рыболовные угодья аборигены осваивали на 30% и охотничьи на 70–90%. Для скотоводства они использовали 10–15% имеющихся для этого резервов, около 10% дохода давало собирательство. Земледелие существенной роли в хозяйстве не играло.

Представляется, что эти данные можно скоррелировать с материалами позднебронзового века. Для этого есть несколько оснований. Во-первых, население эпохи поздней бронзы и местные жители XIX–XX вв. обитали в одной природно-географической зоне, приуроченной к пойме большой реки. Во-вторых, можно не принимать во внимание возможные климатические колебания, поскольку в пойме не может быть сильного осушения, и биоценоз сохраняется многие столетия. В-третьих, занятия древнего населения этого региона и населения XIX — начала XX вв. были практически одинаковыми: рыболовство, охота, скотоводство и земледелие. Спорить можно лишь о структуре хозяйства.

Стоит также учесть, что мы оперировали материалами Еловского микрорайона, который находится близко к зоне тайги. Оттуда взяты и основные этнографические данные. Естественно, что население XIX–XX вв. тайги прошло долгий путь развития, но принципы расселения аборигенов не менялись. Производительность труда людей бронзового века и таежников XIX–XX столетий, вероятно, не сильно отличалось. Те и другие широко использовали деревянные и костяные орудия, а

бронзовые или железные употреблялись значительно реже. Охоту в бронзовом веке вели с помощью лука, а в XIX–XX вв. с ружьями. Видимость в тайге не так уж велика, и дальность прямого выстрела редко превышает 100 м. Поэтому охотник вынужден подкрадываться к зверю, о чем свидетельствуют многочисленные описания, сделанные путешественниками XIX в. Ружья у большей части населения были старые. Кроме того, каждый охотник того времени имел множество орудий пассивной охоты, которые давали основную часть добычи. Половозрастная структура изучаемых обществ сходна, о чем свидетельствуют и результаты данной работы, и исследования других авторов.

Разумеется, речь не идет о полном тождестве взятых нами культур. Анализируются лишь сходные в какой-то мере черты, которые могут дополнить наши представления о хозяйстве населения бронзового века (Тихонов 1992; Тихонов, Шаргородский 1992).

ГЛАВА 4. ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК ОСНОВА ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТЕПНОЙ СКИФИИ

Н.А. Гаврилюк

При изучении Северного Причерноморья важное место занимают степные культуры. При этом история древнего населения, проживавшего на территории современной Украины, представляется не столько однообразно-повседневной и рутинной картиной эволюционного развития, сколько каскадом наполненных драматическим содержанием событий разного масштаба и глубины, которые нередко затрагивают саму возможность существования традиционного общества. Регион Великого пояса степей породил яркие, неповторимые, но недолговременные культуры, подобные весеннему степному разнотравью, засыхающему от сухих летних ветров. Одним из таких «эфемероидов» представляется скифская степная общность.

Несмотря на то, что состояние экономики является определяющим в оценке степени развития любого социума, вплоть до последнего времени палеоэкономическое направление изучения ранних кочевников Восточной Европы специально не выделялось. Кроме того, история обществ, проживавших в степях, рассматривалась, главным образом, в контексте исследований населения лесостепных и лесных регионов. Если же вопросы кочевнической палеоэкономики восточноевропейских степей и затрагивались, то они в основном касались поздних культур (Федоров-Давыдов 1966; Плетнева 1958, 1982; Толочко 1996, 1999; Моця, Халиков; 1997 и др.).

В советское время применительно к скифскому степному сообществу ни один из фундаментальных вопросов экономики не только не решался, но и даже не ставился на сколько-нибудь широком материале. Исключением являлись работы Б.Н. Гракова (1954) и Б.А. Шрамко (1965). Впрочем, первый автор ограничился материалами, хотя и большого, но одного памятника — Каменского городища, а основным предметом исследования Б.А. Шрамко было хозяйство племен раннего железного века Лесостепи. Пока представления о Степной Скифии формировались на археологических данных, отличающихся фрагментарностью и утратой большей части информативных признаков, причины «невнимания» скифологов к

вопросам экономики во многом носили объективный характер. Оставаясь только на артефактной базе, трудно представить, например, особенности распределения валового продукта или собственности на средства производства, а также характер производства и другие вопросы, обычно находящиеся в поле зрения исследователя экономики.

В связи с появлением палеоэкономического и палеоэкологического методов и привлечения их к изучению проблем древних обществ, ситуация существенно изменилась. В последнее время эти разработки достигли той степени развития, которая позволяет в истории Степной Скифии рассматривать разные стороны социально-экономической сферы жизнедеятельности кочевников. Важным и принципиально новым обстоятельством, способствующим актуализации темы, является тот факт, что за последние 15 лет в научный оборот введен качественно новый материал. Он происходит из памятников оседлости и позволяет по-иному подойти к исследованию степной скифской культуры. Еще одним благоприятным обстоятельством является формирование аппарата общей теории кочевничества, основанной на базе этнологии и апробированной на поздних кочевых народах. Кроме того, постановку и решение вопросов палеоэкономического и палеоэкологического аспектов истории Степной Скифии облегчает существование и высокая степень изученности закономерностей эколого-экономического развития обществ, а также достижения палеоландшафтоведения (Веклич 1990). Действенность применения этих подходов по отношению к древним социумам была показана лишь в последнее десятилетие.

Очевидно, что обозначенная постановка вопросов позволила приступить к решению принципиально новых задач археологии, при этом учитывая все вышеперечисленные обстоятельства. Особую актуальность теме исследования придавал тот факт, что объектом изучения являлась Степная Скифия, которая относится к одной из наиболее ярких культурно-исторических областей раннего железного века. Изучение ее относится к приоритетным задачам, так как отражает важный момент для понимания корней славянского этноса.

Основной источниковой базой являются археологические памятники степной зоны Северного Причерноморья, большинство из которых исследовано автором в 1984–1998 гг. Они представлены двумя группами.

Памятники оседлости. Стационарные раскопки таких объектов начались сравнительно недавно. О существовании оседлости в степи стали писать лишь после многолетних раскопок Б.Н. Граковым Каменского городища (полевые сезоны 1938–1940, 1946–1950 гг.). В связи с рядовым характером находок на этом памятнике, по сравнению с серией блестящих археологических открытий на курганах, исследования скифских поселений в степи в последующие годы не получили широкого развития. Неуслышанным осталось предостережение известного краеведа и знатока приднепровских древностей А.В. Бодянского о том, что в результате строительства Каховской ГЭС потеряется целая страница скифской истории. Современному исследователю приходится лишь констатировать исчезновение многих памятников оседлости, разрушенных «морем». Даже ограниченные материалы разведок и результаты небольших раскопок на поселении Нижний Рогачик, попадавшем в зону затопления водохранилища, позволяют по-новому ставить и решать существенные вопросы современной скифологии.

Археологические обследования в эрозионной зоне по берегам Каховского «морья», проведенные в 1970–1980-е гг. и расширенные дополнительными перечными маршрутами вдоль балок в степь, привели к открытию новых памятников. Это, в свою очередь, позволило оконтурить территории оседания степных скифов в IV в. до н.э. Автором также была проведена серия разведок в пределах Запорожской и Херсонской областей на предмет выявления памятников оседлости (Гаврилюк, Оленковський 1992). Уточненная карта с такими объектами опубликована (Гаврилюк 1999). Большинство из селищ и стоянок исследовалось автором в ходе разведок. На самых важных памятниках — поселении Лысая Гора, Каменском городище, поселении Ореховая Роща, стоянке Русалка — были проведены стационарные раскопки (Гаврилюк 1989; Гаврилюк, Оленковський 1992; Гаврилюк, Былкова, Кравченко 1992; Гаврилюк, Кравченко 1995 и др.). Серьезное значение для рассматриваемой темы имеют археологические данные, полученные В.П. Былковой (1986 и др.) с поселений Первомаевка-1, Чернеча и М.А. Остапенко (1995 и др.) с Совутинского городища. Кроме этого, представляют огромный интерес материалы памятников оседлости, в основном селищ и стойбищ, расположенных по берегам пойм практически всех крупных рек степи в Побужье-Поингулье (Крижицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 25), Поднестровье, Подонье, на Ингульце, Молочной, Утлюках, Корсаке и др.

В результате обобщения этих сведений картина скифской степной оседлости в Нижнем Поднепровье выглядит следующим образом. Основными узлами были городища — Каменское, Капуловское, Совутинское. Пространство между ними заполняли небольшие поселения, селища и крайне редко стойбища. Для открытой степи характерны последние объекты, которые тяготели к подам. Так, на склонах только Чернянского пода зафиксировано 17 стойбищ скифского времени (Гаврилюк, Оленковський 1992: 5, рис. 1). Все перечисленные виды памятников, насчитывающие на сегодняшний день 106 пунктов, формировали массив первичной оседлости в Приднепровье.

Погребальные памятники. Специфичность состава находок из погребальных комплексов, сакральный характер объектов, ограбленность большинства захоронений, территориальная разрозненность и расплывчатость датировок снижают информационный потенциал этой группы источников и ставят под вопрос их применимость для решения задач палеоэкономики. В настоящее время такие материалы чаще всего используют для культурно-исторической характеристики древних народов и изучения социальной структуры. Нами задействованы данные о всех могильниках скифского времени, которые содержатся в своде памятников, открытых в степи до 1980 г. (около 2300 погребений) (Черненко, Бессонова, Болтрик и др. 1986). Привлекались также материалы из более поздних публикаций о Степной Скифии, включая Подонье, Крым и Приднепровье. Всего обработано около 3000 погребальных объектов.

Картографирование погребальных памятников дает следующую картину. Большинство могильников конца V–IV вв. до н.э. занимает водоразделы притоков Днепра и других больших рек. Они насчитывают сотни насыпей. В пределах курганных групп имелись погребения, принадлежавшие представителям различных слоев скифского общества (4–5 социально-имущественных категорий среди рядовых погребений) (Бунятян 1985: 94–96). Особое место занимали курганы знати (Тереножкин, Мозолевский 1988: 217–218; Генинг 1984: 124–153) и царские

комплексы (Мозолевський 1979: 227; Ильинская, Тереножкин 1983: 124), материалы которых свидетельствуют о существовании у скифов сословно-кастовой системы (Грантовский 1980; Раевский 1985; Пустовалов 1995).

Природные ресурсы Скифии

Природные условия степной геосистемы в целом были благоприятны для развития скотоводческо-кочевнической экономики. Современное состояние сведений о климате в раннем железном веке не дает оснований для установления причинно-следственных связей изменений природных условий или событий в жизни скифов, а также для простой их синхронизации. При экстраполяции данных сводки А.П. Медведева о природно-климатических подвижках в Подоенье на все Северное Причерноморье в раннем железном веке можно отметить, что начало перехода от увлажнения к сухости и смена холодного климата на жаркий попадают на начало III в. до н.э. Это время, когда скифская степная культура уже исчезает. Максимум же повышения температуры приходится на середину I века до н.э., а пик «сухого» периода попадает на первые годы нашей эры (Медведев 1998).

Сопоставление основных видов природных ресурсов с общими представлениями и закономерностями развития экстенсивного скотоводства, а также сравнительный анализ археологического материала памятников Степной Скифии VI–IV вв. до н.э. и этнографических данных по поздним кочевникам, позволяют определить технологию ведения скотоводческого хозяйства степными скифами (Гаврилюк 1999; 2000).

Сезонные перекочевки начинались ранней весной. Это было обусловлено не только желанием сохранить скот и организовать обеспечение его свежими кормами, но и стремлением сохранить растительный покров поймы на зиму (в составе пойменных растений преобладают гигрофиты — влаголюбивые медленно растущие растения с нежными побегам). Кроме того, существовала угроза появления в поймах насекомых — комаров и оводов, от которых страдают животные (Семенюк 1969).

В весенние месяцы местом выпаса скота в Северном Причерноморье были высокопродуктивные волосовидноковыльные угодья водоразделов, преимущественно северной подзоны степи, которые позволяли животным за короткое время «нагулять жир». В конце весны — в начале лета стада перегонялись на водоразделы средней подзоны и в долины краткочеремных рек степной зоны. Долгопоемные пастбища днепровских плавней в июле не использовались, так как к этому времени не успевали высохнуть. В августе стада могли выпастаться лишь в притеррасной части. Во время осенних дождей в оборот шли малопродуктивные, но сухие пастбища песчаных арен типа Каменских кучугур. И только в конце осени и зимой использовались пойменные пастбища. Дневные перекочевки были привязаны к местам водопоев.

Лесные и минеральные ресурсы степной зоны Северного Причерноморья были достаточно скудными, однако достаточны для обеспечения потребностей развития домашнего производства кочевников. При оценке лесных ресурсов нельзя не вспомнить о «...плохих соснах и двухстах деревьев...». Такая информация сохранилась в «письме жреца», найденном в Ольвии и датированном 2-й половиной VI в. до н.э. (Русяева, Віноградов 1991: 201).

В целом, приведенная характеристика природных ресурсов свидетельствует об их разнообразии и о благоприятных условиях для развития кочевого хозяйства.

Численность населения

В основу исследования палеодемографии скифов положен принцип «демографической емкости ландшафта», который успешно применялся при изучении других обществ первобытности (Железчиков 1984; Долуханов 1989; Тортика, Михеев, Кортиев 1994). Используя этот принцип с учетом определенных условий развития кочевого общества, рассчитывается максимально допустимое, без перенапряжения окружающей среды, население Степной Скифии:

$$L=f(Y, F_{зп}, k_{ф}, P, k_{т}, C_i, \Theta_i, \dots), \quad (1)$$

Где L — численность населения; $F_{зп}$ — площадь зимних пастбищ; Y — средняя урожайность зимних пастбищ; $k_{т}$ — коэффициент товарности стада, который указывает, какая часть стада отводится для непищевого использования; C_i — видовой состав стада; Θ_i — энергетическая ценность биомассы домашнего стада с учетом его состава; $k_{ф}$ — физиологически необходимая часть мясного питания в рационе человека, обычно, $k_{ф}=0.12$ (Горшков, Дольник 1980); P — мощность среднего потребления одного человека, обычно $P=0,120$ кВт. В работе приводятся варианты расчетов для двух задач. В задаче 1 определяется максимальное количество населения, которое может прокормить степной регион при условии отсутствия пищевых конкурентов домашним животным. Получено предельно допустимое количество степных скифов — 628 тыс. чел. В задаче 2 определяется предельно допустимое количество населения в 285 тыс. чел., которое может прокормить этот регион при условии раздела кормов пастбищ между домашними и дикими животными. При превышении этих граничных показателей степная экосистема переходит в кризисное состояние, что, вероятно, и произошло в степной зоне Причерноморья на рубеже IV-III вв. до н.э.

Вторым этапом изучения трудовых ресурсов было определение динамики численности населения. Для этого при некоторых допущениях, мы воспользовались моделью стабильного населения по Ф.Д. Лотка, в соответствии с которой возрастание численности выражается экспоненциальной функцией:

$$p(t)=h(t_0) \exp(kt), \quad (2)$$

где $p(t_0)$ — численность населения в определенный момент времени; \exp — условное обозначение экспоненциальной функции e^x , где $e=2.72$; $x=t$ — аргумент, в данном случае — текущий момент времени; k — темп возрастания численности.

Из общих положений исторической демографии в работе принимаются два допущения. Первое состоит в постоянстве таких демографических показателей как плодовитость, долговременность жизни, смертность и др. на протяжении исследуемого периода. Вторым является существование пропорциональной связи между общим количеством скифских погребений и суммарным числом прожитых человеко-лет степным населением. При этом допускается, что относительное число изученных захоронений в каждом временном интервале истории пропорционально количеству скифского населения, которое существовало в этом же промежутке.

Почти единственным источником демографических данных по Степной Скифии являются погребения. Из их обобщения вытекает некоторое количество демографических фактов. Первый отражает наличие скифских погребений и их распределение в соответствии с приблизительно 200-летним интервалом с начала VII до середины V вв. до н.э. и со 2-й половины V до начала III вв. до н.э. (Черненко, Бессонова, Болтрик и др. 1986; Ольховский 1991; Потехина, Кислый 1994). Второй факт демонстрирует численность скифского населения на протяжении всего периода его существования. Она непрерывно изменялась: вначале интенсивно возрастала, а потом (в III в. до н.э.) резко падала. Третий демографический факт касается средней длительности жизни скифов, которая равняется приблизительно 23 годам (Потехина, Кислый 1994). Еще один момент заключается в том, что скифскому обществу присущ традиционный тип воспроизводства населения. Этот факт вытекает из того, что уровень социально-экономического развития этноса обусловлен аграрным характером экономики и соответствующими ему социальными отношениями и культурой, которые господствовали на земле, начиная с неолита и вплоть до XVIII в. (Вишневецкий 1982). А.Г. Колесниковым (1993) доказал возникновение традиционного типа воспроизводства населения начиная с III тысячелетия до н.э. К пятому показателю относятся полученные нами оценки граничной численности скифского степного населения. Исходя из перечисленных демографических фактов, по математической модели (2) получена исходная численность кочевников-скифов ($P_{\text{отр}}^k$) — приблизительно 15–20 тыс. чел., которые могли появиться в Северном Причерноморье. Изучена также динамика изменения средней по векам численности населения Степной Скифии. Коэффициент прироста оценивается в равный 1%, а период удвоения — в 67 лет. Высказаны предположения относительно размеров скифской семьи (5–6 человек) и режима воспроизводства скифского населения. Для иллюстрации методики моделирования динамики движения (в демографическом смысле) в табл.1 приведен результат вычислений по одному варианту исходных данных.

Таблица 1. Вариант расчета динамики численности населения Степной Скифии, исходя из предельной численности 678 тыс. человек

P_{IV}^k	P_{IV}	P_V^k	P_{VI}^k	P_{VII}^k	$P_{\text{отр}}^k$
678	413	265	103.5	40	16

Примечание. В расчете принят коэффициент прироста населения $k=0.0094$; $P_{IV}^k, P_V^k, P_{VI}^k, P_{VII}^k, P_{IV}$ — численность населения в конце соответствующего столетия; P_{IV} — средняя численность населения в течение IV в. до н.э.; $P_{\text{отр}}^k$ — вычисленная изначальная численность скифов.

Если исходить из общепринятого соотношения отбора людей для участия в войне 1:5, то предметом нашего исследования является содержание трудовой и производственной сферы, где было задействовано по меньшей мере 4/5 от всего населения (за вычетом малых детей и глубоких стариков). Жизнедеятельность как раз этих приблизительно 80% населения обеспечила создание материальной базы. Поэтому ниже отразим повседневные занятия основной массы людей Степной Скифии.

Скотоводство

Ведущей отраслью аграрной экономики было скотоводство. Оно развивалось в нескольких формах (от чисто кочевой к полукочевой и в комбинации). Основным

источником для характеристики кочевого скотоводства у скифов в VI — середине V в. до н.э. является «История» Геродота. Содержащиеся в ней сведения чаще всего подтверждаются материалами немногочисленных погребений этого времени. Кочевое скотоводство второй половины V–IV вв. до н.э. реконструируется по материалам погребальных памятников Приазовья. Замечено, что в стаде кочевых скифов преобладают лошади (41,7%), много овец (32%), но мало крупного рогатого скота и не фиксируются свиньи и ослы. Перекочевки были длительными и имели субдолготную направленность. Местами зимовок кочевников были поды и блюдца, расположенные, как правило, в открытой степи.

В конце V — начале IV вв. до н.э. в степной зоне Северного Причерноморья происходят вполне закономерные для любого степного кочевнического объединения изменения. В результате ограниченности пастбищных территорий и экстенсивного чрезмерного их использования ухудшается состояние пастбищ. Единственным выходом из сложившейся ситуации было введение новых форм хозяйствования. В результате произошли структурные превращения в экономике. Часть скифов перешла к полукочевому способу ведения скотоводства. Местом обитания такого населения на рубеже V–IV вв. до н.э. стало Приднепровье — территория, обладавшая природными ресурсами, пригодными для реализации как скотоводства, так и земледелия. Богатые плавневые массивы в сочетании с сухими пастбищами припойменных песчаных арен и разнотравьем водоразделов северной и средней подзон степи стали ресурсной базой более прогрессивного, по сравнению с кочевым, полукочевого скотоводства, образовавшего основу нового ХКТ.

Если для исследования кочевого скотоводства VI — середины V вв. до н.э. основным источником являются сочинения античных авторов, то для изучения полукочевого скотоводства конца V — 1-й половины IV вв. до н.э. основным источником становятся археологические материалы главным образом из памятников оседлости, возникших именно в то время. Многочисленные городища, поселения и селища, сосредоточенные в основном в припойменной зоне, свидетельствуют о том, что часть скифов перешла к круглогодичной оседлости. Соответственно изменился и состав стада разводимых животных. В нем на первое место выдвинулся крупный рогатый скот и занял от 43,2 до 55,4% (определено как по материалам памятников оседлости, так и по данным погребальных комплексов). От 23 до 34% составили лошади, и только 17,6% — овцы. Появились неспособные к длительным перекочевкам свиньи. На Каменском городище и поселении Лысая Гора они составляли от 2 до 4,7% стада. Среди домашних животных Нижнего Поднепровья отмечены ослы. Кости двух таких особей зафиксированы в материалах поселения Лысая Гора.

Кроме остеологических данных из скифских памятников IV в. до н.э., для характеристики основных пород домашнего скота привлекаются изображения животных на металлических изделиях. Коровы с телятами, овцы, лошади и козы на пекторалах из Толстой Могилы и Большой Близницы позволяют обратить внимание на некоторые особенности экстерьера домашних животных и сделать выводы о возможных хозяйственно-продуктивных направлениях в их разведении. Так, на пекторали из Толстой Могилы изображены коровы с телятами, судя по упитанности которых можно заключить, что они росли, получая достаточное количество молока, т.е. оно практически не выдаивалось. Этот факт, а также характеристика экстерьера обеих коров (сильные ноги, развитость частей туши, дающих мясо и

т.п.) позволяют сделать вывод о не молочном, а мясо-рабочем направлении продуктивности крупного рогатого скота степной зоны.

Об экстерьере степных лошадей можно судить по изображениям лошади с жеребенком на пекторали из Толстой Могилы, по боевым особям с гребня из Солохи и по «сцене приручения» на Чертомлыцкой вазе. Это невысокие сильные животные «сухой» конституции.

Экстерьер овец отображен, например, на изделиях из Толстой Могилы, Большой Близицы и Гаймановой Могилы. Овцы там отличаются руном улучшенного качества, однородностью шерсти, некоторой изнеженностью. О последнем свойстве можно судить по плохой оброслости брюха и слабой оброслости глаз. По зоологической классификации (Литовченко, Воробьев 1974: 12), изображенные овцы относятся к группе длинношестехвостных с длинными сухими утонченными головами. По хозяйственной классификации они близки к современной цигайской породе. О качестве получаемой овечьей шерсти можно судить по результатам анализа шерстяных тканей из Чертомлыка, проведенных Б.А. Шрамко. Один из фрагментов (красная ткань полотняного переплетения) имеет пряжу, состоящую из волокон тонкой шерсти, соответствующей современной мериносовой. Образец бурой ткани сделан из волокон неоднородной шерсти, в которой кроме основных тонких волокон, встречаются более толстые (Шрамко 1965: 627). Такая шерсть соответствует современной цигайской.

Любопытно, что многие технологические приемы ведения скотоводства не претерпели существенных изменений за 2,5 тыс. лет. На пекторали приведена сцена доения овцы (преимущественно мужское занятие и поныне), в которой легко можно распознать современный «молдавский» способ.

Изменение состав стада отразилось на маршрутах сезонных перекочевков. В первую очередь, изменилась их направленность (от водораздела к пойме) и сократилась протяженность. По-видимому, припойменные пастбища стали закрепляться за определенными родовыми группами. Как известно по этнографическим материалам, пастбища зимовок захватывались обычно наиболее могущественными родами, которые создавали там поселения и селили на них обедневших сородичей. Этим и объясняется локализация в Поднепровье наиболее богатых курганных могильников и сравнительно бедных памятников оседлости.

Как складывались отношения между оседлыми скифами и их кочевыми сородичами, можно судить по этнографическим параллелям. В качестве одной из самых ранних форм полукочевого хозяйства обычно используют ее описание у киргизов (Погорельский 1949: 42). Ими в местах зимовок, во время окота разбивались небольшие посевы. Отгон скота двумя-тремя пастухами в это время происходил на небольшие расстояния. Пока молодняк подрастал, «земледельцы» успевали провести посевные работы. После чего основное стадо перекочевывало на летние пастбища. При этом складывались самые разнообразные имущественные отношения производственных партнеров. Скотовод мог передать «земледельцу» скот во временное пользование для доставки урожая, а также разнообразные продукты животноводства (шерсть, сыр). «Земледелец» «оплачивал» эти услуги и товары, передавая скотоводу часть урожая в виде зерна, соломы, храня лишний скарб кочевника (институт «торгового друга») (Кармышева 1980: 46). Сбыт скота производился весной и осенью у скотопрогонных трасс и на сезонных торжищах.

Таким образом, археологические материалы позволяют говорить о том, что в степной зоне Северного Причерноморья в конце V–IV вв. до н.э. скотоводство существовало в двух формах. Результаты сравнения обеих форм скотоводческого хозяйства по десяти признакам приведены в табл. 2.

Таблица 2. Сравнительная характеристика видов скотоводства степных скифов конца V–IV вв. до н.э.

Признаки, характер, критерии	Вид скотоводства	
	полукочевой	кочевой
1. Типы памятников	Курганы, бескурганные могильники, поселения, городища, селища	Курганы, стойбища
2. Локализация памятников	Террасы Днепра	Открытая степь
3. Пастбища	Поймы, дюны, водоразделы	Открытая степь
4. Водоснабжение	Естественное	Естественное
5. Перекочевка и их длительность	Субширотные к Днепру; короткие — пойма-водораздел	Субдолготные; длинные
6. Содержание скота	Отгонная форма	Пастбищная форма
7. Собственность на скот	Существует	Существует
8. Собственность на пастбища	Существует?	?
9. Община	Аильная?	Родовая
10. Состав стада, %:		
крупный рогатый скот	43,2–55,4	23,8
лошади	26–34	41,7
овцы	17,6	32,0
свины	2–4,7	0

В целом, исследование скотоводства степных скифов IV вв. до н.э. приводит к следующим выводам:

1. В IV в. до н.э. в степной зоне Северного Причерноморья сосуществовали два вида скотоводства: более прогрессивный — полукочевой, локализовавшийся в Приднепровье, и архаический — чисто кочевнический, характерный для районов «открытой степи» еще с VI вв. до н.э. Основные изменения происходили в полукочевом скотоводстве.

2. В IV в. до н.э. изменился состав стада степных полукочевых скифов: на первое место выдвинулся крупный рогатый скот, который представлен в Северном Причерноморье как минимум тремя породами с продуктивностью, развивавшейся в мясо-рабочем направлении.

3. Доля лошадей в стаде заметно уменьшилась, однако эти животные продолжали играть важную роль в жизни степных полукочевых скифов.

4. Особенностью скотоводства степных скифов изучаемого периода стало появление ослов, существование которых в стаде отрицал Геродот.

5. В составе домашних животных, обитавших в районе Днепровской поймы, отмечены свиньи. Это в определенной мере отражает изменение формы скотоводческого хозяйства в данном регионе. Обитатели припойменных районов перешли к отгонному способу организации выпаса.

Земледелие

Новым явлением в экономическом развитии Степной Скифии в IV в. до н.э. стала земледельческая отрасль. Природные ресурсы припойменных районов Днепра допускают ее существование в примитивной форме. Возникнув в скотоводческой среде, земледелие степной зоны заметно отличалось от аналогичной деятельности племен лесостепи (Шрамко 1971; Шрамко, Янушевич 1985 и др.) и античных центров Северного Причерноморья (Блаватский 1953; Крутликера 1975). Возможно, первой причиной его появления стали потребности скотоводческой отрасли, которые постоянно возрастали и не могли быть удовлетворены за счет уже существующего производства. Произошел переход части населения к круглогодичной оседлости и выращиванию культурных растений. Материалы приднепровских памятников (отпечатки зерен на лепной посуде, результаты промывки культурного слоя Каменского городища и поселения Лысая Гора, промывки заполнения зерновых ям некоторых селищ в Поднепровье) свидетельствуют о культивировании в основном фуражных злаковых растений — пленчатого ячменя и проса. Найденные на поселениях и в некоторых курганах орудия по обработке земли (мотыги с железными наконечниками, костяные лопаточки), сбору урожая (серпы Каменского городища и из некоторых погребений) и обработке зерна (зернотерки) позволяют восстановить практически весь процесс степного земледелия, к особенностям которого относятся следующие показатели:

- 1) переложная система земпользования;
- 2) бесплужная обработка земли;
- 3) преобладание среди культурных растений засухоустойчивых видов.

Следует также заметить, что система земледелия Степной Скифии сложилась самостоятельно. Она не связана по своему происхождению с подобным видом деятельности в лесостепной зоне Северного Причерноморья или с земледелием обитателей античных поселений. Не может идти речи и о преемственности традиций с эпохи поздней бронзы.

Сопоставления результатов исследования земледелия степной и лесостепной зон позволяют нам присоединиться к гипотезе, изложенной А.Н. Щегловым (1987). Нет никаких оснований предполагать существование торговли хлебом между скифским населением не только степной зоны, но и всего Северного Причерноморья (включая Лесостепь) и населением античных центров. К аргументам в пользу этого добавим следующее:

1. Неэкспортный состав выращиваемых в Скифии зерновых культур. В частности, основной зерновой культурой в раннем железном веке в Северном Причерноморье был пленчатый ячмень, самый дешевый на рынках Греции. Согласно Плинию, пленчатый ячмень шел на корм скоту и на лепешки рабам.

2. Невозможность (вплоть до 2-й половины XIX в., когда были построены железные дороги до черноморских портов) организации сколько-нибудь масштабного транспорта зерна в античные центры не только из восточных районов

Правобережной Лесостепи, соответствующих распространению киево-черкасской группы памятников (Мурзин 1990), но даже из Нижнего Поднепровья.

3. Отсутствие надобности в привозном из лесостепи хлебе у населения северопричерноморских античных центров, в частности, Ольвии (Лейпунська 1995), хоры которых обеспечивали все потребности в зерне.

В целом, изучение земледельческого компонента скифской экономики приводит к следующим выводам.

1. Археологический материал IV в. до н.э. свидетельствует о формировании земледельческого компонента в Степной Скифии. Его возникновение в экономике региона обусловлено не в последнюю очередь внутренними потребностями развития скотоводства, когда кормовые ресурсы геосистемы перестают обеспечивать сбалансированное развитие этой отрасли экономики. Это явление подтверждено данными раскопок поселения Лысая Гора и других памятников оседлости Нижнего Поднепровья.

2. Преобладание в составе сельскохозяйственных культур кормовых культур — пленчатого ячменя и проса, а также оценка объемов запасов зерна, свидетельствуют о том, что выращиваемые в Степном Поднепровье злаки могли удовлетворить лишь внутренние — пищевые и кормовые — потребности в зерне.

3. Вывоз зернового хлеба из Скифии в Грецию как товара не существовал ни в VI–V вв. до н.э., ни в IV в. до н.э., когда возникло земледелие в степи. При анализе земледельческого компонента скифской степной культуры тезис о том, что в основе роста богатства знати в IV в. до н.э. лежала хлебная торговля (Мурзин 1990: 60; 1992), не получил подтверждения ни археологическими данными, ни тем более этнографическими параллелями.

4. Возникновение земледельческого компонента в Степном Поднепровье стало прогрессивным событием в скифской экономике. Новый — оседлый — способ жизни очень быстро осваивается частью кочевников, и в степи возникает «полоса оседлости».

Седентеризация

С возникновением в степной зоне земледелия связана достаточно острая для кочевниковедения проблема оседания номадов и фиксация этого явления на археологических материалах. По этнографическим данным выделяются следующие основные черты памятников первичной оседлости: отсутствие укреплений; локализация поселений на террасах с пологими спусками к воде; скотоводческо-земледельческая основа хозяйства; большие площади, что определяется наличием в их структуре незаселенных участков, используемых для выпаса скота или в качестве резервов (паров) земледельческого комплекса; округлая форма жилищ; устойчивость очага, но не жилищ (Гадло 1971: 62–65). Аналогичные особенности прослежены при археологическом исследовании аланских комплексов в степном Предкавказье (Гадло 1971: 70–71). Есть и другие свидетельства этого процесса.

Все полученные на сегодняшний день характеристики скифских памятников степной оседлости полностью совпадают с описанием первых оседлых селений, известных по этнографическому материалу (табл. 3). Теперь можно утверждать, что в IV в. до н.э., по крайней мере, в его начале и середине, начался процесс оседания степных скифов. При этом, скотоводческие обычаи у них продолжали сохраняться

в погребальном обряде, о чем свидетельствуют материалы большого количества курганов с погребениями IV в. до н.э.

Таблица 3. Основные типы памятников оседлости Нижнего Поднепровья (+ наличие, — отсутствие признака)

Признаки		Тип памятника			
Категория материалов	Характер, содержание	Городище	Поселение	Селище	Стойбище
1. Культурный слой	Наличие	+	+	+	—
	Мощность	0,8–1	0,3–0,8	0,05–0,3	—
2. Строительные остатки	Оборонительные сооружения	+	—	—	—
	Хозяйственные ямы	+	+	+	—
	Жилища (круглые)	+	+	+	—
3. Находки	Лепная посуда	+	+	+	+
	Амфоры	+	+	+	+
	Гончарная столовая	+	+	—	—
	Клейма	+	+	—	—
	Монеты	+	+	—	—
	Наконечники стрел	+	+	+	+
	Каменные изделия	+	+	+	—
	Костяные изделия	+	+	+	+

Картина размещения археологических памятников первичной оседлости, подобная Приднепровской, зафиксирована в Восточном Крыму (Масленников 1994: 89). Их классификация на городища, поселения, селища и стойбища произведена с учетом внешних признаков памятника (строительных остатков, планировки, характеристик культурного слоя). Подобные процессы происходили в Нижнем Подонье, где в середине I — середине III вв. н.э. на границе степь-пойма в 0,4–1 км от ядра-поселения кочевых алан располагались городища, стоянки и курганы в степи. Причем, эти места, закрепленные за определенными группами родов, сохранили значение вплоть до этнографических времен: каждый год в октябре аил возвращался в свой центр к пойме (Яценко 1994: 69–70).

Таким образом, полученный нами археологический материал свидетельствует о возникновении у степных скифов конца V–IV вв. до н.э. оседлости и полукочевого способа ведения скотоводческого хозяйства. В социальном плане процесс оседания кочевников не столь однозначный, как он предполагается многими археологами. Считается, что оседают беднейшие слои населения. Это не совсем верно. Инициатором такого процесса обычно являлись представители наиболее богатых родов, захватывая самые плодородные пастбища. Но, так как оседлый образ жизни и тяжелый земледельческий труд не являлись престижными в скотоводческом обществе, то они населяли зимние пастбища обедневшими, лишившимися скота сородичами. Это объясняется спецификой кочевого общества на второй стадии его развития, когда традиционная собственность на скот сочетается с утверждающейся собственностью на пастбища. В целом, процесс оседания кочевников

характеризуется тенденцией имущественно-социального расслоения кочевого общества, концентрацией части имущества и разных видов ресурсов в руках небольшого круга лиц.

Ремесло

Степная Скифия в целом являлась типичным кочевым образованием, для населения которого занятия ремеслом обладали всеми признаками «черного» труда. Геродот утверждает, что «...и фракийцы, и скифы, и персы, и лидийцы, и почти все варвары считают тех, кто обучается ремеслам, и их потомков менее почтенными, чем остальные сограждане. Тех же, кто воздерживается от занятий ремеслами, они почитают благородными и более всех тех, кто занимается военным делом...» (Herodot: III. 167). Такое же пренебрежение к ремеслам отмечено у кочевников более позднего времени (Масанов 1958: 31 и др.). С другой стороны, в скифской материальной культуре широко представлены высококачественные изделия.

Основным источником изучения ремесла у скифов в степной зоне всегда считались материалы Каменского городища. В течение десяти полевых сезонов автором было раскопано 2538 кв.м. в «кучугурной части» памятника. Примерно столько же вскрыто всеми нашими предшественниками — Д.Я. Сердюковым, Б.Н. Граковым и П.Д. Либеровым. Мы попытались соотнести места их раскопок с нашими, что позволило получить представление не только об уровне изученности памятника, но и о топологии составляющих его компонентов. Подтверждается наблюдение Б.Н. Гракова о несплошной застройке городища. Исследователь отмечал, что многие раскопы имели слабонасыщенный культурный слой или вообще фиксировалось его отсутствие. В результате, на аномально большой (12 кв.км) территории, ограниченной земляным валом, насчитывается несколько разновременных «поселков» с различной хозяйственной ориентацией. Наиболее ранним (конец V — 1-я половина IV вв. до н.э.) был «поселок» на берегу одного из судоходных рукавов Днепра — Знаменской Конки (раскопы П.Д. Либерова 1952 г. и Б.Н. Гракова 1938–1940 гг.). Этим же временем датируется более северное сосредоточение материалов (наши раскопки на участке «кладбище», раскопы и сборы Д.Я. Сердюкова 1900 г.). Оба участка характеризуются сравнительно большим количеством античного материала, что позволяет говорить о значительной роли для обитателей этих «поселков» торговли с греками. Все остальные участки («Школа», «Газовое хозяйство», «Кладбище», «КДКЗ», «Порт», «Пляж») датируются в пределах 1-й половины — 3-й четверти IV в. до н.э. Они имели скотоводческую и ремесленную (участок «Пляж») ориентацию. Участок «Полуостров» датируется последней четвертью IV в. до н.э. и его хозяйственная направленность из-за небольшой площади исследования не определена. Эти многочисленные материалы позволили нам по-новому подойти к определению значения Каменского городища в истории степных скифов и его роли как ремесленного (и не только ремесленного) центра Степной Скифии.

Особое значение для выработки представлений об уровне и соотношении развития ремесла и домашних занятий в Степной Скифии имеет открытый нами на участке в восточной части городища хозяйственный комплекс. Он специализировался на обработке кости и по совокупности определяющих признаков был идентифицирован как мастерская по изготовлению шильев и ножей с костяными ручками.

Набор изделий и орудий труда из этой мастерской и других производственных комплексов, описанных Б.Н. Граковым и П.Д. Либеровым, был сопоставлен с материалами других памятников оседлости и инвентарем синхронных им погребений. Результаты такого сравнения позволили, во-первых, согласиться с Б.Н. Граковым в том, что Каменское городище было ремесленным центром степных кочевников (т.е. в нем было сосредоточено изготовление простейших железных и бронзовых изделий); во-вторых, отметить, что уровень развития ремесла на городище был исследователями несколько завышен. Ремесленное производство, сосредоточенное на Каменском городище, не в полной мере отвечает критериям ремесла по В.М. Массону (1976) и имеет черты, присущие такой деятельности в кочевом обществе. В частности, обращает на себя внимание факт его недолгого существования (два-три поколения и вследствие этого ограниченную преемственность передачи по наследству умения и навыков ремесленного производства); отсутствие строгих разделения труда и пространственного размещения мастерских. Однако, в том, что некоторые виды изделий произведены вне рамок домашнего производства (скифские ножи, шилья с костяными ручками, некоторые виды вооружения) не приходится сомневаться.

Более низкий уровень развития ремесла Степной Скифии по сравнению, например, с лесостепью, обусловлен рядом причин. В первую очередь тем, что среда, в которой осуществлялись производство, сбыт и использование продукции являлась полукочевой. К важнейшим причинам относится «молодость» ремесленного производства на Каменском городище: традиция ремесленного производства на нем прослеживается в течение не более трех поколений, что может обеспечить невысокий уровень преемственности занятий ремеслом, сохранения, накопления и развития навыков «рудознатцев, литейщиков и кузнецов». Исследование памятника привело к таким выводам.

1. Мастера не должны были испытывать дефицит в древесном угле, необходимым энерготехнологическом сырье для металлообработки. Такими ресурсами район обладал как в количественном, так и качественном отношении. Возможно, что породный состав не отвечал самым высоким требованиям кричной металлургии. Однако и находимые на городище изделия не отличались качеством.

2. Недостаток рудного сырья для развития черной металлургии мог быть причиной поступления железа или полуфабрикатов из лесостепи. Он стимулировал развитие торговли через необходимость организации поставок криц.

3. Кузнечное ремесло вполне могло основываться на привозном сырье, подобно бронзолитейному производству, с которым оно размещалось в тех же производственных комплексах.

4. Благоприятствующими факторами возникновения и развития ремесла на Каменском городище были его расположение на удобной переправе в транспортном узле на пересечении основных торговых путей, скотопрогонных трасс, высокая концентрация населения (потребителей продукции ремесла).

5. Каменское городище своим ремесленным комплексом резко выделяется на фоне всех других скифских памятников оседлости IV в. до н.э., имевших ярко выраженный аграрный характер.

Торговля

Из трех субстанций любой экономической системы (производство, распределение, потребление) именно распределение связано с вопросами социальной стратификации общества. Поскольку социально-политическая история Степной Скифии изучена довольно хорошо, то мы ее вопросов в данной работе не касаемся. Распределение, как правило, осуществляется через торговлю — как внутреннюю, так и внешнюю. Дары, дань, результаты грабежей в экономической науке считаются «внеэкономическими» источниками валового продукта. Поступление таких продуктов, во-первых, не систематично. Во-вторых, вещи, полученные через дань или грабеж, как, впрочем, и дары, очень часто поступают в оборот как обычный товар с низкой себестоимостью. Поэтому автор не отступает от традиционного пути изучения процесса распределения валового продукта, рассматривая его через призму торговых отношений.

Внутренняя торговля в Степной Скифии имела традиционный для кочевников обменный характер. Внешняя достигла в IV в. до н.э. больших объемов. По археологическому материалу и письменным источникам можно проследить особенности античного экспорта в Северное Причерноморье и его состав (посуда, вкусовые продукты, оружие, украшения). При этом нельзя не согласиться с мнением А.Н. Щеглова об отсутствии скифской хлебной торговли, о чем уже было сказано.

В торговле между греками и степными скифами, по всей видимости, соблюдался естественный принцип нетто-баланса. Одним из наиболее возможных видов товара, вывозимого из Скифии, могли быть рабы, встречные поставки которых являлись компенсацией потоку золотых изделий, хлынувших в степь в IV в. до н.э. Развитие греко-скифской работорговли во времени совпадает с развитием античных центров как рабовладения, так и денежных отношений.

Изучение скифской торговли позволяет высказать предположение о том, что она существовала в степной зоне в двух формах: в виде обменно-товарных отношений, распространенных по всей Степной Скифии, и в товарно-денежной форме, которая существовала в контактных с греками зонах — в Нижнем Побужье, Нижнем Поднепровье, Крыму. Находки монет в виде отдельных экземпляров на поселениях Нижнего Поднепровья и обнаруженные клады (на Каменском городище в скифском горшке и в Донцовой балке) дают возможность расширить Приднепровскую контактную зону за счет территории Каменского городища и его округа, по крайней мере, во 2-й половине IV в. до н.э. Но в других районах Степной Скифии, то есть на основных ее просторах, обменные отношения оставались господствующими.

Попробуем провести количественную оценку стоимости обменных товаров, получаемых степными скифами.

Золото играло важную роль в военной и экономической борьбе Персии и Греции, достигшей в то время кульминации. Разгром Персии и переход всего мирового запаса драгоценных металлов, оцениваемого в 8–9 тыс. тонн золота и серебра (Марфунин 1987: 23; Булатович 1980: 52), в руки Александра Македонского и не могло не отразиться на развитии всего античного мира и территорий, связанных с ним. В экономике не только Аттики, но и Боспора монетам, в том числе золотым, уже придавалось большое значение. В монетный обмен частично втягивались и контактные зоны, особенно Нижнее Поднепровье.

Поскольку стада, рабы и другие первичные проявления богатства являлись недолговечными в физическом смысле, то скифы, подобно людям всех времен, по

мере своего обогащения стали превращать их в золотые, т.е. в «вечные», не подверженные инфляции изделия. Археологическим подтверждением возникновения этого феномена в экономике степных скифов во 2-й половине IV в. до н.э. является увеличение количества золота в погребениях различного ранга.

Для дальнейшего рассмотрения принципиальное значение имеет в свое время хорошо известное явление малого различия между рыночной ценой на золото и серебро и их номиналами в монетах. Особенно сильно действие этого закона проявляется по отношению к золоту. Используем указанное свойство благородных металлов для объективной, т.е. количественной оценки золотых и серебряных вещей из скифских погребений IV в. до н.э. Покажем, что по весу и пробе золота и серебра можно в соответствии с паритетом синхронных денежных единиц представить размеры богатства погребенного, количественно оценить разнообразные события в экономической жизни (например, сооружение кургана, поминки в честь царя, инвентарь его погребения). Будем исходить из того, что, во-первых, цена золота — обратная величина по отношению к золотому содержанию (паритету) денежной единицы, и, во-вторых, золотой паритет может быть выражен через серебро, исходя из радио, обнаруживающего свойство быть постоянным в течение больших промежутков времени. В IV в. до н.э. на Боспоре оно равнялось 1:13,3 (Анохин 1971, 1986: 37). Исходя из высказанных соображений, можно, например, определить стоимость основных металлов, использовавшихся в раннем железном веке (табл. 4), а затем провести стоимостную оценку изделий из любого скифского погребения. В качестве примера рассчитаем стоимость золотых изделий из погребений Толстой Могилы (табл. 6.4).

Таблица 4. Стоимость 1 г металла в драмах и условных единицах (у.е.)

Наименование металла	Стоимость 1 г	
	Драмы	у.е.
Золото	3,054	13,33
Серебро	0,22904	1
Медь	0,00191	0,00833
Железо	0,00056	0,00244
Свинец	0,00011	0,00047

Вес пекторали равен 1145 г золота (Мозолевский 1979: 234), что по стоимости эквивалентно $1145 \times 13,3 = 13888,85$ г серебра. Считая, что в драме 4,366...5,4 г, получим, что материал пекторали стоит 3181...2572 драмы, или, соответственно, 25,72...31,811 мин, т.е. 9...16 рабов по ценам рынков рабов в Аттике, или 18...32 рабов на боспорском невольничьем рынке. Таким же образом посчитаем стоимость других изделий. Вес золотых находок, происходящих из бокового (неграбленного) женского погребения кургана Толстая Могила, равнялся 1100,83 г; грабленное мужское (центральное) погребение содержало 1471,56 г золота. Погребения коней и конюхов содержали 860,06 г золота. Всего в кургане Толстая Могила найдено 3606,18 г золота (Мозолевский 1979: 233–236). Пересчитав с учетом проб изделий на серебро с радио 1:13,3, получим 72–75 мин, что эквивалентно стоимости 30 рабов, продаваемых по ценам 2–3 мины за человека на рынках рабов в Аттике. На боспорском рынке цена раба была меньше — около 100 (с учетом 50% потерь,

допускаемых при морской транспортировке рабов) драхм или 1 мина. Поэтому эквивалентное число рабов, которое нужно было продать, чтобы купить материал для вещей, найденных в Толстой Могиле, достигает 282–300 человек.

Таким образом, в IV в. до н.э. о реальном, действительном богатстве можно говорить не только по размеру стада (размеры стада, принадлежащего конкретному лицу, археологу практически невозможно определить), высоте погребального сооружения, но и по стоимостным параметрам золотых изделий, найденных в погребении. Золото, наконец, и здесь выступит в своей важнейшей функции — быть мерой всех вещей. Недавно цепочка подобных расчетов, основывающихся на курсе, паритетах различных монет и использовании цен на рабов на разных рынках была проведена в работе, посвященной изучению денежной функции в обществе Восточной Европы X в. (Прицак 1998: 217–221).

Вернемся к нашему исследованию. Из данных табл. 4 видно, что сохранившаяся золотая «начинка» царского погребения могла обойтись не менее, чем в три сотни невольников (с учетом их потерь по пути к конечному потребителю значительно большего количества).

Таблица 5. Стоимость золотых изделий из Толстой Могилы и его людской эквивалент в рабах

Наименование погребения	мины	Эквивалент, рабы		
		Аттика	Боспор	Себест.
1. Боковое женск., неграбл., без детского	29	11	23	115
2. Центральное грабленное (с пекторалью)	34	14	27	136
3. Конские (неграбленные)	10	4	8	40
Все погребения	73	29	58	291

Аналогичным методом можно провести оценку нижней границы стоимости сооружения кургана. Предположим, что основную стоимость возведения всего комплекса составляли расходы на содержание соплеменников, привлеченных к земляным работам, а дневной прожиточный минимум приравняем к 3 оболам (Граков 1939: 235). Используем эту величину в качестве базовой для расчета оплаты основной массы работников, занятых на сооружении кургана. В формуле для оценки затрат на сооружение кургана действие различных факторов учтем введением ряда коэффициентов. Тогда формула принимает вид:

$$Z_{\text{кург}} = 0,001667 \times k_1 \times k_2 \times k_3 \times C_{\text{сут}} \times \text{Тр},$$

где $Z_{\text{кург}}$ — оценка затрат на сооружение кургана, мины; 0,001667=1/(6×100) переводной коэффициент оболо, мины; k_1 — поправочный коэффициент, учитывающий курс валют (местной, например, боспорской, и аттической); k_2 — поправочный коэффициент, учитывающий полноту сохранности и исследованности погребения (например, для неограбленного и полностью раскрытого и исследованного погребения $k_2=1$); k_3 — поправочный коэффициент, учитывающий точность оценки, например, существование разного масштаба цен на продукты питания в Аттике и на ее периферии или колониях; $C_{\text{сут}}$ — стоимость ежедневного довольства для условий Аттики, обол; Тр — трудоемкость сооружения кургана, человека-дни.

Предварительно каким-либо образом попытаемся оценить «себестоимость» раба. В последующих упрощенных расчетах, приняв $C_{сут} = 3$ обол (включив сюда расходы на охрану, содержание пленных, поддержание их товарного вида и другие дополнительные расходы) и задавшись значением $T_{п} = 40$ суток, получим в качестве первого приближения выражение «себестоимости» в таком виде:

$$S = 0,1667 \times T_{п} \times C_{сут}^{СП} = 0,1667 \times 40 \times 3 = 20 \text{ драм/раб} = 0,2 \text{ мины/раб},$$

где S — себестоимость; $0,1667$ — переводной коэффициент из обол в драмы; $T_{п}$ — длительность времени с момента захвата человека в плен до его продажи в рабство, сутки; $C_{сут}^{СП}$ — стоимость ежедневного довольства для местных условий того или иного района Северного Причерноморья, обол.

Трудоемкость сооружения кургана с усредненными высотой h и диаметром основания d , обычно вычисляемую исходя из формулы объема конуса $V_{кон} = 1,047 \times h \times d$, будем брать из данных исследователей конкретного кургана. Например, согласно данным Б.Н. Мозолевого, объем земляных работ при сооружении Толстой Могилы оценивается в $T_{рТМ} = 12000$ человеко-дней (Мозолевский 1979: 167). Приняв для простоты $k_1 = k_2 = k_3 = 1$, затраты на сооружение земляной насыпи кургана Толстая Могила $Z_{кургТМ}$ можно оценить в 60 мин (в серебре):

$$Z_{кургТМ} = 0,001667 \times k_1 \times k_2 \times k_3 \times C_{сут} \times T_{рТМ} = 0,001667 \times 3 \times 12000 = 60 \text{ мин.}$$

На эту сумму (60 мин) в Аттике можно было купить 20–30 рядовых рабов. Столько же (60 мин) по ценам Аттики стоил один очень квалифицированный, грамотный раб (например, управляющий имением). Цены на рабов в Аттике приведены на стелах гермокопидов (Клячко 1966: 114–115). Цена рабов на Боспоре ниже и за 60 мин можно было приобрести 100–150 рабов. Количество рабов по «себестоимости» в степях Северного Причерноморья составляло 200–300 человек.

Объединив данные по стоимости сохранившегося золота в кургане и постройки погребального сооружения, можно получить представление о порядке стоимости погребального комплекса Толстая Могила. Эта величина составляет не менее 140 мин (2,3 таланта) или около 50 рабов по ценам Аттики и 500 рабов «по себестоимости», т.е. захваченных в Скифии. Если вспомнить, что за один поход можно захватить и 120, и 1000 пленных (Xen., Anab. VII, III, 48; VII, VII, 53), то стоимость кургана Толстая Могила (сооружение+инвентарь) составляла два-три удачных грабительских похода.

Приведенные в качестве примера расчеты стоимости золотого инвентаря Толстой Могилы и стоимости ее сооружения позволяют представить стоимостный масштаб некоторых явлений в экономической жизни Степной Скифии. В частности, эти затраты в глазах грека-современника скифов — могли выглядеть весьма скромными и сопоставимыми со стоимостью среднего эргастерия, дома в Афинах (Клячко 1966: 114–117, 120), с частичными затратами на сооружение и содержание весьма небогатого храма (Кузнецов 1986: 43–47).

Заключение

Основой экономики скифов было кочевое скотоводство. С течением времени в Нижнем Поднепровье сформировался энерго-производственный центр. Он отли-

чался от других частей сосредоточением основных природных ресурсов, степенью концентрации и развития производительных сил. Это хорошо подтверждается археологическим материалом.

Переход к частичной оседлости сопровождался изменениями в организации экономики. Происходило территориальное распределение труда, и глобальная эколого-экономическая система распадалась на локальные образования — эколого-экономические районы. Их характеристика может быть произведена с учетом как экологических, так и экономических особенностей. При этом интересно, что они отличаются от предполагаемых этнических объединений, которые прослежены в степи по данным погребального обряда и по инвентарю (Ольховский 1991). В целом же в степной зоне Северного Причерноморья в IV в. до н.э. можно выделить семь эколого-экономических районов — Каменский, Капуловский (Базавлуцкий; энерго-производственный центр Степной Скифии), Крымский, Приольвийский, Приднестровский Левобережный, Приднестровский Правобережный, Елизаветовский.

ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

П.К. Дашковский, А.А. Тишкин

Введение. Различным аспектам изучения скифской эпохи Горного Алтая уделялось внимание с XIX в. (Тишкин, Дашковский 2004). В результате появились работы, в которых определенным образом отражена и социальная история ранних кочевников (Тишкин, Дашковский 2003: 57–82). Проанализировав опыт предшественников, а также опираясь на современные методические разработки и методологические подходы, можно представить программу реконструкции общественной структуры номадов на основе изучения погребально-поминальных комплексов. Полученные результаты и их интерпретация уже неоднократно авторами публиковались (Тишкин, Дашковский 1997, 2001, 2003, 2004; Дашковский 2002; Дашковский Тишкин, 2003, 2004; и др.). В этом разделе более подробно изложим исследовательский алгоритм, т.е. продемонстрируем саму процедуру работы с археологическими источниками с последующим выходом на объяснение зафиксированных моментов и их систематизацию. Итогом такой деятельности станет краткая характеристика социальной организации главным образом пазырыкского общества.

Методические аспекты реконструкции социальной структуры кочевников.

Изучение социогенеза номадов Горного Алтая скифской эпохи включала в себя три основных этапа:

1. Всестороннее рассмотрение погребально-поминальной обрядности кочевников и статистическая обработка различных признаков с учетом их взаимовстречаемости в выделенных половозрастных группах.

2. Моделирование отдельных социальных явлений. В данном случае выделялись социально-типологические модели погребений.

3. Реконструкция общественной структуры номадов с учетом всей совокупности разнообразных археологических, письменных, этнографических и других источников.

Прежде чем раскрыть содержание каждого этапа исследования, следует отметить, что скифская эпоха охватывала период с конца IX до II вв. до н.э. В настоящее

время на территории Горного Алтая выявлены памятники бийкенской (конец IX — 2–3-я четверть VI вв. до н.э.) и пазырыкской (2-я треть VI–II вв. до н.э.) археологических культур. Учитывая изученность комплексов и репрезентативность полученных данных, а также значительную степень ограбления/осквернения объектов раннескифского времени, авторы в наиболее полном виде разработали и апробировали предлагаемую методику на материалах пазырыкской культуры.

Первый этап был направлен на изучение половозрастной структуры кочевников Горного Алтая VI–II вв. до н.э. Для создания соответствующей базы данных привлекались материалы археологических раскопок погребально-поминальных объектов и антропологические определения. Методические рекомендации по выполнению такой исследовательской процедуры довольно хорошо разработаны (Гончаров, Колдаков 1997: 20–44; Гончаров 1999: 204–243; Матвеева 2000: 121–124; и др.). Ниже приводится описание ее содержания согласно основным пунктам.

A1. База данных по погребальному обряду населения Горного Алтая VI–II вв. до н.э.

B2. Разработчик П.К. Дашковский, консультант А.А. Тишкин (кафедра археологии, этнографии и источниковедения, исторический факультет Алтайского государственного университета: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61).

C3. Источники: база создана на основе двух типов источников: 1) архивные материалы (отчеты об археологических раскопках, полевая документация и т.п.); 2) научные публикации с результатами исследований погребальных памятников в отечественных и зарубежных изданиях.

C4. База данных охватывает погребально-поминальные комплексы VI–II вв. до н.э.

C5. Территориальные рамки использованных источников по административному делению: Республика Алтай, Чарышский район Алтайского края (Россия), Катон-Карагайский район Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

C6. Целевое предназначение базы данных: реконструкция территориально-хронологической ситуации, социальной структуры и системы мировоззрения кочевников.

C7. Качественная характеристика источников различна: таблицы, свободный текст.

C8. Всего использованы результаты раскопок 219 курганов на 88 могильниках. Общее количество учтенных умерших людей — 300 человек.

D9. *Признаки*. Список признаков погребального обряда для базы данных сделан открытым, допускающим его наполнение по мере получения результатов в ходе дальнейших исследований. Ниже приведены соответствующие показатели и, в случае необходимости, их пояснения. В левой колонке признаки записаны в том виде, в каком они содержатся в базе данных.

1. Памятник/курган: название могильника и номер кургана.
2. Пол/возраст: принадлежность человека к определенной половозрастной группе.
3. Дети.
4. Женщины.
5. Мужчины.
6. Infant: дети, более точный возраст которых не установлен.
7. Infant 1: дети до 6 лет включительно.

8. Infant 2: дети и подростки от 6 до 13 лет включительно.
9. Juvenis: юноши и девушки 14–20 лет.
10. Adultus: возмужалые 20–35 лет.
11. Maturus: зрелые 35–55 лет.
12. Senilis: старые (пожилые) старше 55 лет.
13. Вся популяция: дети, женщины, мужчины.
14. Керамика: керамическая посуда.
15. Нож: металлический нож (обычно из железа, гораздо реже из бронзы).
16. Мет. кинжал: металлический (обычно бронзовый) кинжал, преимущественно имитирующий реальный предмет этого класса.
17. Им. кинжала: имитация кинжала из дерева.
18. Мет. чекан: металлический (обычно бронзовый) чекан, чаще всего имитирующий реальный предмет этого класса.
19. Им. чекана: имитация чекана преимущественно из дерева. Иногда фиксируются своеобразные модели: металлический нож крепился к деревянному древку.
20. Щит: деревянный щит.
21. Стрела: наконечник стрелы вместе с древком или отдельно от него. В ряде случаев исследователи в статьях и отчетах указывали, что найдена «стрела» без пояснения составляющих ее элементов.
22. Им. стрелы: имитация стрелы — обычно это длинные палочки с заостренными кончиками либо дополнительные древки стрел в большем количестве, чем найдено наконечников в погребении.
23. Бр. зеркало: бронзовое зеркало.
24. Им. зеркала: имитация зеркала обычно в виде деревянной модели.
25. Гребень.
26. Накосник.
27. Шпилька.
28. Диадема.
29. Гривна
30. Серьги.
31. Бусы.
32. Подвески.
33. Каури: раковины каури.
34. Ритуал. пр.: ритуальные предметы — каменные алтарики.
35. Редкие пр.: редкие предметы — главным образом, орудия труда (оселок, шило, корнекопалки, роговой сосуд).
36. Подушки: каменная, деревянная и кожаная подушки, подкладываемые под голову умершего человека. Если в захоронении находилось более одной «подушки» для каждого погребенного, то в этом случае в базу данных заносился только один такой показатель.
37. Вытянуто: положение умершего человека вытянуто на спине.
38. С подогн. ногами: положение умершего человека вытянуто на спине с подогнутыми ногами.
39. На пр. боку: положение умершего человека скорченно на правом боку.
40. На лев. боку: положение умершего человека скорченно на левом боку.
41. Нетрадиционная П: нетрадиционная поза умершего человека в могиле.

42. В: ориентация погребенного человека головой на восток относительно сторон горизонта.
43. ЮВ и др.: ориентация погребенного человека головой на юго-восток (юго-юго-восток, восток-юго-восток) относительно сторон горизонта.
44. З: ориентация погребенного человека головой на запад относительно сторон горизонта.
45. СЗ и др.: ориентация погребенного человека головой на северо-запад (северо-северо-запад, запад-северо-запад) относительно сторон горизонта.
46. С: ориентация погребенного человека головой на север (а также с небольшими отклонениями от него) относительно сторон горизонта.
47. Ю и др.: ориентация погребенного человека головой на юг (а также с большими отклонениями от него) относительно сторон горизонта.
48. Сруб.
49. Кам. ящик: каменный ящик.
50. Рама.
51. Колода.
52. Сруб+ложе.
53. 2 сруба+колода: двойной сруб, внутри которого установлена колода.
54. Кам. ящ.+ложе: каменный ящик, внутри которого сооружено ложе.
55. Подбой: могильная яма с подбоем.
56. Кам. обкл.: каменная обкладка могильной ямы.
57. Дер. ящ.: деревянный ящик, включая гробовище.
58. МЯ: могильная яма без дополнительных внутренних конструкций.
59. Мяс. пища: мясная пища ритуального характера.
60. 1 лошадь: сопроводительное захоронение одной лошади.
61. 2 лошади: сопроводительное захоронение двух лошадей.
62. 3 лошади: сопроводительное захоронение трех лошадей.
63. >3 лошадей: сопроводительное захоронение более трех лошадей.
64. Оружие: категория включает все предметы вооружения.
65. Им. оружия 1: имитация оружия первого уровня, включая такие предметы, как бронзовые модели кинжалов, чеканов, а также различные наконечники стрел и деревянные щиты.
66. Им. оружия 2: имитация оружия второго уровня, включая модели предметов из дерева и кости, за исключением деревянных щитов.
67. Зеркало: признак включает бронзовые и деревянные экземпляры.
68. Украшения: украшения и предметы туалета. Этот показатель включает следующие категории вещей: шпильки, диадемы, гривны, серьги, гребни, наконечники, бусы, подвески и раковины каури.
69. Прочий: прочий инвентарь, включает ритуальные вещи (каменные алтарики) и редкие предметы (орудия труда и роговые сосуды).
70. Лошадь: наличие сопроводительных захоронений лошадей.
71. Диаметр (м)/кол-во: диаметр кургана (в метрах) и количество человек, погребенных в таких курганах.
72. Высота (м)/кол-во: высота кургана (в метрах) и количество человек, погребенных в кургане.
73. Объем МЯ (м)/кол-во: объем могильной ямы (в кубических метрах — м³) и количество человек, погребенных в кургане.

74. Размеры МЯ (м): размеры могильной ямы (глубина, ширина, длина) в метрах.

75. Количество: количество человек.

76. Возраст: средний возраст представителей какой-либо возрастной группы или всей популяции людей.

77. Количество/ %: количество человек и процентное отношение этого показателя.

78. I группа: I группа погребальных сооружений с учетом корреляции их признаков.

79. II группа: II группа погребальных сооружений с учетом корреляции их признаков.

80. III группа: III группа погребальных сооружений с учетом корреляции их признаков.

81. IV группа: IV группа погребальных сооружений с учетом корреляции их признаков.

82. V группа: V группа погребальных сооружений с учетом корреляции их признаков.

В зависимости от этапов исследования применялись те или иные совокупности указанных объектов.

D. 10. В машиночитаемый вид переведены только те комплексы и показатели источников, которые были необходимы для изучения интересующей группы проблем.

D11. База данных может пополняться за счет привлечения новых материалов.

D12. Тип ЭВМ: IBM — совместимый персональный компьютер.

D13. Программное обеспечение: Microsoft Access, Microsoft Excel.

D14. Носитель информации: гибкие магнитные диски.

E15. База данных использовалась для изучения особенностей погребального обряда населения Горного Алтая VI–II вв. до н.э., социальной структуры и системы мировоззрений пазырыкского общества.

E16. База данных состоит из четырех банков данных:

Банк данных №1 включает в себя:

1) статистику по погребальному обряду (1 уровень, 1 этап исследования) всех представителей половозрастных групп, а также отдельно детей, женщин, мужчин;

2) статистику по погребальному обряду (1 уровень, 2 этап исследования) всех представителей половозрастных групп, а также детей, женщин, мужчин.

Банк данных №2 включает в себя:

1) статистику по погребальному обряду (2 уровень, 1 этап исследования) всех представителей половозрастных групп, а также отдельно детей, женщин, мужчин;

2) статистику по погребальному обряду (2 уровень, 2 этап) всех представителей половозрастных групп, а также детей, женщин, мужчин.

Банк данных №3 включает в себя:

1) таблицу со средними параметрами курганов кочевников для 1 уровня анализа;

2) таблицу с группировкой курганов по группам для 1 уровня анализа;

3) таблицу со средними параметрами курганов кочевников для 2 уровня анализа;

4) таблицу с группировкой курганов по группам для 2 уровня анализа.

Банк данных №4 состоит из:

1) таблицы с палеодемографической характеристикой населения Горного Алтая VI–II вв. до н.э.

На разных уровнях исследования привлекалась различная совокупность материалов из базы данных, что обусловлено объективными процессами систематизации и анализа источников. Для каждого уровня и этапа работы создавались отдельные банки данных, в совокупности составляющих общую базу по погребальному обряду населения Горного Алтая пазырыкского времени. Всего подготовлено четыре банка данных: для первого уровня исследования, для всей совокупности захоронений (второй уровень), для характеристики количественных показателей погребальных сооружений, для палеодемографического анализа. Соответственно каждый банк данных включал разное количество объектов и погребенных людей.

На первом уровне анализировались основные особенности преимущественно одиночных погребений, учитывая такие элементы как разнообразный инвентарь, ориентация и положение умершего по сторонам света, погребальное сооружение, наличие или отсутствие сопроводительного захоронения лошади. Каждая из этих групп разбивалась на соответствующие более мелкие признаки (см. описание базы данных). Для проведения такого половозрастного анализа были использованы результаты раскопок 158 объектов на 55 могильниках VI–II вв. до н.э. горных районов Алтая, в которых надежно фиксировались основные особенности погребального обряда. Общее количество учтенных погребенных составило 159 человек (в эту группу по объективным причинам, указанным выше, включено одно парное детское погребение). При характеристике особенностей захоронений людей, относящихся к общим половозрастным группам, используются результаты подсчетов признаков от общего количества умерших, от каждого возрастного класса и от всей совокупности учтенных погребенных на этом уровне.

Следует отметить, что вычисление процентной доли какого-либо признака для каждой половозрастной группы происходило на одном этапе анализа с учетом всей совокупности критериев определенного элемента погребального обряда (например, погребального сооружения, ориентации и положения умершего человека). На втором этапе, вычисления осуществлялись исходя из наличия конкретного показателя во всех возрастных разрядах той или иной группы детей, мужчин и женщин.

На втором этапе анализа кроме одиночных рассматривались парные и коллективные могилы. На предыдущем уровне было установлено, что положение тела умершего человека в могиле и его ориентация относительно сторон горизонта, а также наличие подушки и мясной пищи в погребении, не служили социально значимыми признаками, поскольку они являлись в большей степени культурно-хронологическими показателями.

Так, судя по данным одиночных погребений, не менее 70% человек были уложены скорченно на правый бок и ориентированы головой на В или ЮВ, что соответствует «классическим» канонам погребального обряда пазырыкской культуры. Иные зафиксированные традиции ориентации и труположения умерших людей обусловлены территориально-хронологическими факторами, взаимодействием с

племенами сопредельных территорий Тувы, Казахстана, Монголии, Китая, а также наличием инокультурных захоронений и другими обстоятельствами аналогичного характера. К культурно диагностирующим признакам можно отнести и помещение в могилу мясной пищи, состоящей преимущественно из частей туши (обычно курдюк) овцы и значительно реже — лошади. Такой показатель у 60% погребенных. Другая черта обряда — помещение под голову умершего подушки из камня, дерева или кожи, набитой травой, обнаружена только в могилах примерно 15% похороненных людей разных половозрастных групп. Это, вероятно, можно объяснить в определенной степени тем, что такие вещи часто могли изготавливаться из дерева или из кожи и поэтому в большинстве случаев они плохо сохранялись. Не исключен и субъективный момент, когда отдельные исследователи могли не интерпретировать камни, находящиеся под головой умершего или возле нее как «каменные подушки». Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и территориально-хронологический аспект, поскольку в отдельных районах Горного Алтая, особенно тяготеющих к предгорьям или в контактных зонах и культурно-исторических коридорах, расположенных вдоль русла крупных рек (Катунь, Чарыш и др.) этот признак при раскопках курганов встречается реже или вообще отсутствует. В конечном итоге, на основе имеющихся данных следует заключить, что этот показатель также не является социально маркирующим элементом. В этой связи, на данном этапе исследования указанные черты погребального обряда не рассматривались.

Из общего списка социально диагностирующих элементов были убраны такие признаки, как керамическая посуда, железный нож и сопроводительное захоронение лошади. Это обусловлено тем, что в парных и коллективных погребениях людей не представляется возможным установить взаимосвязь указанных показателей с конкретным умершим человеком. На этом уровне половозрастной анализ осуществляется с учетом оставшихся категорий инвентаря, которые достаточно достоверно можно было соотнести с конкретным умершим человеком, а также качественных и количественных характеристик погребальных сооружений.

В целях расширения источниковой основы в базу данных на обоих уровнях включались курганы, испытавшие разную степень воздействия со стороны природного и антропогенного факторов: разрушение, ограбление, осквернение. В то же время, нужно отметить, что при анализе одиночных погребений учитывались преимущественно те объекты, которые имеют незначительные следы такого влияния. Во всяком случае, основные черты погребального обряда, включая ориентацию и положение тела умершего человека, а также его инвентарь, фиксируются достаточно надежно.

На втором же уровне, наоборот привлекались абсолютно все погребения, даже со значительной степенью разрушения. Однако доля последних памятников в общей массе объектов незначительна, поэтому данное обстоятельство не может иметь существенные негативные последствия для выводов по половозрастной структуре кочевого социума. В целом, для проведения анализа на втором уровне изучения были привлечены результаты антропологических определений останков 300 человек, полученных в процессе раскопок 219 курганов на 88 могильниках пазырыкской культуры. Такие данные являются объективной основой половозрастного анализа погребений. Это позволяет воспользоваться общепринятыми в антропологии группировками по следующим возрастным группам: дети (до 13 лет), взрослые (старше 13 лет), дети младшего возраста (Infant 1, до 6 лет), дети старшего

возраста, включая подростков (Infant 2, 7–13 лет), юноши (Juvenis, 14–19 лет), возмужалые (Adultus, 20–35 лет), зрелые (Maturus, 35–55 лет) и старые (Senilis, старше 55 лет). В ряде случаев установленный специалистами возраст умершего человека частично охватывал два из выше выделенных периодов. В таких ситуациях, незначительных по своему количеству, учитывались общие тенденции в половозрастной структуре номадов и тяготение зафиксированного показателя к какой-то одной возрастной группе. Так, например, если возраст покойного определен в 50–60 лет, то он заносился в группу, старые люди (Senilis), если 30 (35)–40 — то в разряд зрелые (Maturus). И, наконец, если указан возраст ребенка в 6–7 лет, то он зачислялся в группу старших детей и подростков (Infant 2).

Изучение половозрастной структуры на всех уровнях осуществлялось сначала путем формального анализа основных половозрастных групп (дети, взрослые женщины, взрослые мужчины). После этой процедуры проводилось деление на указанные дробные возрастные классы. При этом особо стоит отметить, что общая группа «дети» рассматривается по трем подгруппам Infant 1, Infant 2 и Infant. Создание третьей подгруппы Infant (т.е. просто дети) обусловлено тем, что более дробный возраст детей и подростков выделенной совокупности неопределен. Между тем, учитывая тот факт, что первые две подгруппы в количественном отношении практически равнозначны, то можно предположить, что подгруппа Infant включает в себя примерно одинаковое количество детей младшего и старшего возраста. Эти обстоятельства дадут дополнительную информацию для половозрастного анализа и социальных реконструкций. Нужно также отметить, что для наибольшей представительности источников конкретные показатели по отдельным признакам учитывались с двойными подсчетами процентов: в числителе от общего числа в каждой половозрастной подгруппе, а в знаменателе — от всей совокупности учтенных умерших людей в группе (дети, женщины, мужчины).

После изложенной выше систематизации и статистической обработки археологических источников были определены признаки погребального обряда пазырыкской культуры, отражающих особенности половозрастной и социальной структуры номадов. К числу таких показателей можно отнести: параметры погребального сооружения и его конструктивные особенности, количество и состав инвентаря, наличие или отсутствие сопроводительных захоронений лошадей. Исходя из этих критериев, давалась общая характеристика основных половозрастных групп: дети, взрослые женщины, взрослые мужчины. При этом важно обратить внимание на то, что имеющиеся материалы позволили выделить определенные наборы эталонных показателей, выражающих стандарт погребального обряда для каждой такой группы умерших людей. Н.П. Матвеева (2000: 138) на основе изучения саргатской культуры предлагает относить к стандартным погребениям те, которые имеют признаки, характерные для большинства, т.е. встречаются в более 55% захоронений. Учитывая особенности источниковой базы по погребениям пазырыкского времени Горного Алтая, представляется возможным причислить к указанному кругу те захоронения людей, которые имеют черты, выявленные не менее чем у 50% погребений. Выделение стандартных показателей дает дополнительную информацию для установления половозрастной структуры социума. В то же время, для реконструкции социальной стратификации номадов такой методический прием мало перспективен. Это связано с тем, что различные социальные аспекты погреб-

бений как раз и проявляются в отходе от общепринятых эталонных характеристик обряда для каждой половозрастной группы.

Следующим важным методическим приемом, используемым для установления половозрастной и социальной дифференциации общества, явился анализ параметров погребальных сооружений. Многие ученые считают их наиболее объективными показателями трудозатрат, которые не изменялись и при ограблении погребений (Грязнов 1950; Могильников 1992: 287; Матвеева 2000: 195; и др.). Попытки разделить курганы пазырыкской культуры на отдельные группы в зависимости от их размеров, в большей или меньшей степени, предпринимались отдельными исследователями (Суразаков 1983; Кубарев 1987: 11; Марсадалов 1997; Полосьмак, Молодин 2000; и др.). Учитывая разработки предшествующих ученых, а также достаточно большую источниковую базу представляется возможным предварительно выделить несколько групп курганов. Критериями являются диаметр и высота насыпи погребального сооружения, а также объем могильной ямы (см. таблицы 1–2). При этом первые два элемента обладают достаточно условной степенью объективности, поскольку они подвержены антропогенному и природному воздействию. То же самое, вероятно, можно сказать и о третьей критерии, но несколько с иным акцентом. Дело в том, что в силу особенностей природно-климатических условий и структуры почвы не всегда представлялось возможным выкопать могильную яму в том объеме, который соответствовал бы средним стандартам для умершего человека с определенным социальным статусом. После учета и анализа каждого из элементов и установления средних показателей, производилась их корреляция. В конечном итоге были установлены следующие группы курганов с усредненными характеристиками:

1. Маленькие: диаметр — до 6 м, высота — 0,1–0,3 м, объем могильной ямы — до 7,5 м³;
2. Малые: диаметр — 6–11 м, высота — 0,1–1 м (средняя высота 0,5 м), объем могильной ямы — 7,5–35 м³;
3. Средние: диаметр — 11–19 м, высота — 0,3–1,2 м (средняя высота 0,6–0,8 м), объем могильной ямы — 35–60 м³;
4. Большие: диаметр — 19–30 м, высота — 0,4–2,6 м (средняя высота 0,8–1,2 м), объем могильной ямы — 60–130 м³;
5. Очень большие (грандиозные): диаметр — 30–68 м, высота — 1,6–4,1 м (средняя высота — 1,6–3,75 м), объем могильной ямы — 130–425 м³.

Количественное соотношение выделенных групп курганов и половозрастной состав погребенных людей отражены в таблицах 3 и 4. В тоже время следует обратить внимание на то, что обозначенные группы в определенной степени условны и в ряде конкретных случаев наблюдаются отклонения от «эталонных» характеристик. Так, зафиксированы ситуации, когда по диаметру насыпи курган относится к одной группе, а по объему погребальной камеры — к другой. Особенно это касается четвертой и пятой группы курганов, которые можно рассматривать как «элитные» погребения. Так, к примеру, Второй Башадарский курган по параметрам насыпи (диаметр 40 м, высота 1,6 м) примыкает к совокупности очень больших, грандиозных объектов, а по объему могильной ямы (84,7 м³) — к разряду только больших. Однако таких случаев не так много. К тому же, воздвижение погребальных памятников, в отдельных конструктивных элементах которых прослеживается разная степень масштабности и объемы трудозатрат, может отчасти объясняться субъективными (личное отношение

к умершему и т.п.) и объективными (недостаток материала, рабочей силы, времени, сложные природные условия и др.) факторами. В целом же, такой методический прием позволяет уловить определенные тенденции в создании курганов при рассмотрении половозрастных и социальных особенностей погребенных людей.

После статистического учета показателей сооружений давалась подробная характеристика основным признакам погребального обряда пазырыкской культуры для каждой половозрастной группы. Кроме этого, выделялся стандарт погребального обряда для детей, женщин и мужчин. В конечном итоге, имеющиеся материалы дали возможность сделать вывод о существовании у «пазырыкцев» системы возрастных классов, которые обусловлены биологическими, социально-экономическими и культурно-историческими процессами развития кочевников.

Таблица 1. Средние параметры курганов и половозрастная структура кочевников (по материалам одиночных погребений)

пол/возраст	диаметр (м) / кол-во Ч	высота (м) / кол-во Ч	объем МЯ (м) / кол-во Ч
Ребенок	5,2 / 25	0,3 / 13	4 / 33
Женщина	9,2 / 58	0,6 / 29	14,9 / 56
Мужчина	10,5 / 72	0,6 / 46	21,1 / 73
Infant	5,4 / 13	0,3 / 8	4 / 14
Infant 1	5,2 / 6	0,3 / 3	3,1 / 8
Infant 2	4,8 / 6	0,2 / 2	4,6 / 11
Juvenis Ж	8,8 / 2	0,5 / 2	3,25 / 2
Juvenis М	5,5 / 1	0,25 / 1	7,3 / 1
Adultus Ж	8,9 / 45	0,6 / 20	16,1 / 43
Adultus М	9,9 / 39	0,5 / 27	19,1 / 39
Maturus Ж	8,6 / 9	0,5 / 6	11,4 / 9
Maturus М	10,9 / 25	0,8 / 14	27,8 / 25
Senilis Ж	15,9 / 2	? / 2	5,4 / 2
Senilis М	11,4 / 8	0,8 / 4	11,3 / 5

Таблица 2. Средние параметры курганов и половозрастная структура кочевников (по материалам всей совокупности погребений)

пол/возраст	диаметр (м) / кол-во Ч	высота (м) / кол-во Ч	объем МЯ (м) / кол-во Ч
Ребенок	6,8 / 60	0,4 / 38	9,3 / 70
Женщина	10,2 / 104	0,75 / 62	21,7 / 104
Мужчина	11,8 / 121	0,8 / 76	30,5 / 121
Infant	5,7 / 29	0,35 / 19	6,1 / 32
Infant 1	8,5 / 17	0,5 / 12	18 / 19
Infant 2	5,1 / 19	0,4 / 7	6,2 / 19

Juvenis Ж	10,9 / 4	0,7 / 4	18,5 / 4
Juvenis М	5,5 / 1	0,25 / 1	7,3 / 1
Adultus Ж	10 / 83	0,8 / 48	22,7 / 83
Adultus М	11,9 / 74	0,7 / 52	32 / 74
Maturus Ж	10 / 14	0,6 / 9	18,6 / 15
Maturus М	11,1 / 35	0,8 / 20	287,8 / 35
Senilis Ж	13,9 / 3	0,5 / 1	9,7 / 2
Senilis М	13,5 / 11	1 / 5	31,3 / 11

Таблица 3. Группы курганов и половозрастная структура кочевников (по материалам одиночных погребений)

пол/возраст	кол-во/%	I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа
Ребенок	32 (100%)	25 (78,1%)	7 (21,9%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Женщина	57 (100%)	11 (19,2%)	35 (61,4%)	9 (15,8%)	1 (1,8%)	1 (1,8%)
Мужчина	75 (100%)	12 (16%)	47 (62,7%)	13 (17,3%)	1 (1,3%)	2 (2,7%)
Infant	13 (100%)	9 (69,2%)	4 (30,8%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Infant 1	8 (100%)	7 (87,5%)	1 (12,5%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Infant 2	11 (100%)	9 (81,8%)	2 (18,2%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Juvenis Ж	1 (100%)	0 (0%)	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Juvenis М	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Adultus Ж	45 (100%)	9 (20%)	28 (62,2%)	7 (15,6%)	0 (0%)	1 (2,2%)
Adultus М	40 (100%)	4 (10%)	28 (70%)	6 (15%)	1 (2,5%)	1 (2,5%)
Maturus Ж	9 (100%)	1 (11,1%)	6 (66,6%)	2 (22,2%)	0 (0%)	0 (0%)
Maturus М	26 (100%)	6 (23,1%)	16 (61,5%)	3 (11,5%)	0 (0%)	1 (3,9%)
Senilis Ж	2 (100%)	1 (50%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (50%)	0 (0%)
Senilis М	8 (100%)	1 (12,5%)	3 (37,5%)	4 (50%)	0 (0%)	0 (0%)

Таблица 4. Группы курганов и половозрастная структура кочевников (по материалам всей совокупности погребений)

пол/возраст	кол-во / %	I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа
Ребенок	70 (100%)	41 (58,6%)	27 (38,6%)	1 (1,4%)	0 (0%)	1 (1,4%)
Женщина	107 (100%)	15 (14%)	70 (65,4%)	13 (12,1%)	3 (2,8%)	5 (4,7%)
Мужчина	123 (100%)	19 (15,4%)	71 (57,7%)	22 (17,9%)	5 (4,1%)	6 (4,9%)
Infant	32 (100%)	22 (68,7%)	10 (31,3%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Infant 1	19 (100%)	9 (47,4%)	9 (47,4%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (5,2%)
Infant 2	19 (100%)	10 (52,6%)	8 (42,1%)	1 (5,3%)	0 (0%)	0 (0%)
Juvenis Ж	4 (100%)	1 (25%)	2 (50%)	1 (25%)	0 (0%)	0 (0%)
Juvenis М	1 (100%)	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)

Adultus Ж	85 (100%)	11 (12,9%)	60 (70,6%)	9 (10,6%)	1 (1,2%)	4 (4,7%)
Adultus M	75 (100%)	9 (12%)	46 (61,3%)	12 (16%)	3 (4%)	5 (6,7%)
Maturus Ж	15 (100%)	3 (20%)	9 (60%)	2 (13,3%)	1 (6,7%)	0 (0%)
Maturus M	36 (100%)	8 (22,2%)	20 (55,55%)	6 (16,7%)	1 (2,8%)	1 (2,8%)
Senilis Ж	3 (100%)	1 (33,4%)	0 (0%)	1 (33,3%)	1 (33,3%)	0 (0%)
Senilis M	11 (100%)	1 (9,1%)	5 (45,4%)	4 (36,4%)	0 (0%)	1 (9,1%)

Второй этап исследования связан с процессом моделирования социальной организации. В философии науки «моделирование» рассматривается как метод исследования определенных объектов путем воспроизведения их характеристик на другом объекте — на модели, которая представляет собой аналог оригинала того или иного фрагмента действительности (вещественного или мыслительного). При этом между моделью и оригиналом должно существовать известное сходство (отношение подобия), заключенного в физических характеристиках, функциях, в поведении изучаемого объекта и его математическом описании, структуре и т.д. Указанное обстоятельство дает все основания переносить информацию, полученную в результате такого методического приема, с модели на оригинал (Кохановский 1999: 276–277). Формы моделирования весьма разнообразны и зависят от сферы его применения (Бирюков 1989: 373–374).

Под моделью (или теоретической схемой) следует понимать абстрактные заместители реальных системных объектов, в которых образующими элементами выступают абстракции, моделирующие и замещающие реальные объекты. Сама такая структура, с одной стороны, может рассматриваться как инвариантное содержание эмпирических схем, а с другой, как модель, обобщающая наиболее существенные черты социальной действительности. Более того, модели могут выступать как системно-структурное изображение изучаемой исторической действительности отдельных социумов различных исторических периодов (Генинг 1989: 148–151). При этом любая указанного типа структура, рассматриваемая как аналог какого-то процесса, явления и т.п., должна отвечать двум основным условиям. Во-первых, ей нужно быть адекватной моделируемому процессу на уровне использования именно того формального знакового аппарата, в котором сделано описание исследуемого объекта. Во-вторых, ей необходимо включать в себя такие переменные величины (параметры), которые соответствуют аналогичным показателям в объекте моделирования (Черносвитов 1989: 30). В археологии можно выделить два основных типа моделей: имитативная и теоретическая. В первом случае создание модели осуществляется за счет обобщения известного эмпирического материала, а во втором — путем создания определенной абстрактной конструкции, построенной на конкретных логических основаниях (Черносвитов 1991: 6).

Важно отметить, что при использовании метода теоретического моделирования следует стремиться к тому, чтобы «... искомые социальные характеристики (параметры) выглядели как мера, в которой возможно выделить качественные и количественные показатели (параметры)» (Генинг 1989: 247). В конечном итоге, после всестороннего анализа материалов (систематизация, статистическая обработка и т.д.) и ввода соответствующих корреляционных принципов, выделяются группы, различающиеся по количественным и качественным показателям. Такие группы,

в свою очередь, можно интерпретировать согласно заданным при моделировании социальным идеям: каждая группа отражает определенную социальную совокупность людей в структуре общества (Генинг 1989: 247). Следует также особо обратить внимание на то, что полученные социальные модели (в данном случае, погребений) представляют собой сочетание признаков, несущих информацию не только о социальном статусе, но и об этнокультурной принадлежности, обстоятельствах смерти умерших, религиозно-мифологической концепции и т.д. (Ольховский 1995: 96). Поэтому при анализе таких теоретических моделей необходимо использовать корректирующие принципы, позволяющие отделить социальный аспект от всех остальных. Это процедура как раз и осуществляется с учетом указанных выше методологических и методических разработок при реконструкции «гипотетической» общественной структуры конкретного социокультурного или этнического объединения.

Для моделирования социальных типов погребений скотоводов Горного Алтая VI–II вв. до н.э. были отобраны и соотнесены ведущие признаки погребального обряда, которые предварительно анализировались на разных уровнях. Такая корреляция позволила выявить наиболее устойчивые связи, хотя и с известной долей вариабельности, между следующими показателями: масштабность погребального сооружения по пятичленной градации, особенности погребальной камеры, наличие или отсутствие сопроводительного захоронения лошади, характер инвентаря.

Первоначально рассмотрена взаимосвязь указанных особенностей по материялам одиночных захоронений представителей каждой из возрастных групп, среди которых доля неграбленных могил достаточно высока. После этого анализировалась вся база данных.

В результате моделирования были получены следующие социально-типологические модели погребений: 5 — детских (включая подростков), 8 — женских и 8 — мужских (Дашковский 2002, 2003; Тишкин, Дашковский 2003: приложение IV). Проведенное моделирование дало возможность установить динамику погребального обряда, обусловленную спецификой социально-экономического развития кочевников Горного Алтая пазырыкского времени. Выделенные социально-типологические модели погребений позволяют говорить о достаточно высокой степени иерархичности «пазырыкского» общества, охватывавшей половозрастную, социальную, имущественную и другие структуры, что вполне согласуется с уровнем развития других кочевых объединений Евразии скифского времени.

Третий этап исследования связан с реконструкцией социальной организации кочевников на основе соотнесения археологических, письменных, этнографических и других источников. Ниже представлены характеристики, основанные на изучении двух отличающихся археологических культур, которые соотносятся с разными периодами существования и развития населения Горного Алтая.

Социальная структура кочевников в раннескифское время. Следует указать, что проблема реконструкции общественной организации конца IX — 2–3-й четверти VI вв. до н.э. остается открытой. Это связано с тем, что культура этого периода (бийкенская) выделена только во 2-й половине 1990-х гг. (Тишкин 1996а–б, 2003; Кирюшин, Тишкин 1997, 1999), хотя отдельные ее памятники были известны раньше. Кроме этого, значительное количество погребальных объектов еще в древности было разрушено (ограблено или осквернено). Имеющиеся материалы позволяют в

настоящее время сделать только предварительные заключения относительно социального устройства «бийкенцев» (Тишкин 1997; Тишкин, Дашковский 1997, 2003).

Одна из главных особенностей кочевого социума в раннескифский период заключалась в слабой его дифференциации. Основной массой людей были рядовые представители отдельных территориально-локальных групп, в которых разделения имели, в основном, половозрастной характер. Несмотря на то, что плохая сохранность погребений и ряд других причин не позволяют в нужном объеме исследовать эти стороны человеческих отношений, тем не менее, можно указать на следующие факты. Во-первых, для раннескифского времени, как и для других периодов истории кочевников, была характерна довольно высокая смертность. Во-вторых, среди погребенных женщин представлены все возрастные группы от 20 до 50 лет. Важность этого показателя заключается еще и в том, что женский скелет достаточно часто находился в кургане, где была захоронена и лошадь. Имеющиеся данные позволяют считать, что женщины наравне с мужчинами участвовали в ведении хозяйства, а, может быть, в определенные моменты жизни, когда «сильная половина» отсутствовала (военные действия, охота и другие мероприятия масштабного характера), именно им вместе с подростками приходилось нести груз ответственности за содержание скота и охрану своей территории. В-третьих, точно зафиксированных умерших мужчин было существенно меньше, чем женщин. Это, возможно, объясняется дальними военными походами, в которых принимали участие кочевники. Свидетельством этого еще могут являться многочисленные кенотафы, сооруженные, вероятнее всего, для воинов, погибших вдали от мест постоянного проживания. Косвенно подобный вывод подтверждается немногочисленными находками предметов вооружения в памятниках раннескифского времени. Это же предполагает достаточно мирное проживание людей на территории Горного Алтая в указанный период (Тишкин, Дашковский 1997: 115; Кирюшин, Тишкин, 1997). Какая-то часть «пустых» захоронений, фиксируемых как кенотафы (Тишкин, Грушин 1997), могут свидетельствовать и о захоронениях детей младенческого возраста (при высокой детской смертности), скелеты которых ввиду размещения погребальной камеры на уровне древнего горизонта или рядом с ним просто не сохранились. В принципе, определить было ли захоронение человека или не было можно методом фосфатного анализа (Авдусин 1980: 133–134), но такая исследовательская практика при изучении погребальных памятников раннескифского времени Горного Алтая не использовалась.

На основании интерпретации порядка расположения курганов на могильном поле и детальном изучении погребальных сооружений выявлены разные признаки существования и жизнедеятельности отдельных территориально-локальных групп: семейно-родственных коллективов (общин), родов или больших патриархальных семей. Этот же подход позволил зафиксировать для раннескифского времени Горного Алтая айльную планировку стойбищ, характерную при кочевом и полукочевом образе жизни людей, связанных родственными (семейными) узами, а также дал возможность предположить использование переносных жилищ. Среди исследованных погребальных сооружений на могильниках бийкенской культуры, как правило, с юго-западной стороны микроцепочки выделяются объекты, в которых можно усматривать захоронения глав (старейшин) родов и семей. Эти люди играли существенную роль в организации жизни людей и имели определенное положение в обществе (Тишкин 1997: 94–95).

Вероятно, что в рассматриваемый период на территории Горного Алтая существовали какие-то крупные объединения уже отмеченных групп населения с определенной системой разграничения власти. Это предположение основано на наличии в раннескифское время так называемых «царских» курганов, обнаруженных и исследованных на сопредельных территориях, например, в Туве и Казахстане. Подобные объекты имеются и в Горном Алтае, но они еще не раскапывались. Изучение этих захоронений позволит наполнить конкретным содержанием сведения о социальной структуре общества и о статусе погребенных в больших курганах. Следует указать на один лишь пример исследования «элитного» погребального комплекса бийкенской культуры. На высокогорном плато Укок раскопан курган, имевший характерную для раннескифского периода плоскую насыпь диаметром 27 м, внутри которой выделялась круглая ограда, а сверху была установлена небольшая каменная стена. Погребальная камера в виде четырехугольной ограды, сооруженной на уровне древнего горизонта, содержала захоронения людей и лошадей в разных половинах. Там же найден характерный предметный комплекс VIII–VII вв. до н.э. Рядом с курганом зафиксировано два ряда небольших каменных стел (13 «оленных» камней с восточной стороны и 7 — с западной) (Полосьмак 1993).

Таким образом, социальная организация кочевников Горного Алтая в раннескифский период пока характеризуется слабой структурированностью. В основе горизонтальной проекции общества лежала половозрастная дифференциация. В вертикальной же иерархии наметилось деление, прежде всего, по имущественному положению членов коллектива. Об этом свидетельствует факт наличия или отсутствия сопроводительных захоронений лошадей. В политическом отношении кочевники, вероятно, представляли собой племенное объединение без ярко выраженной верховной власти, хотя тенденция к ее оформлению уже стала обозначаться, о чем свидетельствуют «царские» и «элитные» курганы.

Социальная структура кочевников в пазырыкское время. Теперь рассмотрим социально-политическую организацию кочевников Горного Алтая в следующий период. При этом сначала целесообразно дать характеристику горизонтальной проекции пазырыкского социального пространства (физико-генетическая структура), а затем рассмотреть особенности вертикальной иерархии через анализ имущественных, профессиональных, социальных и иных различий кочевого общества.

Половозрастная структура и семейные отношения. Проведенный анализ курганов пазырыкского времени позволят сделать вывод о существовании у кочевников четырех основных ступеней: детство, юность, зрелость и старость (Дашковский 2002). Такая физико-генетическая стратификация выявлена у многих народов Евразии древности и средневековья (Чочиев 1985, 1996; Троицкая, Бородовский 1994: 78–81; Горяев 1997; Фролов 2001: 96–99; Матвеева 2000: 249; Михайлов 2001: 100–125; и др.). При этом время инициаций у кочевников Горного Алтая VI–II вв. до н.э., вероятнее всего, наступало для детей, достигших 12–17 лет (или более узко 12–15 лет). На этот период приходится наступление половой зрелости как у девушек (в интервале с 12 до 17 лет), так и у юношей (с 15 лет) (Козлов 1969: 111). Именно у умерших людей старше этого возраста отмечены достаточно стабильные и устоявшиеся черты погребального обряда пазырыкской культуры. Судя по всему, индикаторами погребенных, прошедших обряды инициации, могут выступать следующие предметы: у мужчин — это металлические модели кинжалов, чеканов и деревянные щиты, а у женщин — специфичный набор предметов женского туалета, связанный с прической и головным убором (накосник,

шпилька, эгрета). Кроме того, дополнительным маркирующим признаком таких погребенных служат особенности поясной фурнитуры. Особая социальная и мифологическая роль пояса хорошо известна в кочевых культурах (Хазанов, Шкурко 1976; Акишев 1978: 58; Добжанский 1990: 20–80).

Результаты изучения женских погребений пазырыкской культуры показали, что наибольшей социальной активностью представители этого пола обладали в возрасте 20–35 лет. Именно для этой категории людей отмечены социально значимые элементы погребального обряда и инвентаря. После 35 лет социальная значимость женщин постепенно уменьшалась, а к концу жизни сокращалась довольно существенно. Об этом свидетельствуют мало репрезентативные, да к тому же немногочисленные (что обусловлено повышенной женской смертностью после 35 лет) погребения старых женщин. Роль представительниц «слабого пола» в структуре «пазырыкского» социума уже рассматривалась в отдельных работах (Полосьмак 2001: 274–287), поэтому, основываясь на всей совокупности источников, можно сделать вывод о достаточно высоком положении женщин, которые были вовлечены практически во все сферы функционирования общества, за исключением, вероятно, военных.

Среди мужчин наибольшая социальная мобильность характерна для представителей возмужалого и зрелого возраста. Причем, судя по характеру сопроводительного инвентаря и особенностям погребальных сооружений, прослеживается тенденция к некоторому преобладанию в общественной жизни мужчин возмужалого возраста. Имеющиеся материалы о погребениях мужчин преклонного возраста свидетельствуют о некотором уменьшении социальной значимости этой группы, хотя о полном прекращении ими деятельности, во всяком случае отдельных ее представителей (см, например, погребение из кургана 1 могильника Шибе), говорить вряд ли правомерно. Низкий процент людей старческого возраста (мужчин — 4%, женщин — 1%), скорее всего, связан с естественными демографическими процессами в этот период времени.

Рассмотренные данные позволяют сделать вывод об определенном социальном приоритете мужчин возмужалого и зрелого возраста. Достаточно высокую роль в обществе играли женщины 20–35 лет. Существенно ограниченной социальной значимостью обладали дети младшего и старшего возраста, а также подростки до того момента, пока успешно не проходили обряд инициаций и не становились полноправными членами коллектива. Реальное место номада в половозрастной структуре обусловлено его личными физико-генетическими данными, а также особенностями социокультурного развития общества в целом.

Материалы погребального обряда и особенности планиграфии могильников пазырыкской культуры позволяют сделать некоторые заключения о характере семейных и родственных отношений у кочевников.

Большинство исследователей указывают на семейно-родовой характер «цепочек» пазырыкских курганов (Кубарев 1991: 25; Марсадалов 2000а–б; Васютин 1999: 33–34; и др.). Некрополи, состоящие из двух или более таких групп, вероятно, оставлены несколькими родственными общинами или кланами (Суразаков 1992: 53). При этом замечено, что ряд курганов, сооруженных в начале могильника, зачастую включал парные погребения мужчины и женщины, которые являлись мужем и женой, а также главами больших семей (Кубарев 1991: 38). Совместные погребения мужчин и женщин составляют порядка 53% от общего числа парных погребений. Возрастной состав женщин варьирует от юного до пожилого. Мужчины, похоро-

ненные вместе с женщинами, как правило, возмужалого или зрелого возраста. Судя по всему, в парных погребениях действительно были похоронены муж и жена, хотя в отдельных случаях вместо жены (например, в случае ее ранней смерти) могла быть погребена наложница.

Характер семейных отношений у «пазырыкцев» реконструировать очень сложно из-за отсутствия прямых письменных источников. Определенной компенсацией в данном случае могут стать палеогенетические исследования, которые в последние годы начали проводиться достаточно активно (Овчинников, Друзина, Овчинникова и др. 2000: 222–223; Воевода, Ситникова, Ромащенко 2000: 318; Воевода, Ромащенко, Ситникова и др. 2000: 88–94; Самашев, Фаизов, Базарбаева 2001: 22; и др.). Заслуживающие внимание данные были получены казахскими учеными при молекулярно-генетическом анализе мужского и женского скелетов из кургана №11 могильника Берель. По мнению Н.А. Айтхожиной и Е.К. Людвиковой, там были похоронены персоны, имевшие кровнородственные связи, — мать и сын. При этом женское захоронение, возможно, было совершено несколько позже, чем мужское. Возраст мужчины предварительно установлен антропологами в 30–40 лет (Самашев, Фаизов, Базарбаева 2001: 22). Интересно отметить, что, например, китайские письменные источники фиксируют у многих кочевых народов традиции левирата. В частности, характеризуя семейные отношения хунну, ханьский летописец отмечал, что «...по смерти отца и братьев берут за себя жен их из опасности, чтоб не пресекался род, и посему хотя есть кровосмешение у хуннов, но роды не прекращаются» (Бичурин 1998: 59). Аналогичные сведения приводятся и о тюрках: «...по смерти отца, старших братьев и дядей по отцу женятся на мачехах, невестках и тетках» (Бичурин 1998: 234). Не исключено, что аналогичная практика в той или иной степени существовала уже в скифское время, в том числе и у «пазырыкцев», особенно среди высших социальных групп номадов. Примечательно, что мужчины и женщины из кургана №11 могильника Берель могут быть отнесены к элите общества, о чем свидетельствуют различные особенности погребального обряда.

Производственная деятельность. Основными формами производственной деятельности у номадов были хозяйственная и «ремесленная». Важно отметить, что у скотоводческих народов в определенной степени существовало разделение на мужской (война, выпас скота, охота) и женский (домашнее хозяйство) труд, хотя в случае необходимости (участие мужчин в войнах или грабительских набегах), скот могли пасти подростки или женщины. В целом же для кочевых обществ была характерна недифференцированность экономической специализации (Крадин 1996: 21). Между тем, многообразие направлений производственной деятельности кочевников Горного Алтая пазырыкского времени позволяет остановиться на отдельных ее видах более подробно. Коснемся прежде всего вопросов, связанных с хозяйством «пазырыкцев», которое целесообразно рассматривать с привлечением материалов не только VI–II вв. до н.э., но и предыдущего времени (Тишкин 1996в; Тишкин, Дашковский 1998б: 581–591).

Надо отметить, что в конце эпохи бронзы под влиянием естественно-географических, социально-экономических и исторических причин многие народы стали переходить к новой форме производящего хозяйства — экстенсивному скотоводству (Таиров 1993: 3), осваивая при этом значительные пространства степей, полупустынь и пустынь. В разных регионах (или культурно-исторических областях) формировался свой особенный вариант комплексного хозяйствования,

основанный на подвижном образе жизни людей и передвижении скота в целях рационального использования в течение года наиболее удобных пастбищ, а также на занятиях охотой, рыболовством, собирательством и другими видами деятельности. В Горном Алтае, начиная с IX в. до н.э., стал складываться тип хозяйства, который можно обозначить как яйлажно-горнодолинный, характерный для районов Тувы, Тянь-Шаня, Памира. Его основу составляло скотоводство, приспособленное к конкретным условиям гор и горных долин (Мартынов 1986: 11–14). При этом значительное место в подвижном образе жизни и хозяйстве как «бийкенцев», так и «пазырыкцев» занимала лошадь (Тишкин, Дашковский 1998б: 582–583).

В целом, на основе всего круга источников, можно сделать вывод, что в хозяйственную деятельность в «пазырыкском» обществе в той или иной степени были вовлечены представители разных половозрастных групп (включая детей-подростков). Косвенным, своего рода символическим подтверждением этого, может являться факт наличия «мясной пищи» в виде кусков баранины (реже конины) и металлических ножей в большинстве погребений детей, женщин и мужчин (от 50 до 70%). Кроме того, часто представителей указанных половозрастных групп в погребениях сопровождали захоронения коней. Это свидетельствует как о социальном и имущественном положении людей, так и о характере занятости их в производственной и других видах деятельности. Освобождение от участия в физическом труде могло, вероятно, существовать только в виде исключения из общего правила, например, для лиц, занятых управленческой деятельностью (Крадин 1996: 21). При этом конкретное распределение обязанностей в хозяйственно-трудовой сфере могло варьироваться внутри общества в зависимости от культурно-исторической ситуации (военные действия, эпидемии и т.д.).

Если особенности хозяйства и степень занятости в этом процессе каждой половозрастной группы «пазырыкского» общества реконструируются достаточно хорошо, то гораздо сложнее обстоит дело с выявлением людей, занимавшихся тем или иным видом ремесленной деятельности, поскольку орудия труда, кроме металлических ножей, встречаются крайне редко. Поэтому необходимо обратиться к более широкому кругу источников, включая как традиционные письменные, лингвистические и этнографические данные, так и результаты естественнонаучных анализов различных предметов из пазырыкских курганов.

Обратить внимание на сведения Геродота, в которых характеризуется общественная и хозяйственная деятельность скифов и народов, близких им в развитии. «...меньше всех ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслом... напротив считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело» (Геродот, II: 167). То же очевидно можно сказать о кочевниках более позднего времени, в частности, турки-тугю считали за славу «... умереть на войне, за стыд — кончить жизнь от болезни» (Бичурин 1998: 235).

Не менее примечательные данные приводит Н.М. Пржевальский о монголах XIX в. «Промышленность у них самая ничтожная и ограничивается только выделкой некоторых предметов, необходимых в домашнем быту, как то: кож, войлоков, седел, узд, луков; изредка приготавливают огнива и ножи» (цит. по: Крадин 1996: 21). Аналогичная ситуация характерна и для других народов Азии (Антипина 1962; Масанов 1969; Кармышева 1998: 289–296; Васильева 1998: 276–288; и др.).

Учитывая имеющиеся материалы по пазырыкской культуре, а также исследования и разработки по данной проблеме, можно согласиться с общим выводом ученых о том, что во многих обществах скотоводов ремесло так и не выделилось в специализированную экономическую подсистему. Это объясняется тем, что фактически каждый кочевник или семья были в состоянии изготовить самостоятельно основные предметы утвари и обихода. В тех же случаях, где фиксируется выделение ремесла в отдельный вид деятельности, наблюдается существенное его отличие от аналогичного производства земледельческо-городских народов, что обусловлено, прежде всего, подвижным образом жизни номадов (Крадин 1996: 21). Подтверждением является и то, что долгое время в индоевропейских и, в частности, индоиранских языках, отсутствовали или существовали в небольшом количестве термины, обозначающие конкретные виды ремесленной деятельности (металлургия, гончарство и др.) (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 687–738). Имеющиеся данные, судя по всему, не позволяют говорить о выделении у «пазырыкцев» ремесла в самостоятельный вид деятельности, поскольку данный процесс практически никак не прослеживается по погребальному обряду, не говоря уже о других источниках. В то же время, результаты комплексных исследований последних лет, особенно по обработке материалов из курганов VI–II вв. до н.э. плато Укок, позволяют выделить несколько основных направлений производства, получивших значительное развитие у кочевников: металлургия и металлообработка (Кундо, Щербаков, Рослякова 2000: 176–187), изготовление керамической посуды (Молодин, Ламина 2000: 140–143; Степанова 2000: 18–20; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; и др.), шерстяных, полотняных тканей и пошив из нее одежды (Глушкова 1994: 114–121; 2000: 158–161), косторезное дело (Бородовский 1997: 121–129; 2000: 144–157 и др.). Особо следует указать на достаточно высокий уровень развития различных видов деревообрабатывающего производства: от строительства погребальных камер до декоративно-прикладного творчества (Мыльников 1999, 2000).

Важно отметить, что многие из указанных видов производственной деятельности в той или иной форме существовали уже у «бийкенских» племен в конце IX — 2–3-й четверти VI вв. до н.э. (Кирюшин, Тишкин 1997: 105–110). В пазырыкское время эти направления получили новое количественное и качественное развитие.

Таким образом, рассмотренная совокупность источников позволяет сделать вывод о том, что в основе развития хозяйственной и ремесленной деятельности номадов Горного Алтая лежало домашнее производство — особая форма промышленного труда (Колчин, Сайко 1981: 24), основывавшаяся на переработке материалов и сырья в том хозяйстве, которое их и добывает (Гаврилюк 1989: 3). В то же время у «пазырыкцев», вероятно, наметилась тенденция к преобразованию отдельных производств в самостоятельные специализированные виды деятельности. Однако окончательного формирования ремесла, как формы производства, у них, судя по всему, не произошло, что обусловлено особенностями культурно-исторического развития изучаемого периода. Сходные процессы можно проследить у других народов Евразии скифского времени (Мартынов, Алексеев 1986: 78–86; Троицкая, Бородовский 1994: 53–70; Калоев 1999: 18–19; Матвеева 2000: 190; и др.), хотя отдельные исследователи зачастую склонны к преувеличению уровня развития ремесла у скотоводческих обществ.

Военная деятельность. Особое место военного дела в кочевых обществах древности и средневековья признается практически всеми учеными (Хара-Даван 1992: 86–117; Крадин 1992: 182–183; Гумилев 1993а–б; Худяков 1997: 9–11; и др.). Теоретически, а часто и практически, участвовать в военных действиях могла подавляющая часть мужчин-номадов, поскольку для обеспечения минимального уровня хозяйственной стабильности требовалось не более 4–5% населения. К тому же, во время военных походов или набегов, хозяйственная деятельность (например, по выпасу скота) могла полностью возлагаться на женщин и детей старшего возраста — подростков (Крадин 1991: 304).

Частые военные действия и развитие воинского искусства, безусловно, сказывались на развитии социальных отношений кочевников. Не являлось в данном случае исключением и «пазырыкское» общество. Многогранность военной деятельности номадов Горного Алтая требует отдельного всестороннего исследования и отчасти работа в этом направлении ведется (Кочеев 1990; 1997а–б; 1998а–б, 1999; Антонова, Худяков 1999; и др.). Поэтому в данном случае укажем только на общие тенденции в данном процессе. Прежде всего, имеющиеся материалы по погребальному обряду свидетельствуют о достаточно высокой степени милитаризации социума «пазырыкцев». Это, во-первых, демонстрирует высокий процент (до 70%) наличия тех или иных видов оружия (преимущественно в форме их металлических или, гораздо реже, деревянных копий) среди мужских погребений. При этом у наиболее социально активной возрастной группы у возмужалых мужчин данный показатель еще больше — 73%.

Как уже отмечалось, начиная с эпохи бронзы, оружие, наряду со своей основной функцией, стало выполнять знаковую роль, что проявлялось, в частности, в разных материалах и технике изготовления таких предметов (Худяков 1997а: 63). Поэтому низкий процент (12,5%) деревянных имитаций различных категорий вооружения (чекан, кинжал, стрелы) среди мужчин зрелого возраста и полное отсутствие таких предметов у представителей пожилой возрастной группы свидетельствуют, вероятно, об особой военной значимости данной категории лиц, которые к тому же, судя по всему, обладали и значительным социальным положением. Во-вторых, о высокой степени военной активности свидетельствует то, что из 7–8% всех кенотафов 5–6% мужские, при этом подавляющая часть их приходится на периоды важных исторических событий. В-третьих, выделенные социально-типологические модели погребений показывают, что у «пазырыкцев» существовала определенная воинская иерархия, что нашло отражение и в конкретных элементах погребального обряда (сложность и масштабность погребального сооружения, наличие или отсутствие сопроводительных захоронений лошадей, количество и состав предметов вооружения) (Дашковский 2002). Безусловно, высшая военная власть сосредотачивалась в руках «вождей» союза и отдельных племен. Непосредственное управление воинскими «подразделениями» во время кампании осуществляла родовая (высшая) военная аристократия. Обычно в эти группы входили люди или даже целые рода непосредственно связанные «по крови» и «по происхождению» родственными узами с «вождями», что хорошо фиксируется по письменным источникам у хунну, тюрков, кыргызов, уйгуров, монголов и у ряда других народов (Владимирцов 1934: 71–78; Кляшторный, Савинов 1994: 68–69; Крадин 1996: 73–78; и др.). При этом, внутри аристократии зачастую существовало определенное деление, например, в зависимости от степени родства с «вождем»-правителем. Обязанности и возможности

представителей первых двух социальных групп, вероятно, были наследственными, поэтому в количественном отношении состав аристократии был достаточно гомогенным, поскольку пополнялся преимущественно в ходе естественного прироста. Правда, в ряде случаев не стоит исключать пополнения аристократии за счет браков с «командующими» дружинными подразделениями, с представителями служилой знати (например, сотник), которые проявили себя как искусными военачальниками, административными деятелями, дипломатами и т.д.

Следующее звено в военной организации составляла дружина и служилая знать, при этом последняя социальная группа в законченном виде начинает фиксироваться у номадов с гунно-сарматского времени.

Проблемой выделения дружинников или воинов-профессионалов занимался В.А. Кочеев (1989, 1990, 1997, 1998а–б и др.). При этом исследователь при изучении воинской иерархии исходил исключительно из состава предметов вооружения кочевников, что хорошо фиксируется по материалам погребений. Однако данная точка зрения представляется несколько односторонней, поскольку более правомерным, очевидно, можно считать выводы, основанные на анализе всей совокупности признаков погребального обряда номадов. Именно такой подход позволил получить дополнительные свидетельства о существовании определенной иерархии среди «пазырыкских» воинов. На это, кроме категорий вооружения, дополнительно указывают особенности погребальных сооружений (масштаб, конструкция) и наличие сопроводительных конских захоронений. Зафиксированные особенности погребального обряда в ряде мужских погребений позволяют более объективно говорить о процессе сложения у скотоводов Горного Алтая в пазырыкское время особой группы воинов-профессионалов, которых можно считать привилегированным воинским подразделением, особо приближенным к «вождю».

Судя по имеющимся материалам, внутри дружины также существовало деление на отдельные подгруппы (как, например, в эпоху средневековья у монголов — десятник, сотник и т.д. (Хара-Даван 1992: 87–98)). Достаточно хорошо выделяются в одном случае группы погребений мужчин-воинов с оружием в срубах или каменных ящиках, внутри которых установлены деревянные ложа, а также реализовано сопроводительное захоронение лошадей (от 1 до 3 особей). В другом — зафиксировано отсутствие такого показателя. Третью совокупность пазырыкских курганов составляют погребения в срубах, каменных ящиках, рамах без дополнительных конструкций (ложе), но с сопроводительными захоронениями коней. При этом доля курганов первой и второй группы значительно меньше, что дополнительно свидетельствует об особом положении умерших, похороненных в таких объектах. Возможно, погребенные на деревянном ложе в срубе или каменном ящике в сопровождении лошадей являлись военачальниками (хотя и не в строгом смысле этого слова) отдельных дружинных подразделений или всей дружины (ср.: у хунну и у других народов «высшая» и «низшая» дружины (Крадин 1996: 82)).

При этом дружинники, судя по всему, были преимущественно конными воинами, о чем и свидетельствует наличие сопроводительных захоронений лошадей. Отсутствие в единичных случаях последнего элемента погребального обряда в мужских воинских погребениях с внутримогильной конструкцией в виде ложа и сруба или каменного ящика, можно объяснить, например, внезапным ухудшением материального положения умершего человека (джуг, военные набеги врагов и т.д.), хотя не стоит исключать другие варианты.

Надо отметить, что дружины существовали во многих социумах Евразии в древности и средневековье: у скифов, хунну, «саглынцеv», тюрок, уйгуров, казар, монголов и многих других (Хазанов 1975: 185–187; Грач 1980: 46–48; Владимирцов 1934: 87–96; Худяков 1986: 178; Плетнева 1981: 103; и др.). Сходные тенденции выявлены не только у скотоводческих обществ, но и у народов с комплексным хозяйством, например, у «тагарцев» (Кулемзин 1980: 166). Важно подчеркнуть, что формирование дружины, как правило, происходило вне традиционных кланово-племенных отношений, а на основе личных связей между воинами и предводителями. При этом в состав дружины могли входить, как представители элиты, так и более низших социальных групп, включая отдельных выходцев из низов общества (Крадин 1996: 81–82; Владимирцов 1934: 88–91; Кляшторный, Савинов 1994: 68–73).

Наконец, низшее звено в военной иерархии занимали все остальные соплеменники. Интересно привести для сопоставления сведения Сыма Цяня о простых рядовых кочевниках хунну: «Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец... Мальчики умеют ездить верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых затем употребляют в пищу; все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными ратниками... в мирное время все следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений» (цит. по: Крадин 1996: 86). Аналогичные данные приводятся в другом месте «Исторических записок»: «...хунны, ...обыкновенно... в свободное время упражняются в конном стрелянии из лука, а во время приволья веселятся и ни о чем не заботятся» (Бичурин 1998: 8–59).

По всей видимости «пазырыкцы», вероятно, как хунну и многие другие кочевые скотоводческие народы, в мирное время занимались хозяйством, а во время военных кампаний вливались в общеплеменное войско (или войско союза племен и т.п.). Надо отметить, что среди данной группы у номадов Горного Алтая, возможно, также были отдельные представители, для которых война становилась одним из основных направлений деятельности. Об этом, например, свидетельствует захоронение воина-профессионала в каменном ящике в кургане №5 могильника Уландрык-1 с полным комплектом вооружения, включая щит, на который был уложен умерший (Кубарев 1987: 212).

Была ли у «пазырыкцев» помимо конницы еще и пехота? Судя по многочисленным источникам, как скифо-сакские племена Евразии, так и кочевники более позднего времени, предпочитали сражаться преимущественно конными (Ариан III: 8.3; Страбон VIII: 1–9; Хара-Даван 1992: 86–117; Крадин 1996: 73–90; и др.). Обычно в роли пеших воинов в кочевых империях средневековья выступали представители зависимых оседло-земледельческих народов. Правда, например, Страбон (VIII: 5) сообщает, что массагеты — «прекрасные наездники и пешие воины». Однако вряд ли это в целом меняет ситуацию. Отсутствие лошадей в 54% могил номадов (если исключить из общей совокупности погребений захоронения «элиты») свидетельствует, скорее всего, о том, что люди не имели достаточного (или оно было ограниченным) материального благополучия, мерилom которого выступали лошади, чтобы похоронить коня вместе с человеком. Впрочем, не исключено, что какая-то часть «пазырыкцев» по тем или иным причинам могла выполнять роль пеших воинов

(ограниченные возможности маневра, нехватка боевых лошадей из-за джута и т.д.), однако данный вопрос, несомненно, нуждается в более детальном изучении.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о достаточно высокой степени милитаризации пазырыкского общества. Фактически все мужское население в той или иной степени могло быть вовлечено в этот процесс. Между тем, явно наметилась тенденция к формированию определенной группы воинов-профессионалов, составляющих дружину (служилую рать) вождя. Однако степень сложения дружинного войска не стоит преувеличивать. Доля погребений, отнесенных предположительно к дружинникам, составляет примерно около 30% от всей совокупности мужских захоронений. Это свидетельствует о какой-то стадии начатого процесса.

Служители культа в социуме номадов. Изучение социального статуса персон, выполняющих функции священнослужителей (жрецов, шаманов и т.п.) в обществе кочевников и сакрализация правителей («вождей»), одна из наиболее сложных и слабо разработанных тем (Дашковский 2001: 316–319). В археологическом отношении это проявляется в трудности обнаружить специфичные ритуальные предметы, которые подтверждали бы не факт их использования в обрядах (поскольку в определенном смысле все вещи из погребений ритуального характера), а подчеркивали бы их сугубо религиозную значимость и принадлежность к атрибутам исключительно священнослужителей. Надо отметить, что категории таких предметов могут быть как универсальными для других культур Евразии скифского времени, так и носить уникальный характер для какого-то конкретного общества. Существование именно такой ситуации можно обнаружить при знакомстве с религиозной практикой скифов, саков, «тагарцев», «саглынцев» и других этнокультурных объединений евразийских степей скифской эпохи (Вадецкая 1996: 46–49; 1999: 108; Матвеева 2000: 190–191; Чугунов 1996: 69–80; Джумабеков 1996: 83–86; и др.)

К числу ритуальных предметов, являющихся маркерами захоронений служителей культа (этот термин нам кажется предпочтительнее понятий «жрец» или «шаман» (Дашковский 2001)) исследователи относят: бронзовые жаровни с камнями, зерна конопли, «шестиноги», каменные алтарики, специфичные зеркала (Сорокин 1978: 184; Могильников 1997: 90; и др.). Кроме состава сопроводительного инвентаря, а также изображений на татуировках, в последние годы археологи стали обращать внимание при выявлении «жреческих» курганов и на планиграфию могильников (Полосьмак 2001а: 279–281). В целом же, ученые, исходя из обозначенных ими критериев, к числу погребений служителей культа относят следующие объекты: курган №2 могильника Пазырык, Каракольский курган, курган №1 могильника Ак-Алаха-III (Шульга 1998; Могильников 1997: 96; Полосьмак 2001: 279–280). Если учитывать все отмеченные выше признаки погребального обряда, а также особенности погребальной конструкции и сопроводительное захоронение лошадей, то в эту группу погребений священнослужителей «пазырыкского» общества, вероятно, можно включить еще два кургана (№2 и 27) могильника Тыткескень-VI (Кирюшин, Степанова, Тишкин 2003).

В результате к специфичным погребениям служителей культа более или менее достоверно можно отнести пять курганов. Данная цифра представляется более чем незначительной, если учесть, что в Горном Алтае исследовано уже свыше 700 курганов пазырыкского времени. Поскольку необходимость в совершении определенных религиозных действий (прежде всего, погребального обряда) была постоянной, то достаточно вероятной представляется ситуация, в которой отправление культовых

функций было возложено (в зависимости от сложности и значимости ритуала) на глав патриархальных семей и кланов. Данное предположение выглядит еще более убедительным, если принять во внимание устоявшееся в науке мнение, что цепочка курганов — это погребения семейно-родственной группы. Могильник, состоящий из двух или нескольких таких цепочек, компактно расположенных в одном месте, принадлежал нескольким родственным общинам (Суразаков 1992: 53; Кубарев 1991: 38; Шульга 1989 и др.). Более того, весьма интересными представляются наблюдения, сделанные В.Д. Кубаревым (1991: 38), при изучении могильников номадов в долине р. Юстыд. Исследователь обратил внимание на то, что в большинстве случаев цепочки курганов открывали парные захоронения мужчин и женщин, которые, вероятно, состояли в браке и являлись главами больших семей. Возможно, именно эта категория людей занималась отправлением религиозных культов, в том числе следила за соблюдением канонов погребального обряда на семейно-родовом уровне.

В то же время, при изучении вопроса о месте и роли служителей культа в «пазырыкском» обществе важно обратить внимание на сложность религиозно-мифологических представлений номадов и их отражение в обрядовых действиях (Полосьмак 2001; Дашковский 2002 и др.). Вполне очевидно предположить, что объем знаний и религиозно-мифологической информации, необходимой для совершения сложных ритуалов, выходил за пределы уровня общего развития глав семейно-родовых групп. Скорее всего, у «пазырыкцев» действительно наметилась тенденция к формированию особой группы служителей культа. «Жречество» как социальный институт существовало преимущественно в обществах, начиная с раннегосударственной формой политического устройства. Номады же Горного Алтая находились только на пути поиска одной из форм такого устройства. Примечательным также является то, что большинство курганов, которые можно связать с погребениями служителей культа («жриц»), не относятся к числу «ранних» памятников пазырыкской культуры. К общей характеристике выше сказанных процессов нужно добавить, что в социуме номадов, скорее всего, верховная религиозная власть сосредотачивалась (во всяком случае формально) у вождя племени или «союза племен». Об этом может, в частности, свидетельствовать парное захоронение мужчины и женщины, с указанной выше религиозной атрибутикой, в кургане №2 могильника Пазырык. Сочетание культово-символических и управленческих функций в лице правителя было весьма распространено в различных государствах Древнего мира, а также в образованиях догосударственного характера (Дашковский 2001: 316–319 и др.).

Зависимое население. Вопрос о наличии в пазырыкском обществе «зависимых людей» — рабов в разное время рассматривался многими исследователями, начиная с С.И. Руденко (1953). Новый импульс для изучения указанной категории людей дали находки человеческих костяков в заполнении могильных ям основных погребений кочевников Горного Алтая пазырыкского времени (Кубарев 1987: 29–30). Прежде чем интерпретировать такие захоронения, следует указать на имеющиеся культурно-исторические выводы по данной проблеме, полученные в современном номадоведении. Большинство ученых пришли практически к однозначному выводу, что рабство в определенной форме всегда было у кочевников, однако ни в одном таком обществе оно не получило существенного распространения (Хазанов 1975: 139–148; Кляшторный 1986; Крадин 1992: 100–111; Кляшторный, Савинов 1994: 74–75; и др.).

Такая ситуация обусловлена целым комплексом причин: низкая потребность в дополнительных рабочих руках и экономическая неэффективность использования «рабов» в скотоводческом хозяйстве; сложности в организации контроля за «зависимыми людьми». У кочевников считалось почетным личное занятие скотоводством (Крадин 1996: 92). В этой связи, наибольшее распространение получило домашнее рабство, основанное преимущественно на использовании женщин в качестве наложниц и в быту (Кляшторный 1986). Письменные источники по кочевым народам упоминают захват женщин и девушек как главную военную добычу. Плененные женщины вписывались в структуру семейных отношений своего господина, а также в систему хозяйственной деятельности и общественного производства (Кляшторный, Савинов 1994: 74; Крадин 1996: 92–95; и др.). Если учесть, что у кочевников доля женщин в повседневном труде была всегда выше степени участия в этом процессе мужчин, то становится вполне понятным экономическая обусловленность захвата в плен именно женщин, а также широко распространенная практика многоженства и левирата (Кляшторный, Савинов 1994: 74).

Выделить погребения женщин-«рабынь» в общей массе погребений пазырыкского времени достаточно сложно. Вероятно, представителей этой категории зачастую могли хоронить в одной погребальной камере с мужчиной (если только его не погребали в одной могиле с женой). Такие захоронения следует искать среди парных (мужчина и женщина), коллективных и других погребений. Хотя, безусловно, не стоит интерпретировать все совместные похороны мужчин и женщин, как «проводы» в иной мир «господина» с «рабыней-наложницей».

Надо отметить, что письменные источники фиксируют, в частности, у хунну, монголов и ряда других кочевых обществ не только женщин-рабынь, но и лиц мужского пола с аналогичным социальным статусом. При этом, как правило, такие люди «становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками — коней рабам не доверяли» (Кляшторный, Савинов 1994: 75). Судя по всему, мужские захоронения в заполнении могильных ям пазырыкских курганов как раз и принадлежали представителям аналогичной социальной группы. При этом исследователи отмечают, что такие же погребения существовали и у «саглынецов» в Туве (Грач 1980: 48; Кубарев 1987: 28). В.Д. Кубарев (1987: 30) заметил, что это могли быть люди из обоих указанных регионов, захваченные во время военных действий и похороненные вместе со своими хозяевами.

Таким образом, имеющиеся археологические данные, а также сведения письменных источников, позволяют сделать вывод о существовании в «пазырыкском» обществе домашней формы рабовладельческих отношений. При этом основную массу зависимых людей составляли женщины. Труд мужчин-рабов использовался в хозяйстве незначительно. Следует отметить еще один момент, касающийся сооружения значительных по трудозатратам курганов кочевников. Какие ресурсы для этого использовались? Не исключено, что наряду с основной массой соплеменников, привлекались военнопленные, выполнявшие самую тяжелую работу.

Управленческая деятельность и проблема политогенеза «пазырыкского» социума. Историография изучения политического устройства кочевников Горного Алтая VI–II вв. до н.э. достаточно подробно рассмотрена (Васютин 1998; Дашковский 2000, 2002; Тишкин, Дашковский 2003 и др.). Общий итог дискуссии по данной проблеме сводится к следующему. Одна группа исследователей считает, что у «пазырыкцев» сложилось раннегосударственное образование. Другая, наоборот, настаивает на

том, что номады находились на уровне военной демократии и незавершенного классовобразования (Васютин 1998). В этой связи, важно обратить внимание на современные теоретические разработки этой темы, подкрепленные существенным культурно-историческим материалом. По мнению некоторых ученых, особенности социокультурной динамики развития «ранних кочевников» не привели в отличие от оседло-земледельческих обществ к сложению внутренних предпосылок (экология, система хозяйствования, демографический оптимум) для возникновения государства. Поэтому кочевые общества в подавляющем большинстве были организованы по иерархическому принципу и представляли собой разные формы (стадии) вожества (Крадин 1991: 304–307, 1993). Среди наиболее типичных черт политических объединений номадов разных исторических периодов можно назвать такие: многоуровневая иерархическая социальная организация; триадный (реже дуальный) принцип деления социальной организации; военно-иерархический характер общественной организации, как правило, по «десятичному» принципу. При этом, если низшие звенья (семья, семейно-родственные группы) основывались на реальных кровнородственных и экономических связях, то высшие уровни социальной организации (племена или их союзы, вожества) объединялись преимущественно в военно-политические структуры (Крадин 1992: 134–143). Отсюда вытекает и высоко милитаризованный характер многих социумов кочевников (Крадин 1993; Кляшторный, Савинов 1994: 66–75).

Имеющаяся вся совокупность источников и современные методологические разработки по политогенезу древних обществ позволяют сделать вывод, что во главе «пазырыкского» общества стояли вожди племен и союза племен (Дашковский 2002). В их руках сосредотачивалась вся верховная военная, религиозная и административная (управленческая) власть.

Имеющие немногочисленные для этого периода письменные свидетельства античных авторов позволяют создать представления о мировоззренческом значении роли правителя в социуме. Так, Геродот (IV, 71) достаточно подробно описывает погребение скифского «царя» отмечая, что после его смерти сооружается погребальная камера, а тело умершего бальзамируется, после чего на повозке совершается прощальный объезд народа, т.е. «подданных». Куда бы ни приезжала эта траурная процессия, скифы всюду выражали свою скорбь и горе. Они намеренно ранили себя, протыкали руки, рвали волосы и плакали. Вероятно, такое аффективное поведение должно было означать не просто горечь утраты, а символизировать одновременно наступление хаоса, мрака, разрушение гармонии социума и всего универсума. Это связано с тем, что уже в скифскую эпоху правитель выступал как олицетворение единства общества. После похорон «царя» символом такого единства кочевников наряду с новым правителем выступал погребальный комплекс. Такие объекты номады часто начинали использовать для проведения сложных ритуальных действий. Показательными в этом отношении являются «царские» курганы могильника Пазырык на Алтае, которые могли неоднократно использоваться как своеобразные камеры-часовни (Савинов 1995–1997). Другим примером является погребально-поминальный комплекс Урочища Балчиново-3 (Шульга 2000; Кирюшин, Шульга, Демин, Тишкин 2001). Аналогичную функциональную направленность и семантическую нагрузку имели, вероятно, Иссыкский курган у саков Казахстана (Акишев, Акишев 1981), Аржан-1,2 у «аржанцев» Тувы (Грязнов, 1980; Боковенко 1988; Марсаолов 1989; Аржан... 2004; Ğugunov, Parzingen, Nagler 2003)

и др. К этому нужно добавить, что погребальный памятник в кочевом обществе рассматривался как своеобразная модель мира (Дашковский 1997; Ольховский 1999; Марсадолов 2000; Мартынов, Герман 2001). В этом случае курган с умершим правителем выступал как своеобразный мировоззренческий центр для всего социокультурного объединения. Поэтому не случайно некоторые исследователи склонны видеть в Пазырыкском некрополе своеобразные сакральные центры кочевого мира (Курочкин 1993), а в погребенных — героизированных и обожествленных «вождей» номадов (Мотов 1998).

Важно также отметить, что на определенном этапе социо- и политогенеза идея власти, олицетворением которой был правитель, гораздо лучше воспринималась через знак (символ), который стимулировал в психике соответствующие переживания и формы поведения (Бочаров 1996: 29). Идея власти могла воплощаться в различных объектах и явлениях, образуя своеобразную «политическую символику» (Попов 1996). Подобным символом, вероятно, могли быть не только отдельные предметы (жезлы, культовые вещи и т.д.), но и весь погребально-поминальный комплекс в силу своей, как отмечено выше, мировоззренческой значимости.

В этой связи примечательны сведения Геродота (IV: 127) о послании скифов персидскому царю Дарию. В нем указывалось на то, что если враг хочет сразиться с кочевниками, то тогда ему надо найти и разрушить могилы их предков. Поэтому разграбление или осквернение «царского» погребения рассматривалось бы как разрушение святыни всего социокультурного объединения. Социально-политическая значимость погребений правителей наряду с их сакральностью становится еще более очевидной, если принять во внимание следующее обстоятельство. Например, на территории Горного Алтая в рамках единого социокультурного объединения «пазырыкцев» существовали отдельные политарные зоны с доминирующим центром (Ануфриев 1997: 110; Васютин 1999: 35; Дашковский 2000: 42). Олицетворением таких зон на мировоззренческом и социальном уровне выступали как раз различные элитные комплексы: Пазырык, Шибе, Кутургунтас, Туэкта, Башадар, Берель, Катанда, Урочище Балчиково-3 (Руденко 1953; 1960; Полосьмак 2001; Сорокин 1969; Самашев, Фаизов, Базарбаева 2001; Кирюшин, Шульга, Демин, Тишкин 2001; Кирюшин, Стапанова, Тишкин, 2003).

Применительно к «пазырыкцам», как и ряду других скотоводческих обществ Евразии скифского времени, например, сакам, вероятно, правомерно говорить об определенной сакрализации «вождя», который мог являться олицетворением единства всего народа и стабильности в мировом порядке. Не случайно саки и скифы после смерти своих «верховных владык» на время инсценировали хаос, разрушение и дисгармонию мира, после чего снова наступал порядок (Акишев К.А., Акишев А.К. 1981: 149). В то же время, говорить о теократическом характере власти у кочевников Горного Алтая, оснований нет.

Закключение. Палеосоциальные реконструкции позволяют сделать вывод о том, что в основе общественной структуры кочевого общества в раннескифский и пазырыкский периоды лежала половозрастная структура, определявшая место номада в зависимости от его физико-генетических показателей. Вертикальная иерархия базировалась на имущественной, социальной, профессиональной и других структурах. В раннескифский период наблюдается слабая дифференцированность указанных социальных систем. В пазырыкское время иерархичность уже достаточно сильно выражена, что отразилось и в погребальном обряде номадов. Элита не только выделилась, но и старалась во всем закрепить свое положение. Кроме

того, именно в пазырыкской культуре стала формироваться такая социальная группа, как служители культа, которые в предшествующий период не выделялись. В отличие от «бийкенцев» для «пазырыкского» общества была характерна высокая степень его милитаризации и отмечен процесс формирования дружины. Имеющиеся разнообразны источники позволяют говорить о сложении у кочевников нескольких типов элит, которые определяли социокультурную динамику. В тоже время, в полной мере консолидация верхушки в виде монолитной структуры и ее дистанцирование от основной части социума не произошло. Это связано с тем, что для кочевых обществ, в принципе, не характерно резкое противостояние элиты и простых кочевников (Крадин 2002: 76). Как справедливо заметил Л.Н. Гумилев (1993: 27): «покорность в степи — понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят их обитатели; в противном случае лишишься и подданных и головы». Поэтому правитель в большинстве случаев стремился балансировать между крайними социальными полюсами своего подвластного общества, тем самым по возможности предотвращая его внутренний распад.

Таким образом, учитывая особенности среды обитания, уровень развития основных видов хозяйственной деятельности, демографическую ситуацию, а также иерархический характер социальной структуры «пазырыкцев», вероятно, можно сделать вывод о том, что кочевники в своем развитии прошли период так называемых сложных вожеств и встали на путь поиска формы раннегосударственного образования. Однако в полной мере процесс сложения государства, судя по всему, не был окончательно завершен. Это обусловлено как особенностями культурно-исторического развития «пазырыкского» общества, так и в целом кочевых народов Центральной Азии скифской эпохи.

В заключение стоит указать на то, что авторы раздела хорошо представляют слабые и сильные стороны приведенных выводов, несмотря на то, что они основаны на многолетних исследованиях с опорой на значительный фактический материал и современные теоретические разработки. Представить полную картину социальной организации «пазырыкцев» чрезвычайно трудно, однако продвинуться в понимании ее в значительной мере удалось. Каждый из обозначенных аспектов в дальнейшем может стать отдельной темой исследования. Сомневающимся или критически настроенным коллегам для понимания сделанного и для конструктивного диалога предлагаем проделать аналогичную работу любого характера, а результаты представить в качестве сравнительного анализа. Перспективой следующего масштабного проекта может стать оценка уровня и динамики социального развития кочевников Евразии и их соседей в древности и средневековье. Для решения этой задачи необходимо привлечь значительное число исследователей из разных регионов, где существует возможность реализации подобных исследований. В какой-то мере в этом издании уже сделан первый шаг в обозначенном направлении.

ГЛАВА 6. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ПОДТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Н.П. Матвеева

Ранный железный век был переломной эпохой в развитии общества, обусловленной введением в производство железа, расширением сферы производящего хозяйства, переходом в аридных зонах к кочевому хозяйству. Эти явления в мировой истории вызвали резонанс и на периферии — в лесостепной и подтаежной зонах, включенных постепенно в орбиту влияния номадов.

Особенности социальных отношений в периферийной зоне цивилизаций Центральной Азии, в частности в среде народов Западной Сибири, остаются недостаточно изученными при наличии широкого круга источников, пригодных для применения наиболее апробированных методик палеоэкономических, палеосоциологических и этногенетических исследований. Поэтому мы поставили цель — представить реконструкцию социальных структур древнего населения лесостепной и подтаежной зон, показать сословно-ранговые группы, профессиональное деления и этнические общности. Эта работа основана на анализе базы данных по погребальным памятникам, с учетом их динамики и локальной специфики.

В качестве источников использованы все опубликованные и большая часть архивных материалов по саргатской культуре: данные о 57 наиболее полно изученных могильниках и 949 погребениях (табл. 1).

*Таблица 1. Могильники саргатской культуры
(нумерация погребений по списку в базе данных)*

ТОБОЛ	БАРАБА	ИРТЫШ
Н-Ингал-1 — 53 (871–875)	Марково-1 — 28 (417–462)	Сидоровка — 22 (309–328)
Гаево-1 — 46 (801–825)	Старый Сад-1 — 34 (529–537)	Исаковка-1 — 43 (696–777)
Гаево-2 — 47 (826–828)	Марково-6, к.1 — 29 (463–466)	Исаковка-2 — 44 (778–780)

Воробьевский-1 — 51 (842–858)	Сопка-2, к.25 — 30 (467–469)	Исаковка-3 — 45 (781–800)
Мысовской — 50 (836–841)	Абрамово-4 — 31 (470–505)	Бешаул-4 — 21 (304–308)
Красногорский-1 — 12 (191–196)	Венгерово-1 — 32 (506–509)	Окунево-2 — 23 (329–338)
Красногорский-2 — 13 (197–201)	Венгерово-7 — 33 (510–528)	Богданово-2 — 38 (617–640)
Ипкуль-ХV — 10 (166–176)	Усть-Тартас — 35 (538–559)	Горная Бития — 36 (561–576)
Прыговский 1 — 52 (859–870)		Карташово-1 — 24 (339–352)
Чечкино-2 — 42 (694–695)		Коконовка-3 — 56 (931–944)
Рафайлово-1 — 16 (215–218)	ИШИМ	Карташово-2 — 25 (353–390)
Нечунаево — 9 (145–165)	Абатский-1 — 3 (59–101)	Стрижево-2 — 41 (655–693)
Шикаевка — 49 (945–948)	Абатский-3 —1 (1–47)	Саратово — 40 (648–654)
Язевский — 57 (949)	Кокуйский-3 — 4 (102–110)	Бешаул-2 — 19 (264–286)
Савиново — 11 (177–190)	Фоминцево —2 (48–58)	Коконовка-1 — 26 (391–409)
Красногорский борок — 14 (202–207)	Борки-2 — 5 (111–112)	Новооболонь —18 (256–263)
Тютрино — 17 (219–255)	Лихачевский —7 (115–138)	Богдановка-1 — 37 (577–616)
	Ирский — 8 (139–144)	Богдановка-3 — 38 (641–647)
	Ак-Тау — 6 (113–114)	Калачевка-1 — 27 (410–416)
	Кош-Карагай — 48 (829–831)	Стрижево-1 — 54 (880–896)
		Коконовка-2 — 55 (897–930)

Изучение явлений общественной жизни древних народов по материалам археологии имеет длительную историю и обширную историографию (см. обзоры: Бишони 1994; Тишкин, Дашковский 2003). И хотя для Западной Сибири подобных исследований не проводилось, вопросы уровня социального развития, дифференциации по статусу, имущественному положению, профессиональным занятиям, а также этнической принадлежности населения лесостепной зоны неоднократно ставились. Несмотря на отсутствие детальной аргументации, интуиция и опыт авторов позволяли им высказывать конкретные суждения по вопросам социо- и этногенеза древних народов Западной Сибири. При этом разброс мнений чрезвычайно велик: от признания социальной стратификации, не зашедшей далее отношений военной демократии (Стоянов 1977; Полосьмак 1987; Матющенко 1991; Могильников 1992а), до установления раннеклассовых отношений (Корякова 1993; Матвеева 1998а) и зарождения государственных образований (Мартынов 1986). Большинство иссле-

дователей отмечали стадияльное сходство основных явлений культуры или конкретную обусловленность социально-экономических явлений в западносибирской лесостепи влиянием кочевников Урала и Казахстана. При этом указывался сходный с номадами (Могильников 1972, 1983; Сальников 1966; Смирнов 1964; Матвеева 1993, 1994а) или более низкий уровень социального развития (Корякова 1988; Чернецов 1953). Автором поставлен вопрос о взаимодействии саргатского мира с цивилизациями Средней Азии посредством регулярной караванной торговли по северным ответвлениям от Великого Шелкового пути (Матвеева 1987: 20, 1993: 163, 1994б, 1997), к обсуждению которого присоединились Л.Н. Корякова (1997), Н.П. Довгалюк (1998: 72) и Л.И. Погодин (1996; 1998: 38).

На основе изучения планиграфии курганов и жилищ Н.П. Матвеевой (1989а: 48) предложена характеристика семьи у саргатского населения как патриархальной и трехпоколенной, принятая В.А. Могильниковым (1992а: 308).

Дискуссия о сословном делении лесостепных обществ раннего железного века была открыта Л.Н. Коряковой (1988: 157), которая, полагая его соответствующим историческому развитию индоариев, экстраполировала трехчленную модель для «саргатцев» с делением на «простой люд», военное сословие в составе «конных воинов» и «пеших лучников», жрецов. Автором данной главы на основе анализа погребальных памятников притобольского локального района была предложена трехсословная структура с делением на рядовых общинников, аристократию и зависимое население (Матвеева 1993). О формировании надэтнической субкультуры знати у саргатского населения высказывались Л.Н. Корякова (1988: 157), Е.М. Данченко (1998) и Л.И. Погодин (1988: 31, 1997). О половозрастной градации саргатского общества вопрос впервые поставлен автором (Матвеева, Буслова, 1988; Матвеева, 1989б).

По проблеме о степени специализации воинской и культовой деятельности у лесостепных племен также ведется полемика следующим образом. Так Л.Н. Корякова (1988: 158) переносит на саргатскую культуру традиционную для сарматоведения идею выполнения жреческих функций женщинами, а Н.П. Матвеева (1996) отрицает наличие «жриц» в саргатском социуме. Больше сходства в позициях исследователей относительно уровня и роли военного дела в социальной жизни лесостепных народов. Специалисты отмечают сарматскую на западе и сакскую на востоке систему вооружения и выделение военных дружин. Причем Л.Н. Корякова (1988: 159) считает, что саргатские племена уступали сарматам в вооружении. Л.И. Погодин (1997) говорит, что они были вооружены на уровне требований своего времени и ориентировались не только на сарматские, но и китайские образцы. Н.П. Матвеевой (1994, 1997) обосновано выделение к III в. до н.э. военных дружин как части элитарного сословия, отразившееся в погребальном обряде среднесаргатского периода. Это положение поддержано Л.И. Погодиным (1997: 121).

Трудны подходы к теме этнической принадлежности населения. В частности, спорными являются вопросы атрибуции западносибирских археологических культур. Например, в литературе утвердилась гипотеза В.Н. Чернецова (1953) о широком расселении прамадьяр в лесостепной зоне, которую разделяли К.В. Сальников (1966), В.А. Могильников (1972, 1983, 1992а: 311), Е.А. Халикова (1976), З.П. Соколова (1975), П. Вереш (1978) и др. Она основана на общеисторических представлениях, но не получила фундированного подтверждения в археологических и антропологических данных. В пользу нее неоднократно высказывалась и Л.Н. Корякова (1977, 1994). Эта гипотеза конкурирует с идеей о полиэтничности

саргатской общности, выдвинутой К.Ф. Смирновым (1964), поддерживаемой В.И. Матющенко (1991) и автором (Матвеева 1991:19, 1995). Такая идея отражена и в ряде работ Л.Н. Коряковой (1988: 168, 1993: 58). Однозначно ираноязычными считает носителей саргатской культуры В.И. Молодин (1995:12).

Таким образом, на сегодняшний день обозначены основные проблемы изучения социальной истории древних обществ Западной Сибири по археологическим материалам.

Методика социологических реконструкций базируется на признании объективности археологических данных и отражении в них социальных связей. Опора на такие источники при изучении социогенеза восходит к следующим посылкам: 1) общественное положение человека полностью находит проявление в поведении членов общины при погребальной церемонии, в овеществленных результатах ее отражаются количество и состав лиц, признающих свою связь с умершим; 2) затраты труда на обеспечение жизнедеятельности членов общины (величина и сложность жилища, его защищенность, уровень питания и благоустройство быта) обнаруживают их статус. Отсюда положение индивидуума может быть определено оценкой доступа его к пище, богатству, комфорту, престижным занятиям и другим факторам общественной жизни.

Поэтому, чтобы охватить все перечисленные аспекты, процедура палеосоциологического исследования должна состоять из четырех этапов исследования: социального анализа погребальных памятников; палеоэкономического анализа материалов поселений; определения этнической принадлежности населения и основ мировоззрения; определения общего уровня развития и характера социальных структур, что нами было проделано в специальной работе (Матвеева, 1998, 2000). Здесь мы остановимся на первой ступени исследования.

Памятники саргатской культуры раннего железного века являются, с одной стороны, весьма перспективными и а priori благодатными для социальных реконструкций в силу больших масштабов курганного строительства, «пышности» обрядов захоронения и многообразия их вариаций. С другой стороны, возникают большие трудности в интерпретации этих материалов по трем главным направлениям: 1) определению общей стадии социального развития; 2) степени соответствия материальных затрат общества на погребения и сакральную деятельность его реальному благосостоянию; 3) хронологической адекватности отражения в археологических памятниках социальной жизни.

Трудноразрешимой проблемой является определение характера социально-экономической структуры мобильных скотоводов (Крадин 1992; 2001). Общества их обычно делят на вождества, сложные вождества и ранние государства. Уловить различия на основе археологических источников чрезвычайно сложно. Показатели политического контроля, централизации, иерархичной военной организации и частых войн проявляются обычно в археологическом материале в скрытой форме.

Доказательство этногенетических связей культур скифского мира породило сначала концепцию скифо-сибирского культурно-исторического единства (Мартынов 1979 и др.), а позднее многогранную дискуссию о «кочевом государстве», «степной цивилизации» (Башилов 1993 и др.). Решение этой проблемы невозможно без учета следующих отличий раннего государства от вождества, которые могут быть выявлены археологически: создание центров накопления и хранения основных продуктов; основание вспомогательных общин для контроля за территориями,

регулирование ремесленного производства и торговли; рост размеров поселений; появление специализированных ремесленных районов; возрастающие затраты на погребальные усыпальницы и инвентарь; дальняя торговля (Дженито 1994). В обществах уровня сложных вожеств эти признаки ранней государственности могут находиться в зародыше или присутствовать не в полном объеме.

Приемы анализа общественной структуры по данным погребального обряда довольно хорошо разработаны для разных эпох как отечественными, так и зарубежными археологами (см. обзор: Бишони 1994). Они значительно различаются и ориентированы на особенности материала и исследовательских задач. Наиболее распространенные методики, имеющие разный уровень возможностей, включают многовариантный анализ взаимовстречаемости признаков, пространственный анализ по погребениям и некрополям, кластерный, факторный анализы и другие, прежде всего, математические средства.

Нами в основу работы положено понятие социальной стратификации, уровень которой есть мера сложности общественной системы. При этом подразумевается возникновение в процессе развития групп населения, различающихся своим общественным или (и) имущественным положением. Мы следуем точке зрения А.И. Першица (1982), по которой социальная и имущественная дифференциация проходили параллельно, то есть материальный достаток способствовал повышению общественного статуса, а общественное продвижение создавало условия для увеличения имущественного достатка.

Работы этнографов показывают, что в традиционных обществах ядро социума составляют полноценные взрослые, имеющие определенный набор атрибутов общественной состоятельности. Кроме того, есть люди, которым дано меньше или больше идеальной характеристики. Если подходить к археологическим источникам как к тексту, то в них можно обнаружить модель рядового погребения и отклонения от нее, что позволяет выделить носителей разных ролей или статусов. Поэтому структуру древнего общества можно представить в виде системы координат, на горизонтальной оси которой находятся группы разного статуса, на вертикальной — разного уровня социальной значимости или ранга. Член социума статус, как правило, наследует, а повышение ранга получает за заслуги (Йеттмар 1988). Характеристики ранговых групп всегда имеют идеальное значение, а в действительности некоторые представители низкого разряда по богатству могут превосходить членов групп высокого ранга, а некоторые представители последних могут обеднеть и потерять престиж. Конкретные признаки социальной дифференциации могут быть различны для разных обществ.

Многочисленность и повторяемость археологических источников являются надежными гарантом выявления закономерностей в историческом развитии, а также обнаружения специфичности и уникальности каких-либо явлений (Генинг, Бунятян, Пустовалов, Рычков, 1990: 12). Изучение археологических памятников предполагает учет большого количества признаков и определения их социальной сущности, что при условии тщательного выполнения ведет к получению достоверных выводов, признаваемых в исторической науке (Павленко, 1989).

Выбранная автором методика предусматривает объективный анализ и классификацию археологического материала математическими методами. При этом мы опирались на способ создания и обработки базы данных погребальных памятников, предложенный коллективом под руководством М.Г. Мошковой (Статистическая

обработка...1994), не только из-за значительной культурной близости материала и перспектив сравнения результатов, но главным образом, из-за ориентированности на учет качественных признаков, доминирующих при полной характеристике погребального обряда. Ведущими принципами избранного подхода являются: описание всего массива данных¹ по максимально полному открытому списку признаков; отбор из них социоинформативных и статистически значимых математическим путем; детальная классификация материала с учетом возможных локальных, хронологических и групповых вариаций. Выделенные группы погребений рассматриваются как модели социальных страт. Модели для интерпретации социальной организации древних обществ составляют структуры, зафиксированные в письменных источниках, достоверно восходящих к глубокой древности, в эпосе стадиально или этнолингвистически близких народов с учетом общего уровня развития и хозяйственно-культурного типа. Рассматривая этническое содержание в понятии «археологическая культура», мы опираемся на определение Л.С. Клейна (1991), подразумевающего «...археологическое отражение некоторой культурной и исторической общности прошлого, ее остаток и отпечаток в упокоенной материальной культуре». Считаем возможным выявление этнопоказательных признаков в культурных явлениях и их оценку при условии верификации выводов антропологическими и лингвистическими данными.

Анализ погребальных памятников. Первоначально был составлен список из 246 признаков с учетом особенностей западносибирского материала (табл. 2).

Таблица 2.

Список признаков базы данных по саргатской культуре²

Наименование	Код	Значение признака	Наименование	Код	Значение признака
1	2	3	4	5	6
DATE датировка	A	V — нач. III вв.	BONETYPE	0	неизвестно
	B	2-я пол. III–II вв.	BONEPLACE Место костей в могиле	A	в изголовье
	C	II–I вв. до н.э.		B	в ногах
	D	I–II вв. н.э.		C	у пояса
	E	III–V вв. н.э.		D	на перекрытии
E	III–V вв. н.э.	E		в нише	
GRAVEPLACE Место в кургане	A	центральное	BONEPART Часть туши	0	неизвестно
	B	впускное		A	передняя нога
	C	периферийное		B	лопатка
OVERCONST Перекрытие	A	продольное	C	тазовая	
	B	поперечное	D	бабки, пясти	
	C	двойное	E	крестец	
	D	тройное	F	ребра	
INCONST Конструкция могилы	0	неизвестно	G	голова	
	A	заплот	0	неизвестно	

¹ В обработку не включены одиночные погребения, некрополи, раскопанные в конце XIX — начале XX вв., инвентарь и документация по которым не сохранились, а также могильники из современных раскопок, по которым полностью отсутствуют антропологические определения

² Размерные группы саргатских могил получены математическим путем.

1	2	3	4	5	6
INCONST Конструкция могилы	B	сруб	FINDPIT тризна	A	костер
	C	облицовка		B	битая посуда
	D	заклад		C	кости животных
PITMAGIN Объем камеры	A	0–3,8 кв.м — малый	FINDPIT тризна	D	жертвенник
	B	4,0–9,0 кв.м — сред- ний		E	сосуды
« большой	C	9,3–22,8 кв.м		F	вещи
« очень большой	D	24,7–35,0 кв.м		0	неизвестно
« грандиозный	E	38,6 —70,0 кв.м	FINDBARR поминки	A	костер
SEX Пол	A	мужской		B	битая посуда
	B	женский		C	кости животных
	0	неизвестно	D	жертвенник	
AGE возраст	A	до года	VESCATEG Вид посуды	E	сосуды
	B	1,1–1 лет		F	вещи
	C	12–6 лет		0	неизвестно
	D	17–5 лет		A	горшок глина
	E	26–35 лет		B	котел
	F	36–55 лет		C	деревянный сосуд
	G	более 55 лет		D	берестяной туюсок
	0	неизвестно		E	блюдо, чаша
CONSERV погребальное ложе	A	подстилка	VESIMPOR Наличие импортной посуды	F	фляга
	B	береста		G	кувшин
	C	носилки		H	лаковый сосуд
	D	рама		I	бочонок
	E	короб		J	кожаный сосуд
	F	гробовище		K	стеклянный
	0	неизвестно		L	чайник
	0	неизвестно		0	неизвестно
RITTRACE Следы культа	A	есть	VESIMPOR Наличие импортной посуды	A	импортный
	B	нет		B	местный
	0	неизвестно		K	кулайский
BONETYPE Вид пищи	A	кости коровы	VESPLACE место сосуда	0	неизвестно
	B	кости овцы, козы		A	в изголовье
	C	кости лошади		B	в ногах
	D	кости диких живот- ных		C	у пояса
	E	птица		D	на перекрытии
RITOVСAT предметы культа	A	курильница	VESPLACE место сосуда	E	в нише
	B	блюдо		0	неизвестно
	C	раковина			

1	2	3	4	5	6
RITOVSCAT предметы культы	D	камни	RITSUBCA Ритуальные вещества	A	охра
	E	мел		B	мел
	F	жертвенник		C	уголь, зола
	G	краскотерка		D	камень
RITOVSCAT предметы культы	H	краситель	RITSUBCA Ритуальные вещества	E	прокал
	0	неизвестно		0	неизвестно
ARMCATEG категория вооружения	I	трубка	ARMMATER Материал оружия	A	бронза
	A	стрелы металл		B	серебро
	B	стрелы кость		C	золото
	C	кельт, топор		D	железо
	D	кинжал		E	кость
	E	меч		F	дерево
	F	копье, дротик		G	стекло с металлом
	G	панцирь		H	стекло
	H	щит		I	камни
	I	колчан		J	гагат, янтарь
	J	лук		K	жемчуг, коралл
	K	горит		L	раковины
	L	клевец		M	кожа
	M	поножи		N	береста
0	неизвестно	0	неизвестно		
ADORNCAT категория украшений	A	налобное	ADORNMAT материал украшений	O	глина
	B	гривна		P	ткань
	C	одиночные бусы		A	бронза
	D	ожерелье		B	серебро
	E	бусы в вышивке		C	золото
	F	подвески, колоколь- чики		D	железо
	G	серьги		E	кость
	H	нашивные бляшки		F	дерево
	I	поясные пряжки		G	стекло с металлом
	J	наконечник ремня		H	стекло
	K	накладки, гвоздики, поясные пластины		I	камни
	L	браслет		J	гагат, янтарь
	M	перстни, кольца		K	жемчуг, коралл
	N	накосники, пронизи		L	раковины
	O	цепочки		M	кожа
	P	пуговицы		N	береста

1	2	3	4	5	6
ADORNCAT категория украшений	Q	пряжки-застежки	ADORNMAT материал украшений	0	неизвестно
	R	амулет		О	глина
	0	неизвестно		Р	ткань
TOOLSCAT Категория орудий труда	A	нож	TOOLSMAT материал орудий труда	A	бронза
	B	проколка, шило		B	серебро
	C	точило		C	золото
	D	оселок		D	железо
	E	грузило		E	кость
	F	тесло		F	дерево
	G	пряслице		G	стекло с металлом
	H	игольник		H	стекло
	I	кресало		I	камни
	J	нагайка		J	гагат янтарь
	K	заготовка		K	жемчуг коралл
	L	ложка		L	раковины
	M	игла		M	кожа
	N	слиток бронзы		N	береста
	O	тупик		0	неизвестно
	0	неизвестно		О	глина
HARNESSC Конская упряжь	A	удила	TOILETCA Предметы туалета	Р	ткань
	B	псалии		A	зеркало
	C	пряжки сбруи		B	шпильки
	D	пронизи		C	гребень
	E	бляшки, обоймы		D	сурьматаш
	F	фалары		E	пинцет
	G	ворворки		F	копоушка
	0	неизвестно		G	бритва
LUXCATEG предметы роскоши	A	бронза	LUXCATEG предметы роскоши	0	неизвестно
	B	серебро		H	румяна
	C	золото		H	импортная бижутерия
	D	поделочные камни и материалы		I	импортная утварь
	E	драгоценные камни		J	редкие изделия
	F	стекло		K	художественные вещи
	G	стекло с позолотой или посеребрением		0	неизвестно

Для характеристики признакового пространства была проведена оценка информативности путем расчета коэффициентов Райского и энтропии (подробнее о процедуре см. Матвеева 2000). Вес признаков в погребальном обряде определен, исходя

из них. Для статистической обработки отобраны таковые с энтропией, а также с коэффициентом Райского выше пороговых. Исключены из дальнейшего рассмотрения как дублирующие информацию, показатели, обусловленные другими, в парах с силой связи более 0,7, а оставшиеся уточнены с включением в их наименования содержания отсеянных признаков. В результате отбора был сформирован уточненный список из 64 признаков, имеющих статистически значимый характер (табл. 3).

Макроанализ. Начальным этапом работы явилась попытка установить: имеется ли в саргатской культуре значительная динамика значений избранных признаков в погребальных комплексах. Предваряли ее три шага: 1) отбор датированных могильников, не менее, чем с шестью погребениями; 2) преобразование неальтернативных признаков в альтернативные; 3) суммирование для каждого некрополя вновь полученных показателей и перевод этих сумм в доли. Таким образом, получили новую базу из агрегированных данных (объекты = могильники), описываемых показателями, однозначно соответствующими всем категориям признаков в исходной базе. Затем мы разделили все могильники на пять выборок и обсчитали каждую отдельно для сравнения показателей дескриптивной статистики. Поскольку группировка велась по хронологии, то эти признаки были исключены, на данном этапе осталось 60 показателей. С целью корректного подхода к некролям с группами различно датированных могил, то есть фактически содержащим по два разновременных могильника, мы рассматривали последние отдельно под разными названиями как самостоятельные объекты, введя новые обозначения: Тютрино-В и Тютрино-Е, Богдановка-А и Богдановка-С, Савиновский-С и Савиновский-Д. Таким образом, получилось 45 могильников.

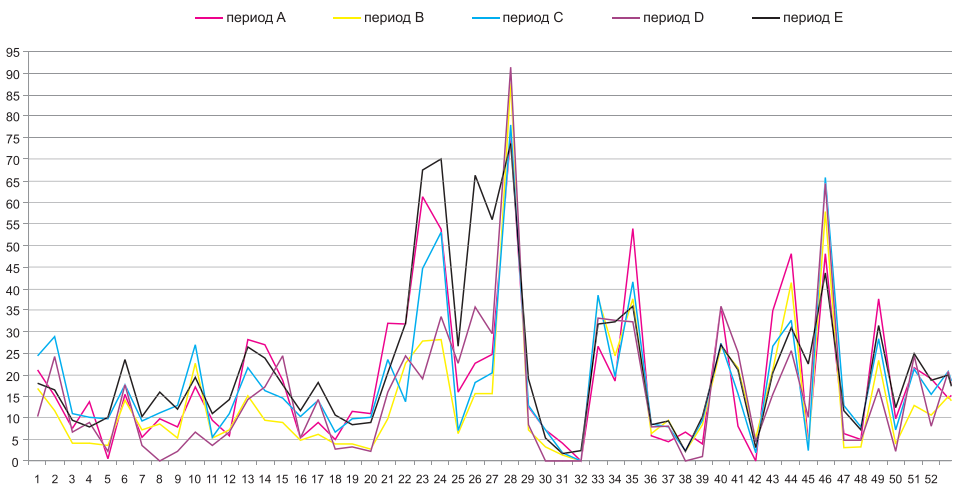
Таблица 3. Список уточненных показателей по массиву данных погребений саргатской культуры

№	Признак	№	Признак	№	Признак	№	Признак
1	DATE A	17	E	33	HARNESS B	49	« J
2	B	18	SEX A	34	BONEPART F	50	ADORNCAT-A
3	C	19	B	35	FINDPIT A	51	C
4	D	20	AGE A	36	B	52	G
5	E	21	B	37	C	53	H
6	GRAVEPLACE-A	22	C	38	FINDBARR A	54	ADORNCAT I
7	B	23	D	39	B	55	ADORNMAT A
8	C	24	E	40	C	56	C
9	OVERCONST A	25	F	41	VESCATEG A	57	D
10	B	26	G	42	VESRLACE A	58	H
11	C	27	BONETYPE B	43	B	59	TOOLSCAT A
12	D	28	BONETYPE C	44	RITSUBCAT C	60	« G
13	PITMAGIN A	29	BONEPLACE A	45	ARMCATEG A	61	LUXCAT A
14	B	30	B	46	B	62	LUXCAT C
15	C	31	BONEPART C	47	« D	63	« F
16	D	32	HARNESS A	48	« I	64	« H

Могильники разных хронологических этапов значительно отличаются по распределению усредненных показателей признаков (подробнее см. Матвеева 2000). В период V — 1-й половина III вв. до н.э. детей, вероятно, не было принято хоро-

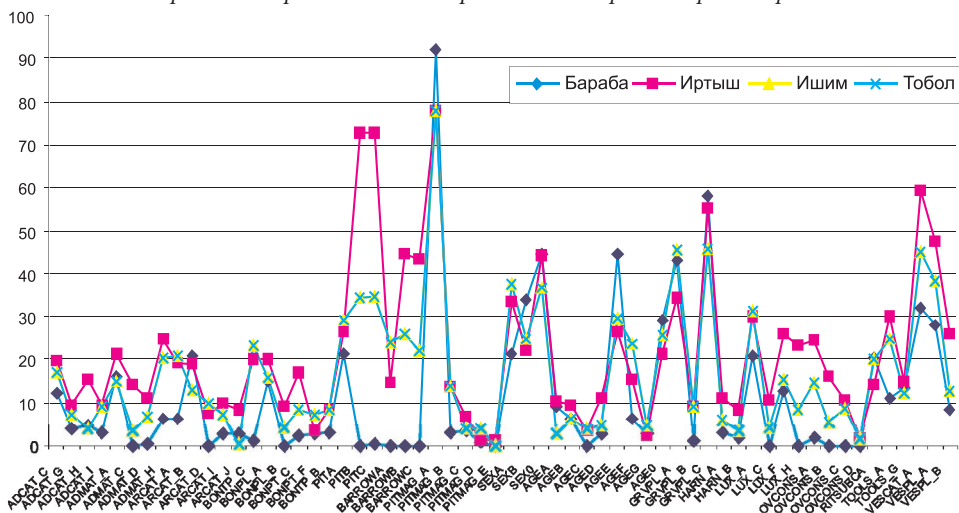
нить в могильниках со взрослыми. Отмечена большая доля подростков в массиве погребенных, отсутствуют люди в возрастах старости, что указывает на неблагоприятную демографическую ситуацию. По признакам ритуала прослежено большое количество костей лошади в погребениях и следов огненного культа (уголь, прокал). В начале существования культуры, как и в финале ее развития, оказалось много погребений с колчанами и крупными наборами стрел, со стеклом, больше с прочей импортной бижутерией, золотом среди общего массива, чем в последующие века (рис. 1). Период 2-я половина III–II вв. до н.э. представлен во всех отношениях средними величинами. К нему относится возникновение практик повсеместного захоронения детей в курганах и помещения лука среди инвентаря взрослых. Период конец II–I вв. до н.э. отличался изменениями в демографическом составе населения, что выражается в отсутствии стариков среди погребенных, увеличенной доле юношей. В наших данных оказались снижены показатели по частоте встречаемости следов тризны и поминок, но выросли средние величины по наличию кинжалов и узды (рис. 1). Наиболее специфичным кажется период I–II вв. н.э., в который отмечено снижение мемориальных трудозатрат общества почти во всех категориях обрядности. В курганах этого времени преобладают малые могилы, отсутствуют камеры больших размеров и сложно устроенные гробницы. В целом снизились доли захоронений с серьгами, нашивными бляшками, поясными пряжками, бронзовыми, железными, стеклянными и золотыми украшениями в целом, находками металлических стрел, лука, удила, предметами импортной бижутерии и роскоши, сосудами. Период III–V вв. н.э. в демографическом отношении характеризуется несколько увеличенной юношеской смертностью. В социологическом отношении в это время вновь возрастают размеры курганного строительства, частоты проявления тризны и поминок, увеличивается количество и расширяется ассортимент заупокойной пищи в могилах. Ярко проявляется тенденция увеличения общественного богатства в росте относительного числа захоронений с бронзовыми, железными, стеклянными украшениями, серьгами, пряжками, бляшками узды, ножами, горшками, луком, соответственно меньше число погребений с костяными стрелами.

Рис.1. График распределения средних величин признаков некрополей периодов А,В,С,Д,Е.

Выявленная динамика погребальных памятников (рис. 1) обусловила необходимость рассмотрения социальных характеристик разных групп в развитии. Это оказалось возможным сделать лишь в рамках трехчленной периодизации, выделив ранний (V — начало III вв. до н.э.), средний (2-я половина III в. до н.э. — II в. н.э.) и поздний (III–V вв. н.э.) этапы, так как пятичленное деление, казалось бы, правомерное с социологической точки зрения, не могло быть обеспечено репрезентативными выборками.

Рис.2. Распределение средних величин признаков в некрополях разных районов.

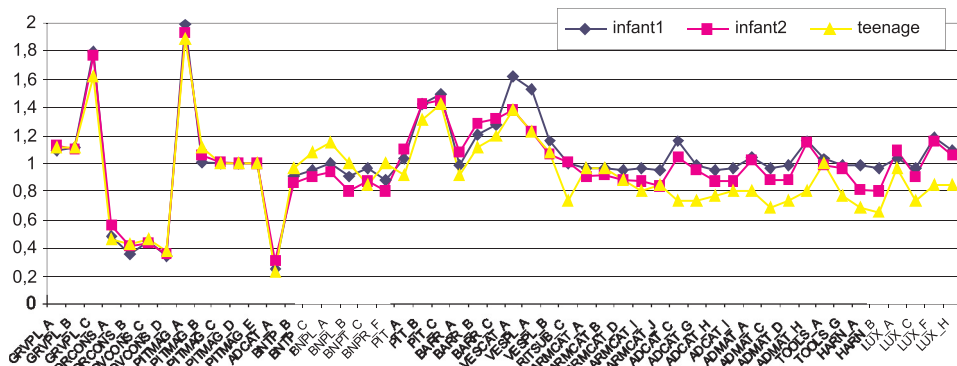
При анализе некрополей, объединенных в территориальные группы (рис. 2) (Притоболье, Приишимье, Прииртышье и Бараба; по 60 признакам), выявились некоторые локальные особенности. Отчасти, они обусловлены центральным положением Прииртышья в ареале саргатской культуры и лучшей изученностью в этом районе могильников знати и воинских дружин. Крайнее положение Барабы, с одной стороны, объясняется географическим фактором, с другой — преобладанием в источниках рядовых могильников, что обуславливает более бедное и упрощенное выражение здесь погребальных обрядов. Вторым центром саргатской культуры было Притоболье, которое за счет близости к цивилизациям запада и юга имело благоприятные условия для развития. Некоторые различия в погребальных памятниках этих территорий могут объясняться и разноэтничными включениями. В пользу этого предположения отчасти свидетельствует разнообразие вариантов помещения заупокойной пищи и декора костюма. Но из-за недостаточной изученности палеозоологического материала Барабы и Прииртышья мы не можем считать полученные нами результаты статистически значимыми. Серьезных локальных различий погребального обряда, которые позволили бы выделить иноэтничные могильники, не зафиксировано.

Из этого следует, что этническая специфика проявлялась в основном в признаках, не достаточно сохранных в источниках (одежда, прическа, варианты укрытия тела, заупокойная пища). Но учитывать ее при интерпретации материалов следует обязательно. Возможно, в дальнейшем на уровне анализа отдельных погребений удастся выявить разноэтничные группы среди основных объектов.

Микроанализ явился следующей ступенью исследования — это рассмотрение всего массива погребений с учетом ранее выявленных закономерностей. Здесь мы применили свои способы, диктуемые особенностями наших выборов.

При половозрастном анализе, так как в нашем распоряжении оказались определения, сделанные с точностью до 5 лет³, мы следовали градации антропологов. В результате обозначены следующие группы: младенцы (0,1–1 год), дети (1,1–11 лет), подростки (12–16 лет), юные (17–25 лет), возмужалые (26–35 лет), зрелые (36–55 лет) и старые (56–70 лет). Затем база была предварительно разделена на хронологические серии, в которых выделены группы взрослых мужчин и женщин⁴.

Рис.3. Распределение средних величин признаков в погребениях детей.

Выборки по детским погребениям оказались чрезвычайно малы. Например, младенческих раннего периода насчитывается три, младшего возраста — семь, подростковых — шесть; для периода В эти показатели несколько выше — 14, 29 и 7 единиц соответственно. Так что мы сочли нецелесообразным рассматривать их по хронологическим группам, объединив в общекультурные единые: «все младенцы»; «все младшие дети»; «все подростки» (рис. 3). Поэтому характеристики возрастных ступеней и статуса полов даны на достаточных выборках с точностью 95–99%⁵.

Сравнивая погребения людей, объединенных в вышеперечисленные категории в синхронных и асинхронных выборках, можно утверждать, что в центре курганов женщин хоронили в ранний период в 1,5 раза реже, чем мужчин, старших людей — чаще, нежели младших по возрасту.

Детей и подростков не размещали в центре насыпи, но на рубеже эр это правило перестало действовать. Женские могилы в среднем несколько меньше мужских, а при сравнении средних и больших камер — более чем в 1,5–2 раза. В

³ Из-за плохой сохранности костяков основной доли погребений значительная часть антропологических материалов не определена по возрасту в годах, а индивиды отнесены к одной из возрастных групп.

⁴ Из ранее отобранных признаков были исключены датировка, пол и возрасты детства и отрочества, всего получилось 50, по ним сформированы новые выборки. Смотрите перечень признаков на рис. 3. Далее расчеты велись по ним же.

⁵ В целях максимально объективного подхода работа была начата со всей базой данных, включая и ограбленные погребения, поскольку: это позволяет сгладить недостаток рядовых захоронений в корпусе источников; за счет ограбленных могил (показатель наличия отсутствия находок по рассматриваемым признакам в них принят за нуль, следовательно, общий уровень насыщенности инвентарем несколько снижается), а также мало потревоженных погребений, не столько в целом, сколько по отдельным категориям.

ранний период существовало большее равенство полов в выражениях основных черт обряда, а в среднесаргатское время наметилось существенное расхождение в общественной оценке роли мужчин и женщин, сгладившееся в заключительном периоде под влиянием каких-то социально-политических факторов. В проявлениях огненного культа, относящихся к людям разных полов, нет существенных различий, кроме конца раннего периода, когда могил с золой и углем оказалось среди женских более чем в два раза больше, чем среди мужских. Помещение ножей, пряслиц, сбруи является безразличным к полу признаком, оружие и поясные пряжки, бронзовые украшения аксессуаров узды и вооружения проявили себя как маркеры мужского пола, бусы и серьги, в том числе драгоценная бижутерия — преимущественно женского, но только в ранний период. С первых веков до н.э. ношение серег становится распространенным у мужчин, а украшение поясов пряжками — индифферентным к полу признаком. В заключительный период все основные виды украшений становятся unisex.⁶

Рис.4. Распределение средних величин признаков в погребениях мужчин юного возраста.

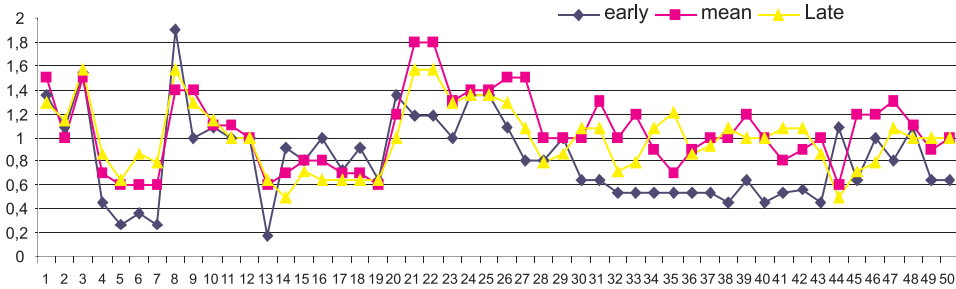
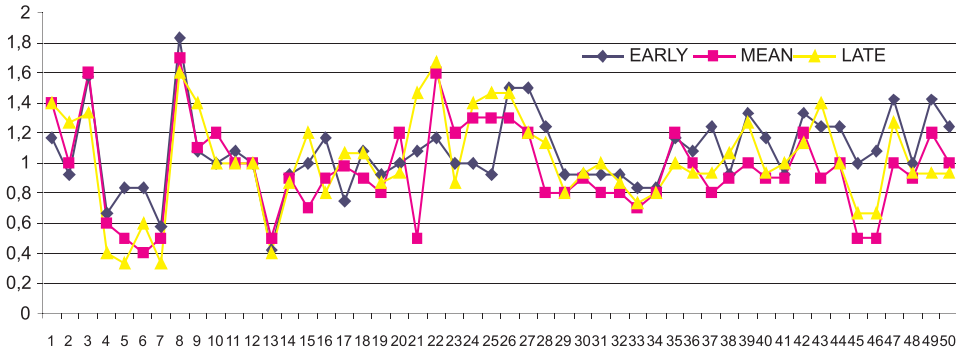
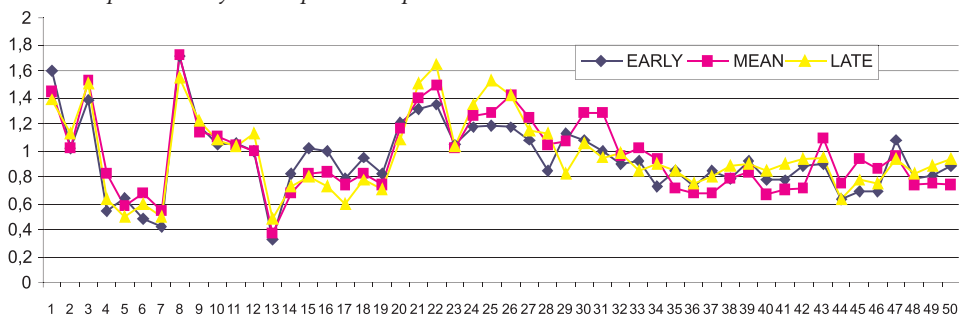

Рис.5. Распределение средних величин признаков в погребениях мужчин возмужалого возраста.

⁶ Различия в социальном положении младенцев, детей, подростков, юных, молодых, зрелых и старых людей установлены нами в возрастных группах, заданных биологическими особенностями, что не дало возможности обеспечить достаточную точность определения границ перехода из одной группы в другую, и допускает отклонения до 2–5 лет. Но заметим, что эта неточность не носит принципиального характера, так как реальный переход, судя по данным этнографии, не обязательно приурочивался к достижению положенного числа лет, а определялся еще и физической способностью индивида к выполнению своей социальной роли (Чочиев 1996: 142). Поэтому сильные могли рано стать взрослыми и долго находиться в этой категории, а слабые вступали в нее позднее и рано старились.

Рис.6. Распределение средних величин признаков в погребениях мужчин зрелого возраста.

По средним показателям признаков существенно отличаются друг от друга все возрастные группы людей. Например, насыщенностью инвентарем характеризуются погребения юных женщин (возможно, «невест») в ранний и поздний период, но на среднем этапе развития саргатской культуры этой закономерности не прослеживается. Положение мужчин-стариков отличается более высокими показателями, чем старых женщин, но достоверными считать эти различия нельзя из-за малых выборок, поэтому графики не приводятся. То есть, существовала четкая половозрастная градация, отразившаяся объективно во всех категориях остатков погребальных церемоний.

Рис.7. Распределение средних величин признаков в погребениях женщин юного возраста.

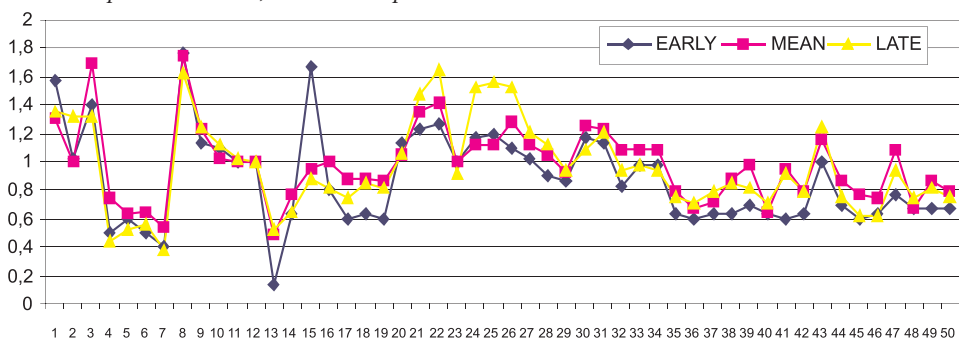
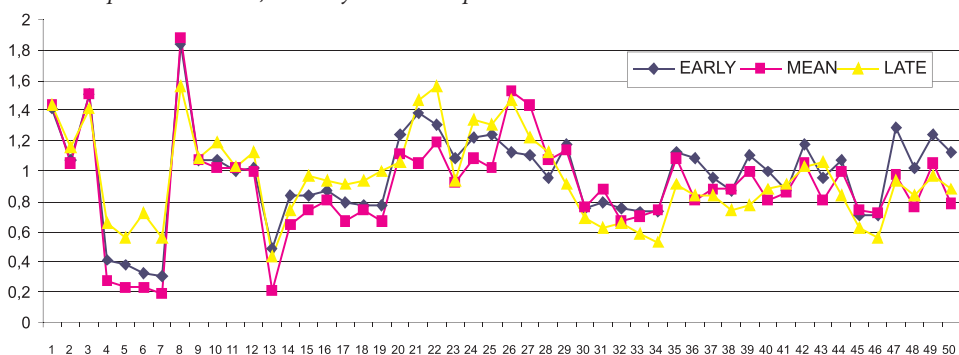

Рис.8. Распределение средних величин признаков в погребениях женщин возмужалого возраста.

Первоначально имел место приоритет зрелых и старых мужчин, потом произошло некоторое возвышение юных и возмужалых, при постоянном сохранении в культуре высокого статуса зрелых женщин.

Все это говорит о доминирующем положении мужчин в обществе (Крадин 2004) и, возможно, о патрилинейности системы родства, а также традиционном распределении труда. Это также дает основание предположить о существовании в саргатском обществе системы возрастного неравенства. Ряд исключений из выявленных закономерностей, например, богатые детские и подростковые, бедные старческие погребения, указывают на второстепенность данного деления, уступившего место собственно социальной стратификации.

Социальная классификация: формальный анализ. Для выявления социальных групп в саргатском обществе мы провели многоступенчатый анализ погребений в разных половозрастных сериях. Первой задачей было определение эталонных характеристик, выражающих стандарт погребального обряда для каждой из них. Под стандартным понимается захоронение, имеющее признаки, характерные для большинства (более 55%). Поэтому во всех половозрастных сериях были исключены ограбленные могилы и произведен расчет средних показателей по 50 тем же основным признакам, выражающим общественные затраты на похороны, а затем кластер-анализ.

Младенцы (64/62 ед.)⁷. Их могилы оказались в основном неограбленными. Стандартное описание погребения следующее: периферийное погребение в малой яме, соответствующей размерам тела покойного. Инвентарь составляет один горшок, установленный в изголовье. Остальные вещи являются превышением стандарта. Одиночные наконечники стрел встречены в 14% случаев, конская упряжь отсутствует. Украшения имеют лишь 24% погребенных: в первую очередь это бусы, затем серьги (3%) и нашивные бляшки (1%). Ножи имели 8% младенцев, пряслица — 3%, бронзовые изделия — 11%, а стекло — 16%. Кластер-анализ показал принадлежность почти всех погребений к трем большим группам, две из которых близко связаны друг с другом, а несколько особняком стоит третья, включающая захоронения из Исаковки-1, Исаковки-3, Коконовки-2 и Коконовки-3.

Дети младшего возраста (92/70 ед.). Стандартная характеристика следующая: погребение на периферии в малой яме, соответствующей размерам тела покойного, с одним горшком. Инвентарь имелся лишь у части детей, экипированных выше среднего: наконечники стрел (14%) и кинжалы (4%); бусы и прочая бижутерия — у четверти, серьги, ножи, пряслица — каждый пятый, нашивки — 7%, пряжки — 5%; изделия из бронзы — у трети, из золота — у каждого десятого. Кластер-анализ показал разбивку на множество мелких групп, объединенных в единое целое, за исключением захоронений из Абатского-1, Сидоровки, Гаево-1, то есть воинских могильников.

Подростки (26/15 ед.). Стандарт следующий: периферийное погребение в малой яме с горшком и ножом либо пряслицем, соответственно полу. Прочий инвентарь являлся дополнением лишь для части подростков: оружие дальнего боя, пряжки, стекло и прочая бижутерия — у четверти, кинжалы, лук, украшения из бус — 13%, нашивки — 20%, конская упряжь, колчан — 6%. Из предметов роскоши бронза присутствует в 46%, золото — в 6% погребений. Кластер-анализ показал

⁷ Здесь и далее в числителе указано количество могил в целом, в знаменателе — количество не ограбленных могил.

принадлежность половины объектов к одной грозди (близкие к среднему) и две отдаленные группы погребений, из которых в первой находятся захоронения из Абатского-3 и Тютринского некрополей, во второй — из «богатых» могильников Савиново, Богдановка-1, Стрижево-2, Исаковка-1 и 3.

Взрослые. Учитывая ранее продемонстрированные различия в погребальных традициях раннего, среднего и позднего периодов, выборки по неграбленным погребениям были сделаны по этим хронологическим этапам.

Мужчины (110/44 ед.). Стандартный комплекс раннесаргатского этапа: центральное погребение в кургане в малой яме, со следами тризны возле нее, без инвентаря. Горшки находились менее чем в половине погребений; оружие дальнего боя в виде металлических и костяных наконечников стрел, изделия из бронзы — в трети; луки — в одной десятой, ножи — в четверти. Захоронения с другими вещами единичны. Для среднесаргатского периода (118/56 ед.) стандарт следующий: периферийное погребение в малой яме со следами тризны близ нее, с глиняным сосудом в изголовье и ножом. Другие вещи помещали сверх стандарта только в часть погребений. Металлические наконечники стрел и изделия из бронзы содержало менее половины могил; костяные наконечники были в половине; кинжалы и колчан, конская упряжь пряжки — в трети; лук — в четверти; ???? — 37%; бусы — в одной шестой; серьги, золото — одной десятой; нашивные бляшки — одной седьмой. Стекло и прочая бижутерия были в каждой пятой могиле. В стандарт мужского позднесаргатского погребения (84/33) входило размещение на периферии в малой яме, тризна и поминки, горшок и нож. Сверх него помещали другие вещи в таких же пропорциях, только колчаны были — в четверти могил, а серьги — в 15%, нашивки, предметы упряжи — в каждой пятой, золото — в 12%.

Могилы *женщин* раннесаргатского периода (83/50 ед.) имеют следующий стандартный вид: периферийное в малой яме, с горшком в изголовье. С оружием было 10% могил, с пряслицами — половина, с бусами и серьгами, ножами — четверть, прочей бижутерией — треть, конской упряжью — 2%. Изделия из бронзы характерны для 44% женских погребений, из золота — 12%, из стекла — 46%. Для погребений среднесаргатского периода (79/46 ед.) стандарт не изменился. Но пропорции в содержании дополнительного инвентаря уже другие. Оружие помещали чаще — в 17% погребений; кинжалы — 4%, лук — 4%, колчан — 2%, конская упряжь — 8%. Бусы, ножи находились в четверти могил, серьги — 15%, нашивные бляшки — 2%, пряжки — 6%. Ниже показатели по изделиям из бронзы (39%), золота (2%), прочей бижутерией (20%). В позднесаргатский период (76/31) стандарт был следующим: периферийное захоронение в малой яме со следами тризны и горшком. Наконечники стрел и кинжалы, нашивные бляшки встречены в 16% погребений, колчан — в 9%, лук — в 3%, бусы, золото — в 19%, серьги — в 23%, пряжки — в 29%. Ножи и предметы из бронзы довольно часты (54% погребений), пряслиц — в два раза меньше, упряжи стало в два раза больше, стекла — 39%, импортных вещей — 26%.

Ведущими признаками оказались два: размер погребальной камеры и место расположения в кургане, причем все стандарты объединяет признак «малая погребальная камера». Поэтому ориентироваться при дальнейшем моделировании отличных от стандарта групп следует на пучки признаков, тесно связанные с другими объемами погребальных усыпальниц, их местоположением и инвентарем.

Для отбора этих пучков использованы корреляционные матрицы признаков по женским и мужским погребениям раннего, среднего и позднего периодов.

Первоначально проанализирована взаимозависимость признаков в неограбленных, затем в ограбленных погребениях⁸. Поэтому, характеризуя погребения в камерах разного объема, мы опирались на первые, дополняя характеристику данными по вторым. Кроме того, учитывали отклонения от стандарта в меньшую сторону и от базового обряда (в яме или на дневной поверхности). Такой путь позволяет получить максимально достоверное и полное представление об идеальных моделях, которые мы рассматриваем как отражение различных типов реальных погребений.

На основе анализа матриц корреляции признаков, ведущими среди которых являются размер камеры и ассортимент инвентаря, удалось выделить модели идеальных погребений. Для мужчин характерно безынвентарное в малой периферийной яме со следами тризны для раннего периода, позднее — еще и с сосудом, а также следами тризны и поминок. Для женщин и детей стандарт был неизменен: малое периферийное, с горшком. Среди детских погребений наметилось две модели: в малой, с горшком и безынвентарное; как мы полагаем, выражающих наличие двух основных групп. Подростковых моделей получилось пять, явно соответствующих моделям взрослых, но без богатых погребений в очень больших и грандиозных усыпальницах. Относящиеся к четырем модели захоронения находятся в составе коллективных со взрослым, когда социальный статус взрослого распространяется на подростка. Модели 3–5, должно быть, отражают погребения детей знати разных рангов, так как в них присутствуют более сложные конструкции, разнообразный инвентарь и нарядная одежда с украшениями всех видов: бронза, стекло, золото, предметы импорта, оружие ближнего и дальнего боя.

Выделение некоторых детей младшего возраста, еще не имеющих заслуг, указывает на распространение на них в общественном сознании социального статуса их семей. Это может быть аргументом в пользу развивающегося сословного деления саргатского общества. В связи с этим логично и более пышное захоронение части подростков. Видимо, после инициации они считались перешедшими в статус взрослых и погребались также по более высокому стандарту в случае принадлежности их к элитарным семьям, аналогии чему находим у скифов (Клочко, 1987).

Среди взрослых выделено семь модельных групп по связи определенных характеристик с объемом камеры и ее местоположением (отдельно для мужчин и женщин разных периодов). Все половозрастные серии дают близкое распределение погребений по моделям, соответствовавшим, видимо, в исторической реальности рядовому (модель 1), рядовому зажиточному (модель 2), бедному (модель 7), элитарному населению разных рангов (модели 3–6). В отдельную модель (модель 8) выделены единичные погребения во рвах и сопровождающие рядом с основной камерой, как правило, являвшиеся безынвентарными, принадлежавшие каким-то зависимым лицам. Имеются и захоронения, не вписывающиеся в рамки конкретных моделей, например, насильственно умерщвленной женщины в парной могиле с

⁸ В первом случае сила связей выше, а количество признаков, тесно связанных между собой, получается меньше потому, что отсеивается значительное количество могил с разнообразным инвентарем, в первую очередь центральных, в которых побывали грабители. Во втором случае мы получаем большее число связей и более подробную характеристику данной группы могил, но с несколько меньшей силой их связи ввиду отсутствия части информации.

мужчиной Мысовского могильника, трактуемое нами как погребение наложницы. Своей единичностью и исключительностью они лишь подтверждают правомерность нашего социального моделирования.

Всеобщая вооруженность не была свойственна саргатскому обществу, согласно прижизненным функциям, отразившимся в инвентаре, рядовое население не несло воинской службы. Возможно, представители его выступали в этой роли при самозащите и сборе военного ополчения. Элитарные группы мужчин были вооружены, и связь с военным делом выступает в их погребениях как основная характеристика личности. Третья модель как мужских, так и женских погребений проявляет слабую связь с оружием, что явилось основанием для предположения о существовании старейшин и родовых вождей с функциями управления общественной жизнью мирного характера. Инвентарь представительниц женских элитарных страт свидетельствует об их мирных занятиях при владении оружием в качестве средства самозащиты.

В среднесаргатский период выделяется новая прослойка (модель 2), к которой относилось 26,6% мужского населения — члены военной дружины преимущественно юного возраста. Интересно, что одновременно появляется и группа рядовых вооруженных женщин (модель 2). Возникновение ее может объясняться активными военными действиями на саргатской территории и мобилизацией людских ресурсов общности, что коррелирует с общим упадком материального благосостояния и объемов общественных затрат на похороны во II в. до н. — II в. н.э. Это подтверждается сосредоточением сокровищ в руках вооруженных представителей знатных родов. Военная дружина была призвана не только вести захватнические войны и защищать свои земли, но и собирать дань, контролировать подвластные территории. Вероятно, что представители нобилитета (модели 4–6) совмещали функции гражданского и воинского управления. Демографическое состояние саргатской общности подтверждает патриархальный характер отношений и повышенную смертность молодых мужчин вследствие войн (Матвеева 1999: 88).

При изучении производственной специализации населения оказалось, что орудий труда, кроме ножей и пряслиц, в элитарные погребения не клали. Поэтому мы предположили, что находки специфичных орудий указывают на вид занятий рядовых людей. Но и они встречаются лишь в 0,25–1% погребений, из чего следует особое выделение при захоронении только лиц, исключительно искусных в каком-то виде домашних ремесел и нашедших в этом общественное признание, например, столяров и плотников, швей, обработчиков меди, рыболовов, косторезов (одного человека на сотню или более). Даже если учитывать разграбленность многих захоронений, то ситуация не изменится и при удвоении количественных показателей. Связь пряслиц с богатыми погребениями мужчин указывает на исполнение функций прядильщиков и ткачей в каких-то ситуациях мужчинами, а также на существование генеалогической легенды о культурутрегерской миссии первопредка — учителя ткачеству, что известно в иранской среде. В целом можно отметить, что реально возникшая специализация труда не отразилась в погребальном обряде в полной мере в силу, видимо, его консервативности.

В целях выявления служителей культов рассмотрены остатки ритуальных действий у могилы (см. табл. 2, 4), сосудов и вещей, оставленных для умерших; а также аналогичных следов во рву и за пределами насыпи, связь курильниц, глиняных блюд, жертвенников, раковин, кусков мела, обработанных камней с полом и возрастом

умерших. Установлено, что предметы культа имеет каждое десятое погребение, из всех их 26,32% составляют мужские, 52,63% — женские, 6,58% — детские, в 14,47% — пол не известен. Корреляция предметов культа с размерами камер показала, что лица высокого социального статуса чаще были связаны с отправлением культовых действий. Разнообразие ассортимента сакральных вещей отражает разное содержание культов. Жертвенники и блюда характерны для погребений женщин (88,9%) и, как мы считаем, представляют различную материальную реализацию одной функции этих предметов. Курильницы и мел встречаются как в женских, так и в мужских захоронениях, хотя в последних реже (26,9%). Камни — преимущественно мужской предмет (62,5%). Предполагаем, что они были атрибутами разных магических действий, очистительных обрядов, гадания. Лишь 13,16% саргатских погребений с культовыми предметами имеют зеркала, причем большинство их найдено в туалетных наборах, что коррелирует с большими размерами погребальной камеры. Очевидно, что они были престижными предметами быта, т.е. как и в Средней Азии, откуда они поступали.

Взаимовстречаемость предметов культа, вооружения и орудий труда как в женских, так и в мужских погребениях свидетельствует о совмещении культовой деятельности с воинской и хозяйственно-бытовой в практике одних и тех же людей. Поэтому усматривать специализацию на отправлении культов одной категории лиц — «жрецов» или «жриц» по материалам саргатской культуры не приходится. По-видимому, у «саргатцев» как среди мужчин, так и женщин, подобно другим иранцам (Геродот 1972: 60), существовали прорицатели, предсказатели, имевшие способности к общению с духами.

Для оценки уровня развития древнего населения ранее автором проведен палеоэкономический анализ данных (Матвеева 2000). Он показал организованность экономической жизни в границах определенных иерархичных этносоциальных организмов, значительную централизацию управления, сходную с организацией лесостепных скифов, продемонстрированной А.А. Моруженко (1989). Результаты палеоэкономического моделирования позволяют считать, что имело место сочетание полукочевого, полуоседлого, кочевого и оседлого хозяйственно-культурных типов у разных территориальных и социальных групп населения (Матвеева 2000). В лесостепи произошел скачок экономического развития, выразившийся в монументальной архитектуре, срубной технике строительства, местных цветной металлообработке и черной металлургии, росте размеров центральных поселений, основании вспомогательных общин для контроля за подчиненными территориями, организацией интенсивного обмена и караванной торговли с включением в систему Великого Шелкового пути в среднесаргатское время (во 2-й половине III–I вв. до н.э.). Неоднородность общества проявилась в разной площади и обустройстве домов, высоком уровне фортификации и военного дела и большой роли войны в жизни «саргатцев». Общины, зафиксированные на поселениях и городищах, были разного уровня (от 3–5 до 30–50 домохозяйств) с инкорпорированными чужеродными элементами.

Реконструкция социальных структур. По данным антропологии, костюма, прически, сюжетов искусства, семантики погребальных сооружений и ритуалов, орнаментов и цифр нами предложена этнолингвистическая атрибуция «саргатской» аристократии как восточных иранцев, а рядового населения — как потомков неразделенных индоиранцев с включением угорских и самодийских групп (Матвеева

1998). Представления западносибирских племен о загробном мире показывают, что основной их идеей была иерархия и священный статус воинской аристократии. В синкретичном мировоззрении «саргатцев» переплетались многие культы и верования со сравнительно новой идеей верховного божества. Главным был культ предков-вождей, представлявший собой интегральную идеологию с включением элементов зороастризма, митраизма, почитания животных и птиц, природных стихий. Военным предводителям придавались функции помощника верховного божества, воплощения организующих космических сил. Этот фактор не позволяет трактовать богатство и масштаб мемориального строительства с ним связанного, как прямой результат глубокого имущественного неравенства. Оно было подчинено сословному делению и обусловлено социальным положением индивида и его семьи.

Гипотетическая структура «саргатского» общества представляется следующей. Оно было трехсословным, два основных — рядовые (около 75%) и аристократия (около 25%), делились еще и на ранги согласно заслугам, выполняемым профессиональным ролям и имущественному положению. Поскольку моделированием выделено 7–8 страт, но «царские» курганы не исследовались и не вошли в классификацию, всего в обществе следует предполагать не менее 9–10 разрядов. Зависимое население было незначительно (около 0,5%) и, видимо, связано с домашним рабством, обслуживанием лиц высокого статуса. В начале саргатской культуры социальное деление носило более плавный характер без явно выраженной имущественной направленности. Поэтому в выборках раннего периода больше погребений с ценными предметами и материалами, чем позднее. На рубеже эр и особенно в III–V вв. н.э. количество погребений с драгоценными и редкими вещами становится меньшим, а насыщенность их предметами роскоши — большей, что указывает на углубление различий между социальными прослойками, возможно, превращение их в сословия. Предположительно произошло закрепление различий общественных групп по их функциям и имущественному статусу в качестве наследственных, что является одной из стадий формирования раннеклассовых отношений. Социальная неоднородность, безусловно, дополнялась имущественной, для которой первая создавала условия развития. Социальная дифференциация осуществлялась по функционально-ролевому признаку (производственная, культовая, управленческая, военная деятельность). Были выражены вертикальные иерархические структуры, связанные с распределением материальных благ и осуществлением сакрализованных связей с небесным и загробным мирами.

Таким образом, «саргатцами» было создано сложное и ранжированное общество, близкое по уровню раннеклассовым обществам с несколькими сословиями и разноэтничными субкультурами, таким как у кочевников Средней Азии (Акишев 1986: 26), скифов (Генинг 1984: 234; Галанина 1994: 74; Мурзин 1990), хунну (Миняев 1989: 115; Крадин 2002: 234–241).

Развитие обществ эпохи раннего железа в западносибирской лесостепи определяло взаимодействие пришлых степных и автохтонных лесостепных этнических групп. Процессы аккультурации происходили в мягкой форме вследствие большой культурной и этноязыковой близости элитарных и рядовых групп населения, а также общего более высокого уровня материальной обеспеченности общества за счет торговли, дани с таежных племен и военной добычи. Прослежено несколько волн миграций из сакской и сарматской среды: в VI–V, III–II вв. до н.э. (как с юга

на север, так и с запада на восток до степного Алтая), затем на рубеже эр, скорее приаральского происхождения, и в первые века нашей эры. В последней волне имел место гунно-сарматский компонент. В III–II вв. до н.э. с севера на юг начались кулайские проникновения. Практически через несколько десятилетий стабильности происходили перемещения населения, в виде небольших фронтальных подвижек или глубоких рейдов и захватов наиболее благоприятных экологических ниш. Они провоцировали постоянную напряженность, разрешались периодами интенсивных военных стычек и переделов земельных угодий и прочих сфер влияния (контроль за торговыми путями, выходами по долинам крупных рек в таежную зону на форпосты контроля за пушниной). Миграции с юга или внутри зоны лесостепи были обусловлены как экологическими причинами (Матвеева, Волков, Рябогина 2003: 155), так и общими военно-политическими событиями в Средней Азии, к которым из-за общего этногенетического и культурного родства аристократия западносибирских объединений имела непосредственное отношение, так и напряженными отношениями иноэтничной эксплуатации внутри общностей (Матвеева 2003: 282–290).

Древние государства Средней Азии оказали сильное влияние на население лесостепной зоны в основном через торговлю. Оно затем стало посредником в передаче стимулирующего социальную дифференциацию влияния далее на север. Мы констатируем эти процессы позже, чем в Европе, в эллинистическое время, но в дальнейшем общая направленность и результаты были близки (Матвеева 1997). Наполненные сокровищами, добытыми в военных набегах и грабеже храмов, добровольной данью в виде предметов престижного потребления (ткани, войлоки, зеркала, металлическая посуда и др.) саргатские усыпальницы указывают на далеко зашедшее расслоение и сложившуюся наследственную аристократию. Рост военной активности и отмечаемые в саргатском ареале братские могилы, возрастание юношеской смертности у мужчин (Матвеева:1999:88) явились непосредственным результатом начала караванной торговли и увеличение количества войн: за товары надо было платить (Хазанов 1978).

Социальная эволюция происходила по типу направленной трансформации под влиянием кочевников, вторгшихся в доступный для кочевания ландшафт и закрепившихся в социуме в качестве элитарных групп. Ее этапы отразились в объективных различиях социально-экономического характера памятников раннесаргатского (V — 1-я половина III вв. до н.э.), среднесаргатского (2-я половина III в. до н.э. — II в. н.э.) и позднесаргатского (III–V вв. н.э.) периодов. Раннесаргатский характеризуется завоеваниями новых территорий, наибольшим освоением ареала, сложением системы землепользования, упрочением структур военной демократии и началом формирования отношений «дистанционной эксплуатации» (Крадин 1989, 2002). Среднесаргатский отражает начало функционирования северных ответвлений от Великого Шелкового пути, когда в результате серии войн и миграций завершается идеологическое оформление роли военной дружины и ее обособление как аристократической прослойки. Позднесаргатский этап показывает усиление социальной сегментации, упрочение двух сословий как наследственных социальных групп и зарождение третьего — зависимого, оставшегося зачаточным, так как упор делался на сбор дани с иноплеменников. Заключительный этап отличается наиболее высоким уровнем развития торговли, престижного потребления.

Полагаем, что на западносибирском материале эпохи раннего железа прослежены явления, ставшие потом характерными для кочевых и полукочевых обществ средневековья. Осознание носителей единого хозяйственно-культурного типа как особой этнической общности выразилось в локальной специфике материальной и духовной культуры; доминирование одних групп («родов») над другими, вероятно, было основой организации власти (Масанов 1991). Общими процессами раннего железного века являются упрочение большесемейных связей, связанное с утверждением частной собственности на скот и продукты труда, а также закреплением земель в пользование; выделение металлургического производства, художественных ремесел, появление монументальных и храмовых комплексов, аппарата принуждения — военных дружин, пунктов оседлости и зачатков урбанизации, сословное деление общества, сакрализованная публичная власть. Номады создали сложные иерархические социальные структуры, но основные их функции были направлены вовне, на эксплуатацию других народов (подробнее см.: Крадин 1992). Внутреннее развитие сводилось к воспроизводству культуры и позволило достичь только предгосударственной стадии.

Таким образом, мы предложили гипотетическую реконструкцию сословно-рангового и половозрастного деления населения раннего железного века западносибирской лесостепи. Она не претендует на окончательность вследствие недостаточности данных по мифологическим представлениям древних, которые могли наложить более серьезный отпечаток на погребальные структуры, чем нам представляется сейчас. Некоторые выводы, основанные на малых выборках, могут не подтвердиться дальнейшими изысканиями. Но то, что автором предприняты усилия для анализа проблем социальных отношений первобытности, надеемся, позволит стимулировать новые исследования на стыке гуманитарных и естественных наук и разработку новых методик социологических реконструкций.

ГЛАВА 7. РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

С.С. Матренин, А.А. Тишкин

Изучение социальной организации древних и средневековых кочевников остается одним из перспективных направлений современной отечественной археологии.

Несмотря на достаточное количество работ, посвященных вопросам использования данных погребальной обрядности в качестве источника для проведения реконструкций общественных отношений в различные исторические эпохи, некоторые исследователи настроены весьма скептически к реализации таких возможностей. Подобная ситуация вызвана в значительной степени незнанием широкого спектра подходов к извлечению социально значимой информации из вещественных материалов, а также приверженностью к уже устаревшим приемам анализа, приводящим к заранее ожидаемым или весьма умозрительным выводам. К сожалению, отдельные специалисты, осознавая актуальность, необходимые условия, теоретические основания и задачи изучения социальных структур древних обществ, не идут дальше декларации таких положений. Дело в том, что проведение подобных исследований очень трудоемкая и длительная работа. Кроме всего, рекомендации поэтапного выполнения палеосоциального анализа, отраженные сейчас уже в нескольких монографиях обобщающего характера, требуют продолжения поиска эффективных методик для более детального изучения социогенеза конкретных древних народов.

Горный Алтай относится к регионам, для которых до эпохи раннего средневековья отсутствовали какие-либо письменные свидетельства, поэтому основным источником для воссоздания различных сторон жизнедеятельности населявших его людей в гунно-сарматское время выступают главным образом результаты раскопок погребальных памятников. По сравнению с рассмотренной социальной структурой кочевников скифской эпохи (Тишкин, Дашковский 2003) целенаправленное изучение общественной организации кочевников II в. до н.э. — V в. н.э. пока не предпринималось. Однако в ряде печатных изданий (Елин 1989; Худяков 1994; Мамадаков 1997; Васютин С.А., Васютин А.С. 1997; Бобров, Васютин А.С., Васютин

С.А. 2003; Садовой, Онищенко 2003; Борисенко, Худяков 2004; Матренин 2004, 2004а) уже отражены отдельные аспекты палеосоциологической интерпретации материалов некоторых некрополей булан-кобинской культуры. Источниковой базой настоящей работы послужили данные о 577 курганных и впускных погребениях из 37 могильников (Айрыдаш-I, Белый-Бом-II, Берель, Бийке, Боочи, Бош-Туу-I, Булан-Кобы-IV, Бике-I, Верх-Уймон, Верх-Еланда-II, Дялян, Карбан-I, Катанда-I, Катанда-3, Кок-Паш, Курайка, Кара-Коба-II, Кор-Кобы-I, Кызыл, Кызыл-Джар-I, Кызык-Телань-II, Пазырык, Сальдьяр-II, Сары-Бел, Семисарт-I, Тыткескень-VI, Усть-Бийке-III, Улуг-Чолтух-I, Урочище Балчикова-3, Усть-Балыктыюль, Усть-Кожолу-II, IV, Усть-Эдиган, Чендек, Ябоган-III, Яломан-II). Такое количество использованного материала, в том числе из малоизвестных комплексов, составляет большую часть имеющихся к настоящему моменту археологических сведений по обозначенному периоду в истории Горного Алтая. Основная масса этих объектов происходит преимущественно из Центрального (229), Северного (260), Восточного (53), а немногочисленная группа — из Юго-Восточного (21), Северо-Западного (12) и Южного (2) Алтая. В хронологическом отношении они соотносятся со всеми этапами булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов 2005): ранним, усть-эдиганским (II в. до н.э. — I в. н.э.), развитым, бело-бомским (II–IV вв. н.э.), поздним, верх-уймонским (2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.).

Основной целью данного раздела являлось отражение опыта разработки и практической реализации комплексной программы социологического анализа, которая бы максимально эффективно учитывала специфику задействованных археологических материалов и была ориентирована на их дальнейшее накопление.

На сегодняшний день среди специалистов общепринятой является позиция, что в основе социально-экономической организации всех древних и традиционных народов лежала половозрастная структура, базировавшаяся на физико-генетических различиях людей и определявшая место каждого индивида в производстве, распределении и потреблении материальных благ в связанной с ними системе общественных отношений. Поэтому методически оправдано начинать изучение социальной сферы именно с половозрастного анализа (Алексин 1975: 50; Бунятян: 1982: 140–160; 1985: 58–71; Колесников 1985; Ольховский 1995: 89–90; Васютин 1998; Матвеева 2000: 138–155; Тишкин, Дашковский 2003: 169–183, 340–356; Крадин, Данилов, Коновалов 2004: 30–31; и др.). Применительно к материалам погребальных памятников он традиционно предусматривает последовательное выполнение следующих этапов:

1. Выделение признаков похоронной практики, не зависевших от пола и возраста умерших людей.

2. Характеристика показателей обряда захоронения, которые были присущи отдельным половым и возрастным группам населения.

3. Описание и интерпретация изменений статуса людей в течение всей жизни и определение на основе этого этапов их социализации¹.

Результаты такого изучения создадут возможность проведения реконструкции физико-генетической структуры и семейно-брачных отношений, а также осуществить моделирование палеодемографической ситуации. Полученные в ходе анализа выводы кроме всего позволят определить уровень развития конкретного этнокульту-

¹ Нас будет интересовать только проблема идентификации признаков половозрастной и социальной дифференциации, то есть первый и второй доинтерпретационные этапы.

турного образования, изучить механизм, регулировавший его организационную структуру, оценить содержание и перспективы дальнейшего палеосоциального исследования. Неотъемлемой составляющей частью данной процедуры станет выделение комплекса социально-обусловленных признаков, под которыми в широком смысле понимается совокупность определенным образом иерархизированных показателей обряда захоронения, заключающих в себе разнообразную информацию о месте человека в системе горизонтальной и вертикальной стратификации социума. Практическая сторона идентификации социально детерминированных признаков предполагает, в свою очередь, учет следующих базовых положений:

1. Чем более высоким являлся общественный статус человека при жизни, тем более выдающимися были особенности его погребального обряда и помещенные с ним в могилу сопроводительный инвентарь (Генинг 1989: 218; Массон 1996: 81–91).

2. Представления о затратах на осуществление процедуры захоронения в каждом этнокультурном объединении оказывались своими и определялись спецификой хозяйства, экологической средой обитания, господствующей религиозно-мировоззренческой концепцией, военно-политической обстановкой и некоторыми другими факторами существования социума (Тишкин, Дашковский 2003: 104–105).

3. Каждый человек занимал место в вертикальной и горизонтальной проекциях общественной стратификации. Поэтому социально значимые характеристики погребальной обрядности посредством предания им значения экспертных оценок могут быть объединены в несколько связанных между собой комплексов, отражающих «богатство», «власть», «производство», «культ», а также проявления половозрастной (иногда родоплеменной) принадлежности умершего, которые в разной степени пересекались между собой. При этом у элиты в отличие от рядового населения признаки половозрастной дифференциации, как правило, отнеслись атрибутами «власти» и «богатства» (Васютин 1998: 217; Тишкин, Дашковский 2003: 102).

4. Уровень социально-политического развития социума находит опосредованное преломление в степени ранжированности норм реализации похоронного ритуала. Для обществ с централизованной, государственной или им подобной структурой характерно наличие четко зафиксированных эталонов для всех категорий населения.

5. Для обществ, формирование которых происходило на полиэтничной основе с присущим им часто двойным (этническим и социальным) принципом дифференциации, иногда наблюдается вариативность наборов социально престижных признаков у разных этнических групп. Наиболее яркими расхождения в данных представлениях могли быть у этноса-элиты и населения, занимавшего подчиненное положение в социально-политической иерархии (Кондрашов 2004). Археологическим выражением разного этнического происхождения выступают прежде всего различия в погребальной практике, а социальная неоднородность проявляется преимущественно в составе сопроводительного инвентаря.

Базовым принципом при проведении авторами половозрастного анализа стала многоступенчатая статистическая систематизация археологического материала с целью выявления стандарта погребального обряда, который следует классифицировать как достаточно устойчивый набор признаков, представляющих собой некий собирательный социальный образ (Алексин 1975: 74; Корякова 1994: 158–159). Подобная процедура направлена на то, чтобы из всего многообразия показателей установить инвариантное ядро (эталон) обряда захоронения, а затем отклонения от

него «вверх» и «вниз», которые отражают социальное, имущественное, профессиональное и субъективное неравенство умерших людей. В сумме определяется общественный статус погребенных. С точки зрения формальной типологии в стандарт должна включаться совокупность признаков, присущая не менее, чем 50% объектов анализируемой выборки (Матвеева 2000: 138; Тишкин, Дашковский 2003: 169–183, 307–356).² Значение такого выделения заключается в том, что стандарт позволяет определить атрибуты, характеризующие ядро социума (в данном случае речь идет о типовом наборе признаков, присущих большинству населения), которое составляли полноценные взрослые люди. Кроме того, использование данного метода делает возможной идентификацию половой, а в отдельных случаях и возрастной принадлежности захоронений без антропологических определений. Руководствуясь при вычислении стандарта критериями частоты встречаемости и взаимного сочетания признаков, можно будет: 1) оценить социальный вес (индивидуальный и групповой) всех элементов погребального обряда; 2) ранжировать социально обусловленные характеристики по степени их значимости на главные и второстепенные; 3) распределить «работающие», социально диагностирующие показатели в рамках горизонтальной и вертикальной шкалы стратификации. В конечном итоге можно будет ввести барьер единичности признаков и перейти на уровень абстрагирования от случайного при изучении социально-имущественной, этократической, физико-генетической подсистем. Важность данной процедуры состоит еще в том, что при реконструкции физико-генетической структуры основное внимание будет придаваться именно стандартным параметрам, тогда как при социальном моделировании — его разнообразным отклонениям. Интерпретация качественных изменений в содержании стандарта на отдельных этапах существования изучаемого общества позволит охарактеризовать направления и динамику его развития, а также эволюцию самих стереотипов, задававших проявление в погребальном обряде факторов, которые отражали социальный статус умерших людей.

В общей сложности нами были учтены останки 567 (100%) человек, из которых 223 (39,5%) идентифицированы как мужчины, 117 (20,63%) как женщины, 117 (20,63%) как дети³. Для систематизации данных о структуре палеопопуляции использовалась принятая в отечественной антропологии (Мамонова, Романова, Харитонов 1989) схема деления людей на такие возрастные подгруппы: дети младшего возраста до 6 лет (*Infant-I*), дети старшего возраста и подростки 7–13 лет (*Infant-II*), юноши 14–19 лет (*Juvenis*), возмужалые 20–34 лет (*Adultus*), зрелые

² При вычислении стандарта приходилось делать поправку на то, что некоторые показатели немного не дотягивали до необходимого значения в виду статистической нерепрезентативности выборки для половых групп на отдельных этапах булан-кобинской культуры. Во внимание принималось и то обстоятельство, что датировка памятников определена в широких рамках и отчасти являлась «плавающей», поэтому некоторые могильники могли находиться на границе двух хронологических периодов. Последнее наиболее хорошо прослеживается по отношению к погребениям бело-бомского и верх-уймонского этапов.

³ Изучение остеологических останков погребенных людей из курганных могильников Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Бош-Туу-I, Дялян, Кок-Паш, Бийке, Тыткескень-VI, Усть-Балыктыюль, Сальдяр-II, Боочи, частично Усть-Эдиган, Карбан-I, Айрыдаш-I осуществлялось в разное время А.Р. Кимом. Повторная обработка некоторых этих данных и исследование новых материалов (Усть-Бийке-III, Верх-Уймон, Курайка, Яломан-II) проведено С.С. Тур, Д.В. Поздняковым, Т.А. Чикишевой. В отношении других памятников приходилось надеяться на профессионализм половозрастных определений, сделанных авторами раскопок. Кроме этого, для материалов некрополей Белый-Бом-II и Боочи имела место ситуация, когда при наличии антропологических выкладок отсутствовала полная информация о результатах их археологического изучения.

35–55 лет (*Maturus*), старые более 55 лет (*Senilis*) мужчины и женщины. Включение погребенных в ту или иную группу основано на верхней возрастной границе. В результате были зафиксированы следующие показатели:

- 1) 36 умерших из группы *Infant* оказались без конкретизации возраста;
- 2) 45 и 36 отнесены к группам *Infant-I* и *Infant-II* соответственно;
- 3) четыре мужчины и восемь женщин были из группы *Juvenis*;
- 4) 18 мужчин и 27 женщин — из группы *Adultus*;
- 5) 53 мужчины и 16 женщин — из группы *Maturus*;
- 6) семь мужчин и три женщины — из группы *Senilis*;
- 7) 129 мужчин и 63 женщины — без антропологических определений возраста.

В отдельную группу объединены 109 индивидов (19,4%), пол и возраст которых не был установлен, и в данной публикации они нами не рассматривались. Наконец, для большей объективности в общую выборку оказались включены также 42 кенотафа: 11 из них являлись мужскими, одно женским или детским, 30 без конкретизации половой принадлежности. Количественное соотношение представителей разных половых групп по отдельным этапам выглядит следующим: усть-эдиганский — 13 детей, 17 женщин, 22 мужчины; бело-бомский — 95 детей, 86 женщин, 168 мужчин; верх-уймонский — 15 детей, 15 женщин, 34 мужчины.

Анализ исходных показателей осуществлялся сначала по открытому, максимально полному списку признаков, разбитых на три блока: погребальные сооружения, способы захоронения и погребальный ритуал, сопроводительный инвентарь. Такая схема характеристики привлеченных источников на разных уровнях их сравнения и обобщения позволила ранжировать составные элементы погребального обряда, выделив среди них те, которые несли в себе социальную нагрузку или были обусловлены причинами мировоззренческого, территориально-хронологического и этнического порядка. В данной обработке задействованы как не потревоженные, так и ограбленные объекты с учетом того, что удельный вес последних не превышал 10%. Обработка источников включала в себя сначала изучение материалов могильников одного хронологического среза (этапа) и локально-территориальной принадлежности. Затем давалась суммарная характеристика погребальных комплексов гунно-сарматского времени всего Горного Алтая и отдельных его районов.

Погребальные сооружения. Проведенное сопоставление типов погребальных сооружений, полученных на основе классификационной схемы (Матренин 2005), с половозрастной принадлежностью похороненных людей продемонстрировала в абсолютном большинстве случаев отсутствие прямой зависимости между обозначенными параметрами. Имеющиеся данные не позволяют выделить конструкции, присущие какой-то одной половозрастной группе для всего гунно-сарматского времени. Корреляция названных показателей отмечена пока только на могильнике Бош-Туу-1, где в погребальных камерах из дерева находились исключительно лица мужского пола (Мамадаков 1990). По отношению к некоторым другим памятникам (Усть-Эдиган, Айрыдаш-1) также наблюдается тенденция некоторого численного преобладания случаев захоронения мужчин в деревянных внутримогильных конструкциях. В целом, различия в устройстве погребальных построек отражали локально-территориальные, этнические и в меньшей степени хронологические особенности похоронной практики «булан-кобинцев». Исключение, наверное, составляют впускные захоронения и погребения, совершенные на уровне древнего

горизонта, появление которых отчасти определялось причинами социального плана. Подобным способом могли, например, хоронить неполноправных членов коллектива (Матренин 2001: 103).

В археологии распространено положение о том, что объем трудозатрат на похоронную церемонию, проявляющийся главным образом в сложности и масштабности погребальной архитектуры, является одним из наиболее устойчивых социодиагностирующих признаков. Данный показатель широко использовался многими исследователями при интерпретации некрополей номадов Восточной части Евразии I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. (Грязнов: 1950; Грач: 1975; Суразаков 1983; Давыдова 1985; Миняев 1985; Матвеева 2000; Марсадалов 2000; Тишкин, Дашковский 2003; Крадин, Данилов, Коновалов 2004; и др.). Судя по имеющемуся материалу, уже начиная с усть-эдиганского этапа в сравнении с предыдущей скифской эпохой, сакрально-социальная значимость размеров погребальных конструкций значительно снижается. Для средневековых кочевников Горного Алтая обозначенная сторона похоронной практики также не играла существенной роли в выражении социальных различий покойных (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А. 2003: 44).

Анализ количественных параметров погребальных сооружений предполагал выделение средних и стандартных значений для наземных и внутримогильных конструкций, а также их взаимную корреляцию. Сопоставление абсолютных и усредненных показателей размеров курганов не позволяло провести их ранжирование на категории малых, средних, больших. Удалось установить, что фиксируемые расхождения в размере и сложности устройства надмогильных построек были обусловлены прежде всего своеобразием погребальных традиций отдельных групп горно-алтайских кочевников II в. до н.э. — V в. н.э. Так, курганы с выкладкой-крепидой круглой (овальной) или прямоугольной в плане формы, средние и стандартные размеры которых составляли 3,9 м, 3,6–4,6 м и 5×4 м, 4×5,2 м соответственно, были высотой до 0,4 м. В свою очередь, объекты с конструкцией в виде многослойной выкладки-стенки прямоугольной или округлой формы имели схожие средние и стандартные размеры насыпи, но отличались большей высотой (среднее значение — 0,6 м). По размерам мужские и женские курганы существенно не отличались между собой и имели стандартные размеры в пределах 3,5–4,5 м, при высоте до 0,35 м. Возрастная градация в параметрах надмогильных конструкций для взрослого населения также не прослеживается. В самом общем виде можно говорить пока только о различиях по данному признаку взрослых и детей, особенно если учесть, что диаметр наземных сооружений во многих случаях задавался контуром могилы. Стандартные размеры курганов детей составляли 2,4–3,8 м. Параметры длины и ширины могильной ямы напрямую определялись ростом умершего человека, положением его на спине, боку с согнутыми или вытянутыми ногами, количеством покойных, отсутствием или наличием сопроводительного захоронения верхового коня, количеством таких животных и вариантом их размещения («в ногах», «сверху», «сбоку») относительно погребенного. Ширина могил взрослых людей обоих полов примерно одинаковая и укладывается в стандартные параметры 0,9–1,5 м. Детские погребения по данному показателю (до 1 м) несколько проигрывали взрослым. Длина могил взрослых людей варьировала от 1,4 до 4 м, при одинаковом стандарте для мужчин и женщин от 1,6 до 2,2 м. Захоронения детей уступали по этому значению примерно в 1,5–2 раза, поскольку рост более 50% индивидов данной половозрастной группы не превышал одного метра. Одним

из критериев половой и возрастной дифференциации умерших людей выступала глубина могильной ямы. Однако использование названного признака как фактора палеосоциологического анализа было допустимо в полном объеме только в рамках отдельных некрополей (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А. 2003: 17, 44), с учетом их хронологии и территориальной локализации⁴. Отмечена тенденция доминирования курганов с малой глубиной (до 0,5 м) для памятников Северного Алтая, особенно на бело-бомском этапе. Для комплексов из Центрального, Восточного, Юго-Восточного Алтая характерно примерно равномерное соотношение захоронений в глубоких (от 1,5 м и больше), средних (от 0,5 до 1–1,5 м) и мелких (до 0,5 м) ямах. Корреляция критерия глубины погребений, разбитых на отдельные группы (до 0,5 м; от 0,5 до 1 м; от 1 до 1,5 м; от 1,5 до 2 и более метров), с половозрастным составом населения выявила устойчивую тенденцию связи детей с малой глубиной ямы, которая не зависела напрямую от их возраста. Стандартные и средние характеристики глубины женских могил были 0,5–1 м и 0,8 м соответственно у номадов Центрального, до 0,5 м при среднем показателе 0,45 м у населения Северного, 1–1,5 м при среднем значении 1,65 м у кочевников Восточного и Юго-Восточного районов рассматриваемой территории⁵. Мужские могилы в среднем превосходили женские на 0,15 м. Возрастная градация данного признака для взрослых лиц обоих полов на имеющейся выборке также не прослеживается.

Поскольку на погребальные сооружения распространялось редистрибутивное право (Савинов 1992), то возведение больших по размерам и сложности построек требовало значительных временных и людских ресурсов, что было под силу только крупным и политически централизованным этнокультурным объединениям. В этой связи, наблюдаемое у носителей булан-кобинской культуры по сравнению с племенами скифского периода сокращение объема различного рода затрат на осуществление процедуры захоронения, на наш взгляд, вызвано целым рядом обстоятельств. Во-первых, изменилась социально-экономическая ситуация и утвердилась новая религиозно-мифологическая концепция. Во-вторых, это было связано с гетерогенным этническим составом населения, а также чересполосным и относительно изолированным проживанием в Горном Алтае во II в. до н.э. — V в. н.э. множества локальных, политически слабо консолидированных родоплеменных коллективов. В-третьих, отразилось зависимое положение номадов рассматриваемой территории от кочевых империй Центральной Азии.

Таким образом, размеры погребальных конструкций населения Горного Алтая гунно-сарматского времени, варьировавшие у разных групп населения, были второстепенными по значимости признаками, отражавшими половую и лишь отчасти возрастную дифференциацию умерших людей. Количественные характеристики сооружений не играли уже существенной роли в выражении социально-имущественного положения покойных, хотя нельзя не отметить, что более «богатые» погребения могли иметь чаще чуть большую глубину, чем основная масса захоронений.

Способы захоронения и погребальный ритуал. Стандарт погребального обряда на всех этапах развития булан-кобинской культуры предусматривал одиночную ингумацию для представителей разных половозрастных групп населения не

⁴ При анализе данного признака здесь и далее в расчет принималась глубина могильной ямы от уровня погребенной почвы.

⁵ Данные о стандартных и средних параметрах глубины могил «булан-кобинцев», проживавших в Северо-Западном (преимущественно это впускные захоронения) и Южном Алтае пока не могут быть определены по причине малочисленности раскопанных в этих районах погребений.

зависимо от их этнического происхождения. Кроме этого нами были учтены 22 (3,74%) парных и восемь (1,36%) коллективных захоронений: 1) одного мужчины и женщины — 4 случая; 2) двух мужчин — 5 случаев; 3) двух детей — 5 случаев; 4) женщины и ребенка — 1 случай; 5) мужчины и двух детей — 3 случая; 6) женщины и двух детей — 2 случая; 7) мужчины и взрослого человека с неустановленным полом — 3 случая; 8) ребенка и одного взрослого человека без половых определений — 2 случая; 9) двух детей и одного взрослого человека с неустановленным полом — 2 случая; 10) мужчины, двух детей и одного взрослого человека с неизвестным полом — 1 случай; 11) двух взрослых людей с неустановленным полом — 2 случая. Вопрос о характере социальных связей покойных, похороненных в одной погребальной камере, до проведения палеогенетического анализа их остеологических останков является открытым.

Такие признаки трупоположения, как поза человека в могиле, ориентация головой относительно сторон горизонта не были вызваны половозрастными и социальными различиями усопших, так как они определялись причинами этно-территориального и хронологического порядка (Матренин 2003).

При социальной интерпретации материалов некрополей Алтая раннего железного века и средневековья в литературе традиционно уделяется особое внимание сопроводительному захоронению лошади или отдельных частей туши этого животного. Захоронение человека с конем и количество таких животных расценивается многими исследователями (Суразаков 1983; Кубарев 1991: 25; Тишкин, Дашковский 1997: 116–117, 2003: 148, 170, 184; Марсадалов 1997, 2000; и др.) в качестве важных показателей половозрастного, социально-имущественного положения и этнического происхождения умерших людей скифской эпохи. Доказательством этнической нагрузки обряда трупоположения человека с лошадью у племен пазырыкской культуры является тот факт, что основная масса подобных свидетельств происходит из «классических» курганов с камерой в виде сруба, с ориентацией покойных головой в восточный сектор в положении на правом боку (Тишкин, Дашковский 2003: 150, 184–195; Степанова 2004: 268, 273, табл. 1) и намного реже встречается в захоронениях с иными формами погребального ритуала. Последние, как правило, достаточно «богатые» и отражают проникновение в высшие слои социальной иерархии общества кочевников 2-й половины I тыс. до н.э. представителей «непазырыкских» групп населения, которые могли составлять так называемую двойную элиту (Першиц 1994: 148).

Широко распространенный на территории Саяно-Алтая в период раннего средневековья обряд по типу ингумации с целой тушей лошади выступает этническим индикатором комплексов тюркской культурной традиции. С верховым конем или заменяющей его овцой хоронили в основном взрослых людей обоих полов не зависимо от их возраста. Социальное содержание данного обычая проявлялось только в числе животных, уложенных в могилу, а также качественно-количественном составе найденных с ними предметами экипировки (Длужневская 1975: 193–200; Горбунова 2003: 110, 112; 2003а: 43–48). В сротскинской культуре Лесостепного Алтая, для которой характерно доминирование в структуре общества тюркского культурного компонента, составлявшего элиту данного образования (Неверов, Горбунов 2001: 177–178; Горбунов 2003: 37–38, 40–42; Горбунова 2003: 110–112, 2004: 18, 19; Кондрашов, 2004: 16, 18, 20–22), погребение с конем являлось этносоциальным критерием.

Опираясь на выявленные нами для памятников Горного Алтая гунно-сарматского времени тенденции территориально-хронологического распределения захоронений в сопровождении верхового коня, данный элемент погребальной практики следует отнести к числу признаков, обусловленных этническими различиями отдельных родовых групп «булан-кобинцев», которыми отчасти могла быть опосредована социальная организация населения рассматриваемого региона во II в. до н.э. — V в. н.э. Среди умерших людей, снабженных конем, абсолютно доминировали (62 (70,45%) из 88 (100%) случаев) мужчины. С этим животным хоронили 27,8% субъектов данного пола. Соотношение мужских захоронений по обряду ингумации с конем и без него приблизительно определялось в следующих пропорциях: 2:1 (63,63 и 33,4%) на усть-эдиганском, 1:5 (16,6 и 83,4%) на бело-бомском и 1,5:1 (58,82 и 41,18%) на верх-уймонском этапах. Захоронений женщин с конем известно всего 12 (10,1%) и их удельный вес по отношению к погребениям без коня с учетом хронологии оказался примерно таким: 1:2 (35,29 и 64,71%) на усть-эдиганском, 1:85 (1,16 и 98,84%) на бело-бомском и 1:2 (33,3 и 66,7%) на верх-уймонском этапах. Половая принадлежность восьми (9,09%) погребений с лошастью не установлена. Зафиксировано всего шесть (5,12%) случаев помещения коня с детьми. Два из них относились к возрастной подгруппе Infant-I, четыре — Infant-II. Данные погребения, безусловно, являлись исключением из общего правила и отражали принадлежность похороненных в них детей к семейно-родовому коллективу с высоким социальным положением и стабильным материальным благосостоянием. Для групп кочевников, практиковавших труположение в сопровождении коня, право снабжения покойных этим животным имели лица обоих полов, начиная с конца подросткового или начала юношеского периода (11–14 лет) вплоть до глубокой старости. Наблюдаемая диспропорция мужчин над женщинами в количестве случаев захоронения с лошадьми, должна объясняться, по-видимому, их разноэтничным происхождением при включенности в общую систему семейно-брачных отношений. Так, на многих могильниках погребения мужчин с конем составляли достаточно корпоративную и малочисленную группу нередко с более привилегированным статусом. Их жены были, вероятно, из иной этнической (родовой) среды и поэтому хоронились без коня. В свою очередь, ситуация относительно равномерного соотношения захоронений с конем для лиц обоих полов, зафиксированная на могильниках Яломан-II (ранний комплекс), Верх-Уймон и Дялян, может свидетельствовать в пользу того, что большинство погребений данных некрополей были оставлены однородным коллективом номадов, в котором могилы без коней принадлежали немногочисленным инкорпорантам с одинаковым (такое было возможно только для женщин) и более низким социально-имущественным положением. Основной массе детей до достижения определенного возраста захоронение с конем вообще не полагалось. Социальная неоднозначность рассматриваемого обряда особенно четко улавливалась по отношению к женщинам, ввиду возможности разного сочетания семейного и этнического факторов, определявших в совокупности их место в общественной иерархии. Высокое и даже незаурядное социальное положение лиц этого пола могло зависеть не от происхождения, а от семейного положения либо от того и другого одновременно. Это выражается в присутствии на некоторых некрополях «бедных», «средних» женских и «богатых» инвентарем мужских погребений с конем, а также не уступающих последним по данному критерию женских захоронений без коня. В связи с этим допустимо утверждать, что погребение человека с лошастью являлось

возрастным и этносоциальным индикатором, значимость которого была неодинаковой для разных половых групп населения Горного Алтая II в. до н.э. — V в. н.э.

Важным аспектом заупокойной обрядности «булан-кобинцев» было сопровождение умерших людей мясной пищей в виде курдюка овцы и реже других частей ее туши (нога, лопатка, позвоночник). Такие свидетельства наиболее часто (59,61%) фиксируются в погребальных объектах усть-эдиганского этапа, независимо от их территориальной локализации. Для других хронологических периодов встречаемость мясной пищи значительно снижается (12,32% во II — 1-й половине IV вв. н.э. и 32,09% во 2-й половине IV — 1-й половине V вв. н.э.), поскольку у многих групп кочевников бело-бомского и верх-уймонского этапов из Северного и в меньшей степени Центрального Алтая рассматриваемый показатель не являлся нормой похоронного ритуала. Наличие мясной пищи характеризует преимущественно мужчин (64 раза — 29,59%): 11 (50%) случаев во II в. до н.э. — I в. н.э.; 27 (16,07%) — во II — 1-й половине IV вв. н.э.; 18 (52,9%) — во 2-й половине IV — 1-й половине V вв. н.э. Для женщин данный признак отмечен 26 (22,03%) раз и его динамика на указанных хронологических этапах была такой: 12 (70,58%), девять (10,46%) и 5 (33,3%) случаев. У детей мясная пища содержалась примерно в 1,5–2 раза реже (18 случаев — 15%), чем у взрослых, что соответственно этапам выглядит так: восемь (61,5%), семь (7,36%) и три (23,07%). Костей овцы были лишены почти всегда (93,3%) младенцы и дети до трех лет. Они встречаются с примерно одинаковой частотой в могилах возрастных подгрупп 3–6 и 7–14 лет. Таким образом, мясная пища выступала преимущественно возрастным (для детей) и отчасти половым (для взрослых) индикатором, разумеется, с той поправкой, что данная черта погребальной практики не являлась традицией для всего булан-кобинского населения.

Остальные элементы похоронного ритуала («подушка» в головах покойных, следы огня (угли, прокалы от кострищ) в насыпи, погребальной камере, за пределами захоронения, остатки поминальной тризны, подстилка под умершим человеком, остатки повозок, искусственная мумификация трупов) в своем большинстве не превышают барьер единичности и не являются в широком смысле социальными маркерами. Исключение, очевидно, могут представлять околмогильные сооружения в виде каменных столбиков, обнаруженные главным образом у курганов с захоронениями мужчин.

На основании проведенного анализа мы пришли к выводу, что размеры конструкций могил, сопроводительные захоронения верховых коней и мясная пища могут считаться второстепенными по социальной значимости характеристиками погребального обряда носителей булан-кобинской культуры. Они отражают в основном половую и/или возрастную дифференциацию умерших людей, а также в определенной мере их этнические различия.

Сопроводительный инвентарь был главным критерием половозрастной, социально-имущественной, профессиональной стратификации населения Горного Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. (Матренин 2004: 41)⁶. Для проведения его качественной и количественной оценки вся совокупность найденных в погребениях вещей нами

⁶ К сожалению, в виду фрагментарности антропологических определений и из-за их сомнительности, в большинстве случаев отнесение многих взрослых захоронений к мужскому или женскому (с определенной долей вероятности ошибки) было основано именно на составе обнаруженного инвентаря.

была разделена по своему функциональному назначению на отдельные предметные комплексы, включавшие несколько видов, категорий и типов изделий.

I. Вооружение и воинское снаряжение: 1) оружие дистанционного боя: сложносоставные луки с костяными или роговыми накладками, стрелы с железными наконечниками; 2) оружие ближнего боя: длиннорезвийные ножи, кинжалы, чеканы и их модели, мечи; 3) оружие таранного удара: копьа; 4) защитные доспехи: пластинчатые панцири из железа; 5) снаряжение: колчаны, ножны, стрелковые пояса.

II. Украшения и предметы костюма. 1) пояса: простые (обычная пряжка (бронзовая, железная, костяная), ложечковидная застежка (бронзовая), застежка-пронизь (костяная), ажурная пряжка (бронзовая); наборные (портупейные кольца (бронзовые, железные), бляхи (бронзовые, железные), цельные пластины-накладки (железные), ажурные бляхи-накладки (бронзовые), наконечники ремней (бронзовые, железные)); 2) предметы головного убора и прически: маленькие бляхи-нашивки и бляхи-подвески полусферические, ромбические, прямоугольные (каменные, костяные, бронзовые, золотые, серебряные), крупные полусферические бляхи-нашивки (бронзовые, золотые), пластины с орнаментом (бронзовые, золотые), диадемы (бронзовые, железные), бубенцы (бронзовые), пронизи (бронзовые), булавки (костяные, бронзовые, железные), бусы-бисер (каменные, стеклянные), наконечники (костяные трубочки, бронзовые и железные обкладки, бронзовые подвески), серьги (бронзовые, золотые, серебряные); 3) украшения и аксессуары верхней одежды: маленькие бляхи-нашивки и бляхи-подвески полусферические, ромбические, прямоугольные (каменные, костяные, бронзовые, золотые, серебряные), крупные полусферические бляхи-нашивки (бронзовые), подвески-колокольчики (бронзовые, золотые), пронизи (бронзовые), гривны (бронзовые, золотые, серебряные, комбинированные), кольца (серебряные), застежки (железные, бронзовые, каменные, костяные), раковины каури, подвески (клыки, костяные зооморфные изделия с орнаментом), бусы-бисер.

III. Бытовые предметы: 1) предметы туалета: зеркала (из цветного металла), гребни (костяные); 2) посуда: сосуды (керамические, деревянные, медные и железные котлы), блюда (деревянные), чашки, кружки (деревянные, кожаные); 3) футляры: трубочки-игольники (роговые), пеналы (деревянные) сумочки (кожаные, берестяные).

IV. Предметы культа: алтарики-курильницы (каменные), «фишки» (деревянные).

V. Орудия труда: стрелы с костяными наконечниками, коротколезвийные ножи (железные, деревянные модели), пряслица (глиняные, костяные), шилья (костяные, железные), кресала, тесла-топоры (железные), песты (каменные), оселки (каменные), рыболовные крючки (костяные), нагайки (роговые рукоятки).

VI. Снаряжение верхового коня: 1) узда: удила (железные), псалии (деревянные, роговые, железные), пряжки (железные, костяные), маленькие бляхи-подвески и накладки (бронзовые, железные), крупные бляхи-погремушки (бронзовые), распределители ремней (бронзовые, железные), пронизи и блоки (костяные), подвески (костяные); 2) седло: подпружные пряжки (роговые, железные), блоки от ремней (роговые), цурки (роговые), части седла (деревянные).

Отправной точкой анализа инвентаря был метод сопряженных групп, базирующийся на признании тезиса, что все зафиксированные в конкретном захоронении предметы существуют только в системной взаимосвязи единиц, отражающей их

смысловое единство (Кондрашов 2004: 17). Использование данного метода, являющегося, на наш взгляд, более или менее объективным критерием оценки социального веса всех показателей погребального инвентаря, предполагало выполнение двух уровней операций: 1) выявление тенденций и закономерностей корреляции категорий инвентаря, входящих в состав отдельных предметных комплексов; 2) установление особенностей взаимной встречаемости вещей, относящихся к разным комплексам. Результатом его применения станет определение всех возможных количественных и качественных комбинаций изделий и выделение на основе этого наиболее устойчивых по сочетанию комплектов вещей, которые характеризуют статус похороненных с ними людей в разных типах общественных подсистем⁷.

Вооружение и воинское снаряжение отмечено только в пяти (4,16%) детских захоронениях бело-бомского этапа (5,26%) и представлено набором, состоящим всегда из одной категории в четырех (3,4%) случаях с 1–2 железными наконечниками стрел (4,21% — II–I-я половина IV вв. н.э.), в одном (0,85%) случае боевым ножом или кинжалом (1,05% — II–I-я половина IV вв. н.э.). С оружием хоронили детей 3–6 (три человека) и 12–13 лет (один человек). Возраст одного ребенка не установлен. Присутствие вооружения вполне определенно указывает на высокое социальное положение этих детей, которое было обусловлено не возрастом, а происхождением и, вероятно, в меньшей степени индивидуальными особенностями их физиологического развития.

Предметы вооружения у женщин зафиксированы 16 раз (13,67%) и преимущественно в памятниках бело-бомского (14,6%) этапа⁸. В женских погребениях встречались: луки — четыре (3,4%) случая (4,65% — II–I-я половина IV вв. н.э.), железные наконечники стрел — семь (5,93%) случаев (8,13% — II — I-я половина IV вв. н.э.), кинжалы — три (2,54%) случая (3,48% — II–I-я половина IV вв. н.э.), панцирные пластины — два (1,7%) случая (11,76% — II в. до н.э. — I в. н.э.), колчаны — два (1,7%) случая (2,32% — II–I-я половина IV вв. н.э.). У преобладающего большинства женщин имелось по одному предмету, и только два раза обнаружены наборы, состоящие из нескольких категорий: 1) лук и железные наконечники стрел; 2) железные наконечники стрел и боевой нож. Нахождения оружия в этих захоронениях следует рассматривать, с одной стороны, как подношение супруга, а с другой, как результат участия некоторых представительниц «слабого» пола в военных действиях или выполнения определенных хозяйственных функций, являвшихся приоритетными для взрослых мужчин. Последнее для кочевого общества представляется вполне естественным, учитывая, что значительная часть мужчин боееспособного возраста часто могла быть задействована в военных операциях.

⁷ Ограниченность антропологических выкладок затрудняла в полном объеме выделить комплекты вещей, характерные для представителей отдельных возрастных подгрупп взрослой части палеопопуляции.

⁸ Наличие обозначенных сведений в женских погребениях вызывает у исследователей проблему их объяснения и в том числе подводит к закономерной постановке вопроса о достоверности результатов антропологических определений, по крайней мере, для половины таких ситуаций. В нашем случае особого внимания требует могильник Кок-Паш. Ни сколько не сомневаясь в профессионализме А.Р. Кима, все же трудно допустить интерпретацию воинских погребений этого некрополя, в первую очередь с мечами, кинжалами, доспехами, наборными поясами, обилием железных наконечников стрел (Васютин А.С., Васютин С.А.: 1997) как женских, особенно на фоне «бедности» оружием большинства мужчин. В этой ситуации, скорее всего, имеет место ошибка, допущенная в ходе обработки материалов, тем более, если учесть множество фактических несоответствий в распределении инвентаря по отдельным могилам в полной публикации данного памятника (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А. 2003).

Предметы вооружения были характерны почти исключительно (75%) для женщин юного и возмужалого возраста.

Оружие и связанная с ним экипировка были главными атрибутами абсолютного большинства мужчин (184 случая — 82,5%) и помещались в 18 (81,8%) захоронениях на раннем, в 132 (78,57%) на развитом и в 24 (70,58%) на позднем этапах булан-кобинской культуры. Значительная часть (80,7%) артефактов этого предметного комплекса приходилась на средства ведения дистанционного боя в виде луков (131 случай — 58,74%) и железных наконечников стрел (134 случая — 60%)⁹. Частота встречаемости названных категорий на протяжении гунно-сарматского периода оставалась стабильно высокой: 77,27% и 40,9% соответственно во II в. до н.э. — I в. н.э.; 57,73% и 57,14% во II — 1-й половине IV вв. н.э.; 50% и 85,29% во 2-й половине IV — 1-й половине V вв. н.э. Количество наконечников стрел в колчанах варьирует от 1 до 32 и в среднем составляет 2–4 экз. В исключительных случаях (в основном на верх-уймонском этапе) имелось более 10 стрел. Примерно у трети мужчин (73 случая — 32,7%) обнаружено оружие ближнего боя, что, безусловно, свидетельствует о его ценности. Преимущественно (30,9%) это были боевые ножи или кинжалы, которые прослежены в шести (27,27%) захоронениях II в. до н.э. — I в. н.э., 46 (27,38%) — II — 1-й половины IV вв. н.э., 17 (50%) — 2-й половины IV — 1-й половины V вв. н.э.). Заметно реже в могилах находились защитные доспехи — девять (4,93%) случаев (26,47% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), мечи — восемь (3,58%) случаев (4,54% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 0,59% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 17,64% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), копьа — три (1,34%) случая (0,59% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 5,8% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), чеканы — один (0,44%) случай (4,54% — II в. до н.э. — I в. н.э.). За исключением ножен предметы воинской амуниции немногочисленны и представлены 21 (9,41%) стрелковым поясом (4,54% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 7,14% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 23,52% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), восемью (3,58%) колчанами (4,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 2,94% — 2-я половина IV–1-я половина V вв. н.э.). Анализ взаимной встречаемости вооружения показал, что наборы из одной категории (28,57%) представлены в основном луками (54,16%) или стрелами с железными наконечниками (43,75%), в одном случае (2,32%) копьем; наборы из двух (38,09%) категорий — сочетанием лука и стрел с железными наконечниками (73,43%), реже железных наконечников, боевого ножа или кинжала (15,62%), в исключительных случаях лука, боевого ножа или кинжала (6,25%), стрел и доспеха (4,68%). Наборы из трех (29,76%) и четырех (3,57%) категорий характеризуются доминированием встречаемости луков, железных наконечников, боевых ножей (85,71%), а также менее многочисленными комбинациями, в которые входили мечи (14,28%), доспехи (7,14%), копьа (3,57%), чеканы (1,78%). Показательно, что доспехи и боевые ножи (кинжалы) содержались в погребениях с двумя и более категориями, а чеканы, мечи, копьа — в могилах с

⁹ Во многих мужских могилах находились наконечники стрел, изготовленные из кости или рога. То обстоятельство, что они значительно уступали железным изделиям по абсолютным процентным показателям и по встречаемости в колчаных наборах не является случайным. Надо полагать, что сфера использования костяных наконечников гунно-сарматское время существенно изменяется, так как их применение в бою в условиях распространения с III–II в. до н.э. и особенно с середины IV в. н.э. железных доспехов стало малоэффективным. Более правильным будет классифицировать костяные наконечники как орудия охоты, конечно полностью не исключая возможности их применения также и в военных целях, например, против слабо защищенного противника.

не менее чем тремя наименованиями предметов. Наиболее частым было сочетание луков со стрелами (58,3%), а также железных наконечников с боевыми ножами или кинжалами (35,1%).

В целом, на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. социальная престижность предметов рассматриваемого комплекса не менялась. На основе имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных антропологических данных закономерности в снабжении отдельными видами и категориями боевых средств лиц разного возраста не наблюдается. Правда, замечено, что если лук и стрелы сопровождали большинство мужчин на всех этапах жизненного цикла (начиная с 14–16 и до 45–55 лет), то доспехи и мечи не встречены в могилах юношей, в которых также несколько реже находятся боевые ножи и кинжалы. Разница в составе воинских наборов внутри подгрупп возмужалых и зрелых мужчин не была связана с возрастом и демонстрировала профессиональное состояние и персональные воинские заслуги покойных. Возрастной принцип, вероятно, в большей степени проявлялся по отношению к погребениям пожилых людей, отражением чего являлось некоторое сокращение количества оружия, отсутствие доспехов. В тоже время отдельная часть этих индивидов продолжала хорониться с оружием, что отражало их особый статус и после смерти.

Украшения и предметы костюма обнаружены с 50 (42,73%) детьми, из которых к усть-эдиганскому, бело-бомскому, верх-уймонскому этапам относятся соответственно десять (76,92%), 33 (34,73%) и шесть (46,15%) человек. Этот предметный комплекс у детей в целом характеризуется доминированием бус — 26 (22,2%) случаев (46,1% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 21% — II — I-я половина IV вв. н.э.). Остальные виды и категории изделий представлены поясами (простыми с обычной пряжкой и четыре раза наборными) — 19 (16,23%) случаев (15,38% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 13,68% — II — I-я пол. IV вв. н.э.; 30,76% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), металлическими (бронзовыми, иногда золотыми) бляхами-нашивками и подвесками на верхнюю одежду — 17 (14,5%) случаев (23,07% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 11,57% — II — I-я половина IV вв. н.э.; 15,38% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), головными уборами с металлическими (с золотыми, реже бронзовыми маленькими бляхами-нашивками, иногда железными булавками и бронзовыми наконечниками) — 11 (9,4%) случаев (46,1% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 5,26% — II — I-я половина IV вв. н.э.) и каменными (бляхи, бусы) — один (0,85%) случай (1,05% — II — I-я половина IV вв. н.э.) украшениями, костяными подвесками, раковинами, каменными бляхами — девять (7,69%) случаев (9,47% — II — I-я половина IV вв. н.э.; 6,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), серьгами (бронзовыми, редко золотыми) — девять (7,69%) случаев (15,38% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 3,15% — II — I-я половина IV вв. н.э.; 30,76% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), гривнами (бронзовыми) — пять (4,27%) случаев (5,26% — II — I-я половина IV вв. н.э.).

Распределение погребений с одной, двумя, тремя, четырьмя, пятью и более категориями украшений и костюма выглядит по нисходящей как 48%, 28%, 14%, 8%, 2% соответственно и имеет некоторую зависимость от возраста. Так, детям до трех лет украшения и предметы костюма не полагались. Единственный случай, когда с ребенком 1,5 лет находился головной убор с одной золотой бляхой-нашивкой, свидетельствует о материальной обеспеченности и незаурядном социальном статусе его родителей. Видовой и количественный параметры данного вещевого

комплекса детей 4–10 лет имеют высокую степень сходства, хотя в то же время отличаются определенной вариативностью. С одной стороны, выделяются могилы с одним предметом из разряда массовых и невыразительных (бусы, пронизи), а с другой, — захоронения с одной, двумя, очень редко тремя и более категориями в виде простых и наборных поясов, серег, колокольчиков, металлических блях-нашивок, гривен. Достаточно большую группу детей этого возраста хоронили без перечисленных предметов. Описанные расхождения обусловлены отдельным или совокупным влиянием полового, возрастного и социально-имущественного факторов. Наибольшей многочисленностью и разнообразием, но вместе с тем и неустойчивостью характеризуется состав украшений и предметов костюма у лиц 11–14 лет, что вызвано переходным характером обозначенного этапа жизненного цикла, завершение которого знаменовалось получением подростками статуса юношей. В половине случаев у подростков наборы инвентаря не отличались от детей 4–10 лет и представлены одним (бусы, иногда подвески, маленькие металлические бляхи, простые пояса), реже двумя наименованиями предметов (пояс, бусы). У остальных 50% подростков, напротив, фиксируются наряду с ранее известными новые типы изделий (накосники, булавки), которые входят в наборы из трех, четырех и более категорий. Данная ситуация, как мы полагаем, отражает одновременное прохождение детьми обряда инициаций, а также их неодинаковое социально-имущественное происхождение. В целом, у детей 11–14 (15) лет примерно в два раза чаще (23,07%) встречены головные уборы с металлическими украшениями, отмечены накосники и случаи увеличения количества поясов (47,05%). Демонстрируется более четкая половая дифференциация. Интересно, что характер украшений и предметов верхней одежды некоторых девочек-подростков максимально сопоставим с наборами взрослых женщин, что, вероятно, указывает на их более ранний переход во взрослое состояние в связи с включением в семейно-брачные отношения (Матренин 2004а: 84).

Преобладание украшений и предметов, связанных с костюмом, характерно для погребального обряда женщин в течение всего рассматриваемого периода. Наиболее многочисленная серия этих находок относилась к украшениям головы и прически. Именно для женщин массовыми (63 случая — 53,8%) являлись головные уборы с металлическими украшениями, среди которых по частоте встречаемости на первом месте оказались маленькие бляхи-нашивки и подвески — 35,59%, зафиксированные на всех этапах гунно-сарматского времени (76,47% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 26,74% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 40% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.). Далее шли серьги — 27 (23%) случаев (70,5%; 12,79%; 26,6% — здесь данные представлены в соответствии с указанными хронологическими рамками), а затем накосники — 19 (16,23%) случаев (20,93% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 6,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), диадемы — 12 (10,25%) случаев (11,62% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 13,3% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.) и пронизи — девять (7,69%) случаев (10,46% — II — 1-я половина IV вв. н.э.). Еще реже зафиксированы бубенцы — четыре (3,41%) случая (4,65% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), крупные бляхи-нашивки — четыре (3,41%) случая (17,64% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 1,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), пластины с орнаментом — пять (4,27%) случаев (29,41% — II в. до н.э. — I в. н.э.), булавки — один (0,85%) случай (1,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.). На усть-эдиганском этапе металлические украшения были преимущественно из зо-

лота, тогда как на бело-бомском и верх-уймонском этапах они изготавливались в основном из бронзы и иногда из железа. В четырех (3,41%) могилах были головные уборы с каменными и (или) костяными предметами: бляхи и бусы — три (2,56%) раза (3,48% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), булавки и наконечники — один (0,85%) раз (1,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.).

Одной из распространенных категорий украшений верхней одежды женщин являлись бусы-бисер — 55 (47%) случаев (64,7% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 43% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 41,17% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), а также металлические бляхи-подвески и нашивки — 18 (15,38%) случаев (11,76 — II в. до н.э. — I в. н.э.; 15,1% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 20% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.). Реже прослежены другие типы вещей: костяные и роговые подвески — 11 (9,4%) раз (9,3% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 20% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), раковины-каури — десять (8,47%) раз (8,53% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 15,7% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), гривны — девять (7,69%) раз (8,13% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 13,3% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), бубенцы — четыре (3,41%) раза (11,76 — II в. до н.э. — I в. н.э.; 2,32% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), металлические пронизи — четыре (3,41%) раза (4,65% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), каменные и роговые застежки — два (1,7%) раза (1,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 6,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), металлические пряжки от обуви и кольца — один (0,85%) раз (5,8% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 6,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.). Начиная с бело-бомского этапа, когда, видимо, окончательно закрепилось половое разделение предметов рассматриваемого комплекса, сугубо женскими украшениями являлись диадемы, наконечники, бляхи-нашивки, булавки.

У 66 (56%) похороненных женщин были помещены основные пояса: простые (24,78%) и наборные (18,8%)¹⁰. На усть-эдиганском этапе доминировали (71,4%) простые пояса с обычными (железными, бронзовыми), иногда ажурными (бронзовыми) пряжками. Наборные пояса встречались заметно реже (11,76%) и имели garnитуру в виде колец. На бело-бомском и верх-уймонском этапах частота нахождения простых и наборных поясов составляла соответственно 29% и 16,27% во II — 1-й половине IV вв. н.э.; 0% и 40% во 2-й половине IV — 1-й половине V вв. н.э. Для памятников II в. до н.э. — I в. н.э. удельный вес снабжения поясами характеризуется наименьшим показателем (29,4%). Их присутствие в погребении было всегда знаком более высокого социально-имущественного положения покойных. Захоронения женщин с поясами являлись нормой погребальной практики «булан-кобинцев» во II — V вв. н.э. (прослежены с 60,39% лиц этого пола). Поэтому социальная престижность пояса несколько изменилась. Значение в таком случае приобретали только особенности поясной garnитуры.

У погребенных женщин наблюдается максимальная неоднородность в наборах украшений. Определить для них доминирующие комбинации признаков достаточно сложно. В целом, могилы с одной, двумя, тремя, четырьмя, пятью и более категориями в количественном отношении варьируют между собой незначительно и составляют 22%, 13%, 21%, 21%, 23% соответственно. Наборы, состоявшие из одного предмета, были представлены обычно поясами, бусами, костяными подве-

¹⁰ Характер поясной garnитуры был установлен в 70% могил взрослых людей. При этом приблизительно для трети этих случаев количественный и качественный состав категорий наборных поясов не был идентифицирован в полном объеме.

сками и крайне редко металлическими бляхами-нашивками на верхнюю одежду. Наборы из двух категорий отличаются от предыдущего более частым присутствием металлических блях-нашивок и подвесок на головной убор, иногда наконечников, в редких случаях серег, гривен, диадем. Для комплектов из трех категорий более многочисленными становятся случаи снабжения серьгами, бубенцами, возрастает количество украшений. Наборы, полученные на основе сочетания четырех, пяти и более категорий характеризуются увеличением удельного веса металлических блях и подвесок, являвшихся украшениями головных уборов, а также наконечников и гривен, диадем. О возрастной дифференциации женской серии на имеющемся антропологическом материале говорить пока не приходится.

Украшения имелись в 57 (25,56%) мужских погребениях, из которых 13 (59%) отнесены к усть-эдиганскому, 28 (16,6%) бело-бомскому и 17 (50%) верх-уймонскому этапам. Процентное соотношение данных свидетельств было следующим: головные уборы с металлическими бляхами-нашивками — 13 (5,82%) случаев (59% — II в. до н.э. — I в. н.э.), серьги — шесть (2,69%) случаев (18,18% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 1,19% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), маленькие металлические бляхи-нашивки и подвески на верхнюю одежду — четыре (1,79%) случая (1,78% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 2,94% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), пронизи — пять (2,24%) случаев (2,38% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 2,94% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), костяные и каменные подвески, раковины — девять (4,03%) случаев (4,54% II в. до н.э. — I в. н.э.; 3,57 — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 5,8% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), бусы — 19 (8,52%) случаев (4,54% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 7,14% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 17,64% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), гривны — шесть (5,12%) случаев (4,54% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 0,59% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 11,76% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), крупные металлические бляхи на одежде — один (0,44%) случай (2,9% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.). Присутствие в мужских захоронениях головных уборов с металлическими украшениями в виде маленьких блях-нашивок (золотых, реже бронзовых) отмечено исключительно на усть-эдиганском этапе и не являлось индикатором незаурядного социального статуса их владельцев (значение имел только количественный фактор). Достаточно редко в мужских могилах встречались каменные или костяные застёжки — 12 (5,38%) случаев (9,09% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 2,97% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 17,64% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), металлические застёжки для обуви — два (0,89%) случая (9,09% — II в. до н.э. — I в. н.э.).

Обязательным элементом костюма мужчины-кочевника был пояс. Пояса и их остатки происходят из 152 (68,16%) захоронений и с примерно с одинаковой частотой фиксируются на усть-эдиганском (72,72%), бело-бомском (67,26%) и верх-уймонском (67,64%) этапах. Для мужчин обнаруживается тенденция некоторого численного преобладания наборных поясов (39,46% или 57,8% поясов), которые получили максимальное значение своего распространения во 2-й половине IV — 1-й половине V вв. н.э. Во II в. до н.э. — I в. н.э. преобладали наборные пояса с обычной (бронзовой, железной) пряжкой, ложечковидной застёжкой и двумя крепежными кольцами, а во II — V вв. н.э. — с различной функционально-декоративной гарнитурой. На развитом и позднем этапах булан-кобинской культуры по сравнению с ее ранним периодом детали поясной гарнитуры были почти всегда выполнены из железа и крайне редко из бронзы. С учетом сделанных наблюде-

ний, можно утверждать, что состав поясной гарнитуры опосредованно отражал определенный уровень социального неравенства людей данного пола, в том числе, различия субъективного плана.

Для мужчин отмечено доминирование наборов украшений и предметов костюма из одной категории (69,56%), в которые входили преимущественно пояса или бусы. В наборах из двух категорий (22,98%) ведущими были следующие комбинации: 1) пояса, маленькие металлические бляхи-нашивки на головной убор; 2) пояса, бусы; 3) пояса, металлические пронизи и подвески; 4) пояса, застёжки. 4) гривны, пояса. Комплекты, включавшие в свой состав три и более категорий (7,45%), отмеченные главным образом для памятников II в. до н.э. — I в. н.э., не имели господствующих сочетаний предметов, однако отличались преобладанием маленьких блях-нашивок на головной убор, поясов, серег, бус. Возрастная дифференциация в качественно-количественном характере предметов костюма и украшений у мужчин не выражена.

Бытовые предметы наиболее малочисленны (16 случаев — 13,3%) в сопроводительном инвентаре детей. Они выявлены в восьми (61,53%) захоронениях усть-эдиганского, шести (6,52%) бело-бомского и двух (13,3%) верх-уймонского этапов. Названный предметный комплекс имеет следующие особенности в распределении образующих его видов и категорий изделий: керамическая посуда — девять (7,69%) раз (53,84% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 2,1% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), деревянная посуда — шесть (5,12%) раз (7,69% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 4,21% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 7,69% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), зеркала — три (2,56%) раза (23% — II в. до н.э. — I в. н.э.), гребни — один (0,85%) раз (7,69% — II в. до н.э. — I в. н.э.), игольники — два (1,7%) раза (2,1% — II — 1-я половина IV вв. н.э.). Бытовые предметы неизвестны у 93,4% детей до трех лет (лишь в одном случае у ребенка этого возраста обнаружен керамический горшок) и встречаются в примерно одинаковой пропорции в захоронениях остальных возрастных подгрупп 4–10 и 11–14 лет. У детей не зависимо от возраста имелись наборы преимущественно из одной (62,5%) реже (37,5%) двух категорий вещей, представленных преимущественно неметаллической посудой.

Предметы бытового назначения характеризуются примерно схожими показателями у лиц обоих полов (мужчины — 25,1%; женщины — 27,35%), соотношение которых, однако, было неодинаковым в течение всего рассматриваемого времени. На усть-эдиганском этапе по числу случаев захоронения с бытовыми предметами доминировали женщины (88,2% против 31,8% мужчин), на бело-бомском и верх-уймонском этапах численное преобладание мужчин (22,6% против 15,1% женщин во II — 1-й половине IV вв. н.э.; 32,35% мужчин и 20% женщин во — 2-й половине IV — 1-й половине V вв. н.э.)¹².

По отношению к женщинам наиболее часто практиковалось помещение в могилу керамической посуды — 13 (11,1%) раз (52,9% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 4,65% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), гребней — девять (7,69%) раз (17,64% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 5,81% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 6,6% — 2-я пол. IV — 1-я половина V вв. н.э.), зеркал — 12 (10,25%) раз (52,9% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 3,48% — II — 1-я половина IV вв. н.э.). Судя по самой большой на сегодняшний

¹² Малочисленность погребений II–V вв. н.э., содержащих бытовые предметы, объясняется главным образом редкостью снабжения умерших людей посудой (прежде всего в Северном Алтае), на которую приходилась значительная часть категорий данного вещевого комплекса.

день коллекции керамики, полученной при раскопках могильника Усть-Эдиган (Худяков 1998: 207–208), у женщин заметно чаще находились сосуды баночной формы с орнаментом, а у мужчин преобладали горшки, лишённые орнаментации. В женских могилах крайне редко находилась деревянная и кожаная посуда — пять (4,27%) случаев (23,52% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 2,94% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), металлические котлы — один (0,85%) случай (5,88% — II в. до н.э. — I в. н.э.), игольники — четыре (3,41%) случая (3,48% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 6,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.) и другие футляры. Чистыми атрибутами женского инвентаря выступали зеркала и гребни. При этом данные элементы туалета отражали одновременно высокий социальный статус их владельцев и пользовались социальным престижем у «булан-кобинцев» в течение всего гунно-сарматского времени, так как они прослежены у достаточно небольшой группы людей этого пола. В 75% женских захоронений находилось по одной категории бытовых предметов. В исключительных случаях набор состоял из двух (12,5%), трех (6,25%) и четырех (6,25%) наименований вещей, представленных в самых различных комбинациях. Возрастные предпочтения в качественно-количественном составе рассматриваемого комплекса не выявлены.

В мужских погребениях содержались в основном посуда — 27 (12,1%) случаев (36,36% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 7,73% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 17,64% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.) и игольники — 30 (13,45%) случаев (14,28% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 17,64% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.). Для мужчин наиболее многочисленной (22 случая — 9,86%) выглядит деревянная посуда и реже (пять случаев — 2,24%) встречена керамическая, которая характерна только для раннего этапа (23,8%) булан-кобинской культуры. Последний факт, очевидно, отражает сохранение вплоть до начала I тыс. н.э. некоторых норм заупокойной обрядности предыдущей эпохи. Другие вещи фиксируются достаточно редко. Металлическая посуда отмечена два (0,89%) раза, пеналы, сумочки — два (0,89%) раза и гребни — один (0,44%) раз. Количество мужских захоронений с одной, двумя, тремя и более категориями бытовых предметов насчитывает 88,13%, 10,1% и 1,69% соответственно. Корреляцию между количественно-качественным характером бытовых предметов и возрастом мужчин на имеющемся материале проследить пока не возможно.

Предметы культа традиционно вызывают большую сложность при их выявлении в археологическом материале. В погребениях булан-кобинской культуры к ним, на наш взгляд, с определенной долей условности можно отнести каменную «курильницу», обнаруженную в одном женском погребении II в. до н.э. — I в. н.э., а также «гадальные фишки», найденные в мужском захоронении 2-й половины IV — 1-й половины V вв. н.э. Оба кургана с такими находками были исследованы на могильнике Яломан-II (Тишкин, Горбунов 2003: рис. 1).

Орудия труда обнаружены у 213 (46,6%) умерших людей и имеют самый высокий (59,67%) показатель снабжения субъектов всех половозрастных групп на верх-уймонском этапе. Для бело-бомского периода их встречаемость составила 33,51%, а для усть-эдиганского — 13,46%.

В погребения детей орудия труда помещались в четверти (29 раз — 24,78%) случаев (15,38% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 22,1% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 46,15% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), так как большая часть ребят до достижения определенного возраста была полностью исключена из производ-

ственного процесса. Зафиксированные изделия представлены всего тремя наименованиями: ножи — 24 (20,51%) случая (15,38% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 17,8% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 38,46% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), пряслица — три (2,56%) случая (2,1% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 7,69% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), оселки — один (0,85%) случай (1,05% — II — 1-я половина IV вв. н.э.). Известен пока только один случай нахождения ножа с ребенком до трех лет. Для детей в возрасте 3–6 и 7–10 лет ассортимент орудий труда и частота их встречаемости одинаковы. Последняя определяется как 31,2% и 28,57% соответственно. С 7 лет в инвентаре отмечены пряслица. Наконец, в захоронениях индивидов 11–14 лет показатель наличия орудий имеет наибольшее значение — 38,46%. Несмотря на выявленную динамику, у абсолютного большинства детей не зависимо от их разной возрастной принадлежности имелось по одному предмету. Лишь в одном случае у девочки-подростка 10–14 лет был зафиксирован набор из двух орудий: нож и пряслице.

Орудия труда отмечены у 46 (39,31%) погребенных женщин (23,52% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 40,69% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 66,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.) и были представлены в 40 (34,18%) случаях ножами (11,76% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 32,5% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 66,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), в 12 (10,25%) — пряслицами (11,76% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 6,97% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 26,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), в пяти (4,27%) — костяными наконечниками стрел (4,65% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 7,69% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), в двух (1,7%) оселками (13,3% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), в одном (0,85%) пестами, (1,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), рыболовными крючками (6,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), нагайками (1,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.), заступами (6,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.). Стоит предположить, что пряслица и песты были присущи именно для лиц женского пола. Орудия труда в женских погребениях характеризуются большой однородностью и преобладанием наборов из одной (67,39%), реже (23,92%) двух (в 66,6% случаев это нож и пряслице) и крайне редко (4,34%) трех (пряслице, оселок, заступ) категорий.

Орудия труда находились в 92 (41,25%) мужских захоронениях (31,81% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 54,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 67,64% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.). Основная масса этих предметов приходилась на ножи — 92 (41,25%) случая (4,76% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 41,6% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 61,76% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), костяные наконечники стрел — 92 (41,25%) случая (28,57% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 38% — II — 1-я половина IV вв. н.э., 50% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.) и шилья — 11 (4,93%) случая (4,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 11,76% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.). К другим, менее многочисленным категориям, связанных с производственной деятельностью, относились оселки и тесла (три случая — 1,34%), топоры и кресала (один случай — 0,44%). Типично мужскими орудиями, вероятно, следует считать костяные наконечники стрел, шилья, топоры, тесла, кресала. Несмотря на то, что железные ножи являлись общими для всех половозрастных групп, они все-таки чаще находились именно у мужчин. По разбросу возможных комбинаций орудий труда мужские могилы отличаются наибольшей вариативностью, хотя среди них преобладают (70,28%) наборы из одного предмета.

Комплекты, образованные путем сочетания двух, трех, четырех категорий вещей составляли 32,6%, 6,25%, 1,44% соответственно. Таким образом, у взрослых людей орудия труда отражали распределение половых функций в хозяйственной сфере, а по отношению к детям они являлись индикаторами возрастных, половых и социально-имущественных отличий.

Снаряжение верхового коня представлено в 57 (12,47%) захоронениях, из которых 13 (25%) отнесено к усть-эдиганскому, 17 (4,87%) к бело-бомскому и 27 (43,5%) верх-уймонскому этапу. В 83,3% случаев оно обнаружено в погребениях по обряду ингумации в сопровождении лошади. При этом, если во II в. до н.э. — I в. н.э. для изготовления декоративной гарнитуры узды использовалась бронза, то во II — V вв. н.э. основным материалом стало железо.

Наименее малочисленны (шесть случаев — 5,12%) предметы конской амуниции в детских могилах, из которых одна (7,69%) датируется II в. до н.э. — I в. н.э., две (2,1%) — II — 1-й половиной IV вв. н.э., три (23%) — 2-й половиной IV — 1-й половиной V вв. н.э. Снаряжение лошади было представлено в шести (5,12%) случаях удилами и (или) псалиями, в двух (1,7%) — седлами, в одном (0,85%) — маленькими уздечными бляхами. С данными категориями хоронили детей старше трех лет: 4–6 лет (три раза); 7–10 лет (два раза); 11–14 лет (один раз). В целом, наличие и состав элементов конского снаряжения в захоронениях детей не зависели от возрастного фактора, а определялись социальным и этническим происхождением их родителей.

Снаряжение верхового коня присутствовало только у десяти (8,5%) женщин: четырех (23,52%) на раннем, одной (1,16%) на развитом, пяти (33,3%) на позднем этапах булан-кобинской культуры. По частоте встречаемости в захоронениях лиц этого пола на первом месте находились удила и (или) псалии — десять (8,5%) случаев (23,52% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 1,16% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 33,3% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), на втором — предметы уздечной (11,76% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 20% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.) и седельной (5,8% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 26,6% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.) гарнитуры — пять (4,27%) случаев: уздечные пряжки (2,56%), маленькие бляхи-подвески (2,56%), распределители (1,7%), бляхи-погремушки (0,85%), пластины-накладки (0,85%), подпружные пряжки (4,27%), блоки от ремней (0,85%). Возрастная дифференциация в снабжении обозначенными наименованиями предметов не отмечена.

Конское снаряжение помещалось преимущественно с мужчинами и зафиксировано в 41 (18,38%) захоронении, из которых восемь (47%) относятся к усть-эдиганскому, 14 (16,27%) к бело-бомскому и 19 (55,8%) к верх-уймонскому этапу. У мужчин в различных вариациях обнаружены следующие виды и категории находок: удила и (или) псалии — 38 (17%) раз (31,81% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 5,95% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 61,76% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.); уздечная гарнитура — десять (4,48%) раз (13,63% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 1,19% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 14,7% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.), представленная пряжками (1,79%), маленькими бляхами-подвесками (2,69%), крупными бляхами-подвесками (0,44%), пластинами-накладками (0,44%), костяными подвесками, пронизиями, блоками от ремней (1,34%); седла — четыре (1,79%) раза (11,76% — 2-я половина IV — 1-я половина V вв. н.э.); седельная гарнитура — 14 (7,17%) раз (18,18% — II в. до н.э. — I в. н.э.; 1,19% — II — 1-я половина IV вв. н.э.; 26,47% — 2-я половина IV — 1-я

половина V вв. н.э.), состоящая из подпружных пряжек (7,17%), блоков от ремней (2,24%), цурок (2,69%). Корреляция количественно-качественного состава конской амуниции и возрастной принадлежности покойных не прослежена.

Анализ взаимного сочетания различных элементов конской амуниции позволил установить, что наиболее часто в могилу помещалось по одному предмету в основном в виде удила и (или) псалиев, подпружных пряжек. Данный набор характерен для 62,79% мужчин, 59% детей, 27,27% женщин, погребенных со снаряжением лошади. Наборы из двух категорий отмечены примерно в одинаковом отношении для всех половозрастных групп: мужчины — 23,25% (это в основном удила и подпружные пряжки, иногда уздечные бляхи, блоки), женщины — 18,1% (удила и блоки), дети — 16,6% (удила и седло). Комплекты из трех категорий доминируют (54,5%) у женщин (их особенностью является наличие уздечных блях, распределителей, подпружных пряжек), реже (9,3%) встречаются у мужчин (в основном удила, подпружные пряжки, блоки иногда подвески). Четыре категории и более зафиксированы только в 6,6% захоронений, при этом почти исключительно у мужчин — 4,65% (удила, разнообразная уздечная гарнитура, седельная гарнитура, часто седла), а иногда у детей — 16,6% (удила, маленькие и крупные уздечные бляхи, седло). Наблюдаемое преобладание у женщин наборов из трех наименований предметов по сравнению с представителями других половозрастных групп вполне определенно свидетельствует, что лица данного пола, хоронившиеся со снаряжением верхового коня, относились почти всегда к более высокой социальной прослойке.

Во избежание того, чтобы механизм оценки социального веса сопроводительного инвентаря не был интуитивным или задавался исключительно критерием частоты встречаемости вещей, относительная престижность всех категорий предметов предварительно проверялась нами комбинаторным путем, исходя из степени их взаимной сопряженности и общих тенденций распределения в погребениях. Изучение особенностей взаимосочетания категорий на уровне сравнения разных предметных комплексов производилось на основе специально разработанной матрицы корреляции. Алгоритм использования данной схемы заключался в парном сопоставлении всех входящих в нее признаков, расположенных в горизонтальной и вертикальной проекции таблицы, после чего выводилась связь между отдельными предметами и их комбинациями. В целях эффективного вычисления результатов такого сравнения (в первую очередь для многочисленных признаков), а также для снижения в той или иной мере субъективного фактора в восприятии материала вводились следующие усредненные значения частоты взаимного сочетания признаков, которые определяли уровень связи показателей и их совокупностей как слабый (совпадение переменных со значением до 45%), средний (от 45 до 60%), сильный (от 60% и выше). При определении характера связи между двумя отдельными категориями во внимание принималось их общее количество в погребениях¹². Для отдельной группы сравниваемых пар признаков имела место

¹² Например, для женских захоронений связь удила (зафиксированы 10 раз) и металлических блях-нашивок и подвесок на головной убор или верхнюю одежду (прослежены 61 раз) определяется как сильная, так как в восьми из десяти случаев (абсолютное значение сочетаемости — 81,81%) вместе с конской амуницией находились бляхи. В свою очередь, связь блях-нашивок и указанной категории снаряжения верхового коня, в виду немногочисленности последней, должна быть классифицирована как слабая, поскольку их совместимость не превышала 18%. В этой и других подобных ситуациях при оценке социальной представительности предметов приходилось ориентироваться в большей степени на анализ их количественного распределения по отдельным комбинациям категорий.

ситуация, когда в силу статистической невыразительности (немногочисленности и единичности) предметов было невозможно квалифицированно определить значение их сочетаемости и поэтому приходилось ограничиться описанием конкретных примеров. Таким образом, в реализации данной процедуры основной акцент делался, с одной стороны, на выявлении более или менее устойчивых совокупностей признаков с высокой, средней и слабой связью (в том числе, между редкими, немногочисленными и массовыми предметами), а, с другой стороны, на фиксации показателей, обладающих одинаковой связью с большинством элементов инвентаря, для представителей женской и мужской серии нашей выборки. Для получения более корректных результатов намеренно учитывались только погребения взрослых людей, поскольку отмеченная в детских захоронениях нестабильность в составе инвентаря была обусловлена в значительной степени возрастной и половой дифференциацией, а также особенностями их индивидуального физического развития. Проанализировав материала с учетом обозначенных выше положений, мы пришли к следующим выводам.

Предметы вооружения в виде одной, двух, трех, четырех и более категорий из средств ведения дистанционного, ближнего боя, таранного удара, а также защиты в мужских погребениях обнаруживают максимально устойчивую связь с поясами (наборными и простыми). Захоронения людей с поясами, в которых содержались боевые ножи (кинжалы) или (и) защитные доспехи, копья, характеризуются высоким показателем (сильная и средняя связь) встречаемости с серьгами, гривнами, маленькими металлическими бляхами-нашивками и неметаллической посудой (во II в. до н.э. — I в. н.э.), предметами снаряжения верхового коня, ножами, костяными наконечниками стрел, слабой с остальными вещами. В мужских могилах без оружия, но с орудиями труда (ножами и (или) костяными наконечниками стрел), бытовыми предметами (неметаллической посудой или (и) футлярами), бусами, пояса находились заметно реже (44%). Луки, железные наконечники стрел, кинжалы, содержащиеся в женских погребениях II — 1-й половины IV вв. н.э., имеют самую высокую сочетаемость с поясами и орудиями труда, слабую — с бляхами-нашивками, диадемами, бусами, игольниками, серьгами, встречаясь с ними одинаково часто в одной комбинации либо раздельно. Панцирные пластины, найденные пока в двух женских курганах II в. до н.э. — I в. н.э., зафиксированы в комплексе с многочисленными бляхами-нашивками, неметаллической посудой, зеркалами, в одном случае с серьгами, бусами, гребнем поясом, ножом, а также редкими вещами в виде крупных блях-нашивок, пластин с орнаментом, ажурных пряжек.

Маленькие металлические бляхи-нашивки и подвески в мужских погребениях усть-эдиганского этапа соотносятся преимущественно с предметами вооружения, обычно (80%) с наборами, в состав которых входили лук и (или) стрелы с железными наконечниками, боевые ножи (кинжалы), иногда мечи, почти всегда пояса, в некоторых случаях со снаряжением верхового коня. Намного реже они встречаются в сочетании только с оружием дистанционного боя. У женщин маленькие металлические бляхи-нашивки преимущественно сочетаются с неметаллической посудой, бусами, серьгами на раннем, поясами — на развитом, поясами и ножами на позднем этапе развития булан-кобинской культуры. Пояса в мужских, а со II в. н.э. и в женских могилах в равной степени встречаются с большинством категорий всех предметных комплексов. Серьги и гривны в мужских погребениях прослежены в одном комплексе с железными наконечниками стрел и (или) луком, боевым ножом

(мечом), доспехом, почти всегда с поясами, а у «булан-кобинцев», практиковавших ингумацию с лошадьёю, — дополнительно со снаряжением верхового коня. У женщин гривны обнаруживают максимальную связь с металлическими бляхами-нашивками или подвесками, поясами (II — V вв. н.э.), одинаково слабую — с бусами, орудиями труда, серьгами, крупными металлическими бляхами, диадемами. Диадемы, характерные для бело-бомского и верх-уймонского этапов, находились обычно в наборах с большим количеством категорий инвентаря и имели среди них наиболее высокий показатель сопряженности с поясами, металлическими бляхами-нашивками или подвесками, средний — с орудиями труда, слабый — с бусами, серьгами, гребнями, неметаллической посудой, железными наконечниками стрел, луками, гривнами, конским снаряжением. Пластины с орнаментом, зафиксированные в пяти женских погребениях II в. до н.э. — I в. н.э., соотносятся всегда с большим количеством металлических блях-нашивок и подвесок на одежду, в четырех случаях с серьгами, неметаллической посудой, зеркалами или гребнями, в двух — с бусами, орудиями труда, крупными бляхами нашивками, в одном — с простым поясом, панцирными пластинами, удилами, ажурной пряжкой. Наконеч, ажурные пряжки, представленные в двух женских погребениях, сочетаются с металлическими бляхами-нашивками, неметаллической посудой, зеркалами, удилами, уздечными украшениями и один раз с поясом, бусами, пластиной с орнаментом, гребнем, панцирными пластинами, котлом, алтариком-курильницей. Похожую тенденцию сопряженности имели крупные бляхи-нашивки, прослеженные в четырех могилах: всегда с маленькими бляхами-нашивками и серьгами на усть-эдиганском этапе, поясом на бело-бомском этапе; в трех случаях — с бусами, ножом; в двух — с зеркалами, пластинами с орнаментом, неметаллической посудой, в одном — с гребнем, гривной, снаряжением верхового коня, панцирными пластинами. В погребениях мужчин и женщин украшения в виде каменных, костяных подвесок, бус не образуют стабильной корреляции с какой-то одной группой вещей и находятся одинаково часто в составе самых разных количественных и качественных комбинаций категорий сопроводительного инвентаря.

Неметаллическая посуда на усть-эдиганском этапе у женщин имеет высокую сочетаемость с металлическими бляхами-нашивками, подвесками на головной убор и верхнюю одежду, серьгами, бусами, предметами туалета (зеркала, гребни), тогда как на развитом и позднем этапах она встречается преимущественно с поясами и (или) маленькими металлическими бляхами-нашивками. Нахождение ее вместе со снаряжением верхового коня, оружием, орудиями труда, пластинами с орнаментом, диадемами, ажурными пряжками, а также поясами в памятниках II в. до н.э. — I в. н.э. нужно классифицировать как слабую связь. У мужчин неметаллическая посуда обнаруживает высокий показатель связи с луками и железными наконечниками стрел (81,81%), боевыми ножами (кинжалами) (59%), поясами (95%), орудиями труда (81,81%), снаряжением верхового коня (59%) в памятниках II–V вв. н.э. и металлическими бляхами-нашивками на одежду (более 90%) в комплексах II в. до н.э. — I в. н.э. Средняя связь характеризуется сопряженностью неметаллической посуды с серьгами на усть-эдиганском этапе. В целом, неметаллическая посуда и футляры у мужчин и женщин присутствовали примерно в схожих количественных соотношениях в самых разных по категориальному (не менее трех наименований) и количественному составу совокупностях предметов. Металлические котлы найдены в двух мужских погребениях, одно из которых датируется II — 1-й половиной IV вв. н.э., другое — 2-й половиной IV — 1-й половиной V вв. н.э. Они представлены в комплекте с

железными наконечниками стрел, кинжалом или доспехом, наборными поясами, бляхой, удилами или гривной с подвеской. Котел и алтарик-курильница происходят пока из одного женского захоронения II в. до н.э. — I в. н.э., в котором помимо металлических для этого периода времени находок (бляхи-нашивки, серьги, керамическая и деревянная посуда, бусы), содержались также немногочисленные (орудия труда, зеркала) и достаточно редкие вещи (ажурные пряжки, пояса, удила, подпружные, уздечные пряжки, декоративная уздечная гарнитура). Зеркала и гребни в женских погребениях раннего этапа булан-кобинской культуры имели высокую связь с металлическими бляхами-нашивками, подвесками, бусами, среднюю с неметаллической посудой, серьгами, слабую с поясами, снаряжением верхового коня, оружием, пластинами и крупными бляхами с орнаментом, ажурными пряжками, орудиями труда, котлами, курильницами. В свою очередь для памятников II–V вв. н.э. сильная связь выражалась в их сочетаемости с поясами, средняя — с бляхами-нашивками, слабая — с диадемами, неметаллической посудой, бусами, снаряжением верхового коня, орудиями труда. В целом, данные предметы туалета обнаруживают тенденцию доминирования (80%) в погребениях с большим количеством категорий (от четырех и более наименований, как правило, довольно многочисленных), прежде всего с бляхами-нашивками, неметаллической посудой, серьгами, бусами, реже пластинами с орнаментом, орудиями труда, снаряжением верхового коня, фрагментами доспехов, диадемами или другими вещами. Зеркала и гребни весьма редко (20%) находились в захоронениях, где присутствовали в различных соотношениях от двух до четырех категорий предметов: пояса, бусы, орудия труда, металлические подвески. Отмечен единственный случай, когда зеркало было помещено в могилу, в которой не было найдено других вещей. Гребень зафиксирован только в одной мужской могиле, где находились также лук, более 30 железных наконечников стрел, два боевых ножа, доспех, наборный и стрелковый пояса, удила, подпружная пряжка, седло, уздечная гарнитура, многочисленные орудия труда (ножи, тесло, шило, костяные наконечники стрел) и деревянная посуда. Вместе с перечисленной выше комбинацией предметов также встречены «гадальные фишки».

У взрослых лиц обоих полов к числу признаков, имеющих примерно схожую степень встречаемости с более 50% вещей всех предметных комплексов, относятся орудия труда. У женщин они имеют близкие показатели распределения в погребальных комплексах, для инвентаря которых свойственно, с одной стороны, наличие в различных вариациях от четырех и более, в среднем около пяти категорий (металлические бляхи-нашивки, подвески, пластины с орнаментом, серьги, неметаллическая посуда, зеркала, гребни, бусы, реже диадемы, гривны, панцирные пластины, снаряжение верхового коня), а, с другой стороны, — присутствие относительно малого ассортимента предметов (бляхи-нашивки, подвески, пояса, бусы, в исключительных случаях гребни, зеркала, луки, железные наконечники стрел, игольники, неметаллическая посуда), представленного комбинациями из менее четырех наименований изделий. У мужчин они фиксируются одинаково часто в захоронениях с одной, двумя, тремя, четырьмя и более категориями вооружения с поясами, украшениями, бытовой утварью, снаряжением верхового коня или без таковых, так и в могилах без оружия. Исключение составляют, очевидно, тесла, которые найдены пока только с наборами оружия дистанционного, ближнего боя и поясами.

Снаряжения верхового коня в мужских погребениях обнаруживает наиболее сильную связь с такими категориями вооружения как боевые ножи (или кинжалы),

копии чеканов, мечи, копыя, доспехи, которые почти всегда (95%) входят в один комплекс с луками и (или) железными наконечниками стрел, простыми или наборными поясами. Крайне редко предметы экипировки лошади были в одном комплексе только с оружием дистанционного боя и в исключительных случаях без него. При этом изделия, являющиеся функциональными и декоративными элементами уздечной гарнитуры, а также седла происходят в основном из погребений с боевыми ножами (кинжалами), мечами, поясами, неметаллической посудой, орудиями труда. В свою очередь, в захоронениях, где имелось только оружие дистанционного боя, находились почти исключительно удила и (или) подпружные пряжки.

У женской группы предметы конской экипировки, представленные удилами, подпружными и уздечными пряжками, украшениями уздечной гарнитуры, обнаруживают доминирующую связь с маленькими металлическими бляхами-нашивками (всегда в большом количестве), серьгами, бусами, зеркалами, неметаллической посудой во II в. до н.э. — I в. н.э., маленькими металлическими бляхами-нашивками, поясами, ножами — во II–V вв. н.э. Средняя связь отмечена с простыми и наборными поясами, ажурными пряжками, панцирными пластинами для комплексов II в. до н.э. — I в. н.э., бусами, пряслицами — для памятников 2-й половины IV — 1-ой половины V вв. н.э. Слабая связь характеризуется встречаемостью конского снаряжения с орнаментированными пластинами, гребнями, орудиями труда, котлами, алтариками-курильницами на раннем, серьгами, кольцами, диадемами, гребнями, неметаллической посудой на развитом и позднем этапах булан-кобинской культуры. Самая «богатая» уздечная гарнитура (бляхи-погремушки, распределители, бляхи-подвески и пластины-накладки различных размеров) происходит из захоронений с ажурными пряжками, крупными бляхами с орнаментом, котлами, курильницами, панцирными пластинами. Снаряжение верхового коня обычно (81,81%) находилось в могилах с большим количеством вещей, насчитывающих от четырех до семи и более категорий. Только в одном погребении удила находились в комбинации с двумя предметами: небольшой серебряной бляхой с орнаментом и ножом.

Посредством взаимного группирования проанализированных признаков погребального обряда и инвентаря с частотой встречаемости от 50% и более, с учетом их хронологических и локально-территориальных особенностей нами были выделены следующие социальные стандарты для всех половозрастных групп кочевых скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени.

Стандарт погребального обряда *детей*, варьиовавший в значительной степени от их возрастных, половых (с определенного момента) и индивидуальных физиологических особенностей предполагал:

1. Одиночные захоронения в ямах глубиной 0,5–1 м в Северном и Центральном Алтае, отсутствие сопроводительного захоронения лошади, мясной пищи и инвентаря у младенцев и детей до 2,5–3 лет, отсутствие верховых коней, наличие минимального количества вещей в основном в виде керамических сосудов, маленьких блях-нашивок (золотых или бронзовых), бус, реже других невыразительных изделий, не образующих устойчивых по сочетанию наборов, у лиц 4–13 лет на усть-эдиганском этапе.

2. Одиночные погребения глубиной до 1 м в Центральном, до 0,5 м в Северном, 0,7–1 м в Восточном и Юго-Восточном Алтае, отсутствие сопроводительного захоронения лошади, мясной пищи и инвентаря у младенцев и детей до 2,5–3 лет, отсутствие верховых коней, присутствие немногочисленных, одиночных, предметов, представленных главным образом бусами, костяными и роговыми под-

весками, железными ножами у индивидов 4–13 лет, сочетанием перечисленных и некоторых других типов вещей, прежде всего поясов, у подростков 11–14 лет на бело-бомском этапе.

3. Одиночные могилы глубиной до 1–1,5 м в Северном, 0,5–1 м в Центральном Алтае отсутствие верховых коней, мясной пищи, инвентаря у младенцев и детей до 2,5–3 лет, наличие орудий труда, как правило, в виде ножей или одиночных предметов украшений у детей 4–13 лет.

Стандарт погребального обряда *женщин* включал в себя:

1. Одиночные погребения в могилах глубиной 0,7–1,5 м в Центральном, 0,5–1 м в Северном Алтае, нахождение украшений, представленных металлическими (золотыми, реже бронзовыми) маленькими бляхами-нашивками и подвесками на головные уборы и (или) верхнюю одежду, бусами и (или) серьгами, наличие бытовых предметов в виде керамической посуды на усть-эдиганском этапе¹³.

2. Одиночные захоронения глубиной до 0,5 м, 0,5–1 м, 1,5–2 м у населения Северного, Центрального, Восточного и Юго-Восточного Алтая соответственно, присутствие поясов (преимущественно простых) или головных уборов с металлическими украшениями (преимущественно маленькими бляхами-нашивками из бронзы), реже их сочетанием на бело-бомском этапе.

3. Одиночные погребения глубиной 0,6–1 м в Центральном, 1–1,5 в Северном, 1,5–2 м в Восточном Алтае, наличие поясов (чаще простых), орудий труда, представленных в основном железными ножами, реже пряслицами и оселками, многочисленность металлических (бронзовых) украшений в виде маленьких металлических (бронзовых) блях-нашивок на головной убор и верхнюю одежду на верх-уймонском этапе¹⁴.

Наибольшей унифицированностью характеризуется стандарт погребального обряда *мужчин*:

1. Одиночная ингумация в могиле глубиной от 0,9 до 1,5 м в Центральном и Северном Алтае, наличие оружия дистанционного боя (луки и (или) железные наконечники стрел), поясов (чаще наборных), головных уборов с маленькими металлическими (золотыми, реже бронзовыми) бляхами-нашивками на усть-эдиганском этапе¹⁵.

2. Одиночные погребения глубиной 0,5–1 м в Центральном, до 0,5 м в Северном, 1,5–2 м в Восточном и Юго-Восточном Алтае, присутствие оружия дистанционного боя, поясов (одинаково часто простых и наборных), многочисленность орудий труда, большая редкость украшений костюма на бело-бомском этапе.

3. Одиночные захоронения в ямах глубиной до 1–3 м в Северном, до 1 м в Центральном, от 1,8 м и более в Восточном Алтае, наличие оружия дистанционного боя, поясов (преимущественно наборных), орудий труда в виде костяных наконеч-

¹³ Зеркала не входят в стандарт, несмотря на то, что в нашей серии они были обнаружены в 52,9% женских погребений раннего этапа булан-кобинской культуры. С учетом более полных данных могильника Усть-Эдиган (Худяков 1998а: 136–141) такие предметы туалета характерны для инвентаря не более, чем третьей части (15 из 44 захоронениях) людей этого пола.

¹⁴ Тот факт, что несмотря на свою многочисленность, маленькие металлические бляхи-нашивки во 2-й половине IV — 1-й половине V вв. н.э., не достигают 50% рубежа, объясняется, скорее всего, неравномерной изученностью погребений разных социальных категорий: численным доминированием «бедных» захоронений над «средними» и «богатыми». Хотя по формальному критерию данная категория украшений и не дотягивает до стандарта, но она, скорее всего, должна быть в него включена.

¹⁵ В виду малого количества погребений II в. до н.э. — I в. н.э., исследованных в Восточном Алтае, определить для них стандарт глубины могилы пока не представляется возможным.

ников стрел или (и) железных ножей, большая редкость украшений, представленных главным образом бусами и подвесками на верх-уймонском этапе.

Таким образом, проведенный анализ погребений по полу и возрасту позволил определить особенности погребального обряда и состава сопроводительного инвентаря детей, женщин, мужчин, выражающие общую для всех них норму похоронного ритуала, а также выделить показатели, которые являются отличительными маркерами каждой половозрастной группы, и наметить наиболее вероятные индикаторы, указывающие на социальное, имущественное и профессиональное положение умерших людей в структуре «булан-кобинского» общества.

Сделанные выводы и обработанные данные стали основой для реализации второй части палеосоциального исследования — моделирования социальной структуры носителей булан-кобинской культуры. Обозначенный метод, обстоятельно рассмотренный на теоретическом уровне В.Ф. Генингом (1989), П.Ю. Черноswiftовым (1989), В.С. Ольховским (1995), В.М. Массоном (1996) и некоторыми другими исследователями, имеет в качестве исходной посылки тезис о возможности создания на базе погребального обряда абстрактных заменителей (моделей) некогда существовавших общественных систем и образующих их элементов. Он ориентирован на изучение механизмов, регулирующих объединение людей в социальные группы, слои и другие уровни интеграции. Под моделью в таком контексте понимается относительно устойчивая комбинация признаков, полученная с помощью некоторого набора корреляционных принципов обработки эмпирического материала, отражающая социальное, имущественное, профессиональное положение индивидов, включенных в определенную совокупность людей в структуре конкретной этнокультурной общности (Генинг 1989: 247; Ольховский 1995: 96).

Ключевая проблема создания социальных моделей — разработка схемы выделения поддающихся более или менее надежному измерению и сопоставлению критериев статуса человека в разных типах общественной стратификации, соотношению его роли в производственной, управленческой, религиозной сферах, доступу к материальным благам, месту в генеалогической иерархии, а также субъективным качествам. Поэтому при социальном группировании мы намеренно отказались от факторно-кластерного анализа на базе компьютерных продуктов, несмотря на его широкую апробацию в последние годы многими специалистами, в том числе и в области изучения культур номадов Центральной Азии гунно-сарматского времени (Крадин 2002б; Крадин, Данилов, Коновалов 2004).

Главным социально обусловленным элементом погребального обряда населения Горного Алтая II в до н.э. – V в. н.э., как мы выяснили выше, выступал сопроводительный инвентарь. Основной методологической идеей моделирования социальной структуры было выделение в составе инвентаря ведущих показателей, характеризующих комплекс «власти» (индикаторы военно-управленческого лидерства) и комплекс «богатства» (признаки, маркирующие имущественный достаток, уровень материального благосостояния), соотношение которых определяло социальный статус индивидов (Васютин 1998: 217; Кондрашов 2004а: 105). Второстепенные по значимости признаки были объединены в комплексы «производства» (предметы, отражающие причастность людей к определенным видам хозяйственной деятельности) и «культы» (вещи, указывающие на выполнение «жреческих» функций), так как они не играли существенной роли для идентификации положения человека в вертикальной стратификации рассматриваемого общества. Правомерность такого шага подтверждается многочисленными палеосоци-

альными разработками, авторы которых при ранжировании погребений руководствовались в основном характеристиками властной и имущественной дифференциации, но без внятного их разграничения в археологическом материале. Отражением комплекса «власти» был видовой и количественный состав предметов вооружения. Он был представлен у женщин лишь косвенно в виду их незаурядного семейного положения, либо выполнения отдельными лицами этого пола некоторых мужских обязанностей. В комплекс «богатства» входили снаряжение верхового коня, украшения и предметы костюма, бытовые предметы, одинаково присущие для взрослых и детей. Комплекс «производства» состоял из орудий труда. Комплекс «культы» включал вещи, использовавшиеся в магических ритуалах и иных формах религиозной практики.

Социальная престижность всех элементов инвентаря определялась нами исходя из следующих показателей:

1) количество случаев (массовости, малочисленности, единичности) присутствия в захоронениях отдельных категорий предметных комплексов, видов, категорий вещей при наличии или отсутствии традиции помещения таковых в могилу, а также выявленные комбинаторным путем особенности их качественно-количественного сочетания;

2) функциональное назначение предметов при учете скотоводческого направления хозяйства и сложной военно-политической обстановки существования исследуемого общества;

3) материальная ценность вещей с точки зрения количества и качества использованного для их изготовления материала, трудоемкости технологии производства, художественной сложности изделия;

4) незаурядность сакрально-символической роли предмета в системе религиозно-мифологических представлений, его место в погребальном ритуале;

5) «модность» вещи, определявшаяся ее принадлежностью к образцам (оригиналам или копиям) предметов господствующего в Центральной Азии регионе в определенный исторический период кочевого этноса.

Опираясь на данные параметры сравнения, в предварительной форме следует наметить несколько наборов вещей со схожим значением социальной представительности¹⁶. Для предметов вооружения первый по социальной престижности набор — это мечи, доспехи, копья, второй — боевые ножи (кинжалы), чеканы (модели), третий — луки, железные наконечники стрел. Снаряжение верхового коня подразделялось на два набора, первый из которых — седла, декоративная гарнитура узды (бляхи-подвески, бляхи-погремушки, распределители, пластины-накладки), второй — удила (псалии), уздечные, подпружные пряжки, блоки, цурки. Самый престижный набор бытовых предметов представляли металлические котлы, второй по ценности — зеркала, гребни, последний — неметаллическая посуда, различные футляры. Среди украшений и предметов костюма у мужчин на первом по значимости месте находились высокохудожественные изделия в виде ажурных блях-накладок на пояса, крупных нагрудных подвесок из драгметалла от гривен, на втором — гривны, крупные бляхи-нашивки, серьги, на третьем — металлические ложечковидные застёжки, маленькие металлические бляхи-нашивки, подвески на

¹⁶ В рамках комплекса «богатства» иерархия наборов у мужчин и женщин была неодинаковой и незначительно варьировала на разных этапах булан-кобинской культуры, а у детей она вбирала в себя черты, характерные для обеих половых групп. Детские захоронения в такой обработке не использовались.

одежду (на раннем этапе булан-кобинской культуры), основные и стрелковые пояса (простые, наборные), на последнем — бусы (бисер), каменные, костяные застёжки и подвески. У женщин в самый привилегированный набор входили золотые и бронзовые пластины с орнаментом от головных уборов, ажурные пряжки с зооморфными изображениями, второй набор составляли диадемы, гривны, крупные бляхи-нашивки на одежду, бубенцы-подвески, кольца, третий — маленькие металлические бляхи-нашивки, подвески на одежду, серьги, металлические наконечники, пронизи, булавки, четвертый — основные пояса (простые, наборные), последний — бусы (бисер), раковины каури, бляхи-нашивки, подвески, застёжки из металла, кости камня. По отношению к предметам культа (алтарики-курильницы, «гадальные фишки») градация не улавливалась. Орудия труда представляли два набора, в первый из которых входили тесла, топоры, во второй — все остальные предметы. Они демонстрировали главным образом общественное положение детей, а также социальные различия взрослых людей на уровне сравнения захоронений с немногочисленными невыразительными вещами и могил без инвентаря. При обосновании наличия в погребении того или иного набора было достаточно присутствия хотя бы одного маркирующего его предмета. Реже находилась вся совокупность вещей. Количество категорий в наборе являлось критерием внутригруппового деления.

Для выделения моделей социальных групп производилась корреляция всех четырех комплексов и входящих в них наборов по принципу их сочетания: от максимального к минимальному значению. При этом решающая роль отводилась сопоставлению комплексов «власти» и «богатства», поскольку комплексы «культа» и «производства» отражали преимущественно горизонтальную иерархию коллектива. Таким образом, в пределах одной схемы учитывались разные проекции социальной стратификации. Соотношение комплексов «власти» и «богатства»¹⁷ проявлялось более четко у мужчин, так как женщины и дети относились к управлению весьма опосредованно и выделяемые для них социальные дефиниции были почти всегда имущественными. Признаки профессионального различия покойных выносились на уровень подгрупп. За исключением предметов вооружения и снаряжения верхового коня при такой систематизации в некоторых случаях можно было пренебречь наборами, занимавшими последнее место по критерию социальной престижности, так как они не ограничивали одну совокупность от другой и свидетельствовали в большей степени о внутренней дифференциации. В рамках комплекса «богатства» кроме этого действовало правило взаимной заменяемости наборов с одинаковым социальным весом. Более престижные наборы могли восполнить недостаток пред-

¹⁷ Поскольку количество наборов в комплексах «власти» (3) и «богатства» (9) было неодинаковым, для адекватного определения их соотношения нами применялась более обобщенная градация, базирующаяся на правиле взаимной заменяемости наборов с одинаковым социальным весом. Она предполагала выделение в рамках обоих комплексов равного числа сопоставляемых условных единиц. Так, к первой единице комплекса «богатства» относились первый набор бытовых предметов и украшений, ко второй единице — первый набор снаряжения верхового коня, второй набор украшений, и, наконец, к третьей — второй набор снаряжения верхового коня, бытовых предметов, третий набор украшений. Для комплекса «власти» каждый набор предметов вооружения в порядке ранжирования соответствовал определенной единице. Количественный фактор в данной процедуре отходил на второй план, так как до этого он уже учитывался в ходе корреляции. В составе комплекса «богатства» опускались социально невыразительные, «шумовые», наборы, принципиально не влиявших на идентификацию и взаимное разграничение групп. Для украшений и предметов костюма ими являлись бусы, раковины каури, каменные, костяные, подвески, застёжки, булавки, для бытовых предметов — неметаллическая посуда, футляры.

метов стандартных показателей, а последние компенсировать отсутствие невыразительных вещей.

На основе этих теоретико-методических принципов моделирования нами было получено несколько социально-типологических групп детских, женских, мужских погребений кочевых скотоводов Горного Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. Модели не задавались строгой комбинацией показателей и, напротив, допускали некоторую вариабельность последних, обусловленную внутренней неоднородностью групп, а также мобильностью входящих в них индивидов. Каждая социальная группа обладала своими отличительными признаками, отсутствовавшими у других объединений подобного уровня, степень близости которых служила основанием для их включения в такие более крупные таксономические дефиниции как слои.

В заключение необходимо отметить, что представленный выше опыт работы с археологическими источниками для проведения социальных и других реконструкций является лишь демонстрацией определенных возможностей и отражает один из этапов деятельности в продолжающихся исследованиях. Уже сейчас новые привлекаемые материалы вносят некоторые коррективы, дополняют количественные и качественные параметры, что неизбежно в процессе изучения любой эпохи. Однако они уже радикально не меняют выявленных тенденций.

ГЛАВА 8. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХУННУ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Н.Н. Крадин, С.В. Данилов, П.Б. Коновалов

Держава хунну была первой кочевой империей в Центральной Азии. Она возникла на рубеже III и II вв. до н.э. Главными предпосылками образования являлись следующие причины: необходимость объединения скотоводов в мощную «племенную империю» для получения сельскохозяйственной и ремесленной продукции из Китая, стремление кочевников контролировать трансконтинентальные торговые маршруты, а также желание противостоять политическому и культурному давлению с юга. В немалой степени ход исторического процесса был обусловлен военным и политическим талантом основателя державы шаньюя Модэ.

Основные аспекты истории народа хунну известны как по письменным, так и по археологическим источникам. Китайские летописи сообщают о воинственном образе жизни северного соседа. «Сюнну открыто считают войну своим занятием», — говорил в беседе с ханьским послом один из китайцев перешедших на сторону номадов. «У сюнну быстрые и смелые воины, которые появляются подобно вихрю и исчезают подобно молнии», — предупреждал китайского императора У-ди один из его чиновников. Эта линия прослеживается даже в официальных политических документах. Так, например, в заглавии письма китайского императора правителю державы хунну от 162 г. до н.э. ханьцы характеризуются как народы, «носящие пояса и шапки чиновников», а кочевники противопоставляются им как «владения натягивающие лук» (Лидай 1958: 30–32; Материалы 1968: 46–48, 75).

Социальная структура хунну имела сложный, многоярусный характер и выглядела следующим образом. Во главе общества находился *шаньюй*. Он являлся верховным правителем степной империи, возглавлял войско, вершил суд, выполнял наиболее важные религиозные обряды, обеспечивая номадам покровительство со стороны сверхъестественных сил. В официальных документах периода расцвета империи ее правитель именовался так: «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну» (Лидай 1958: 30; Бичурин 1950а: 58; Материалы 1968: 45).

Баланс власти шаньюя держался на его умении организовывать военные походы и перераспределять «подарки», доходы от торговли и набегов на соседние

страны. Давая подданным возможность обогатиться за счет военной добычи и распределяя между ними дары китайского двора, шаньюй получал от них право на монопольное осуществление внешнеполитической деятельности и международных контактов. Важное место в структуре власти играла индивидуальная *харизма* правителя, которая во многом зависела от его удачи как военного предводителя, от его щедрости, от его умения «наладить контакт с силами природы» и, наконец, от его внешнеполитического статуса (Barfield 1981; Крадин 1996; 2002).

Шаньюй имел многочисленных родственников, которые относились к его «царскому» роду Люаньди (Луаньти, Сюйляньти): братьев и племянников, жен (*яньчжи*), сыновей и принцесс (*цзюйцзы*) и т.д. Самыми титулованными из родственников являлись десять высших *темников*, которые составляли соответственно четыре и шесть «рогов». Первых четырех китайские летописцы называли титулом *ван* (князь).

Кроме родственников шаньюя в число высшей хуннуской аристократии входили и другие знатные «семейства» — Хуянь, Лань и позднее появившиеся роды Сюйбу и Цюлинь. Часть из них также занимали высокие военно-административные должности *темников*. Следующую ступень в иерархии занимали племенные вожди и старейшины. В летописях, как правило, они обозначаются как «небольшие князья»: *дುವэи*, *данху*, *цецзюи*. Наверное, часть *тысячников* были племенными вождями. Сотники идесятники являлись, скорее всего, родовыми (клановыми) старейшинами различных рангов. В обязанности вождей и старейшин входили хозяйственные, судебные, культовые, фискальные и военные функции. Также у хунну имелась определенная прослойка служилой знати. Несколько ниже на иерархической лестнице располагались вожди нехуннских племен, включенных в состав имперской конфедерации, или зависимых народов и владений, плативших номадам дань.

Основное население державы хунну составляли простые кочевники-скотоводы. Основываясь на некоторых косвенных данных, можно предполагать, что многие важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта и, возможно, даже менталитета хунну были детерминированы специфической экологией обитания и в своей основе имели большое сходство с культурой номадов монгольских степей более позднего времени (Крадин 2002: 160–165).

В письменных источниках отсутствуют сведения относительно различных категорий бедных и неполноправных лиц, занимавшихся скотоводством, у хунну. Поэтому, основываясь на более общих закономерностях эволюции кочевых обществ, можно только предполагать, что такие люди могли существовать. Также неизвестно, насколько у хунну были распространены рабовладельческие отношения, хотя источники буквально пестрят данными об угоне номадами в плен земледельческого населения.

Археологические данные углубляют письменные свидетельства. В частности, они демонстрируют то, насколько глубокой была социальная дифференциация в обществе хунну. В Ноин-Уле, Бор Булаге, Бурлиге и др. (Монголия) и Ильмовой пади, Цараме, Оргойтоне (юг Бурятии) расположены монументальные «царские» и «княжеские» курганы, на сооружение которых требовались немалые усилия. Так, например, самый известный из таких погребальных объектов, исследованный в 1924–1925 гг. экспедицией П.И. Козлова, представлял собой сооружение с прямоугольной насыпью размером 14х16 м и высотой более 1,5 м. Могильная яма

уходила крутыми уступами на глубину 9 м. С южной стороны она имела более пологий дромос, обрамленный каменной кладкой. Внизу в двух срубках находился гроб, покрытый лаком и росписью. Внутренняя поверхность срубов была задрапирована изысканными шерстяными коврами и шелковыми тканями. Покойного сопровождал богатый погребальный инвентарь (Руденко 1962).

Захоронения простых кочевников гораздо проще и беднее по инвентарю. Обычно это были округлые или четырехугольные каменные насыпи размером (диаметром) 5–10 м. Глубина могильной ямы достигала 3 м. На дне ее стоял деревянный гроб (реже — гроб в срубе). В погребении обнаружены отдельные предметы вооружения и конского снаряжения, орудия труда, украшения и остатки заупокойной пищи (Доржсурэн 1961; Коновалов 1975; Миняев 1998; и др.).

В целом, погребальный обряд может служить достаточно надежным источником о социальной дифференциации в исследуемом обществе. В настоящее время методика подобных исследований достаточно хорошо разработана в археологии (Бунятян 1985; Бойко 1986; Генинг и др. 1990; Афанасьев 1993; Мошкова 1994; Васютин 1998; Матвеева 2000; Тишкин, Дашковский, 2003; и др.).

Методика исследования

В качестве общеметодологических принципов мы основывались на энергетической теории власти Р. Адамса (Adams 1975), согласно которой в обществе имеется прямая корреляция между масштабом власти и ее энергетическом выражении в материальных объектах. Конкретная методика исследования предполагает необходимость проведения ряда последовательных операций. На первом этапе проводится собственно археологическая источниковедческая процедура создания матрицы формализованного описания. Затем производится половозрастной анализ, и выявляются признаки, характерные для возрастной и гендерной дифференциации. После этого исследуются по отдельности совокупности мужских, женских и детских захоронений, выявляются признаки, значимые для тех или иных кластеров. На последнем этапе осуществляется интерпретация полученных результатов.

Для выявления признаков, значимых для тех или иных половозрастных и общественных групп, использовался *факторный* анализ. Данный метод позволяет обнаруживать скрытые факторы, объясняющие связи между выбранными признаками (Федоров-Давыдов 1987: 174–180). Для вычленения социальных групп внутри однородных половозрастных групп применялся *кластерный* анализ. Этот метод предназначен для разбиения какого-либо множества на заданное или неизвестное число классов на основании некоторых критериев сходства-различия (Федоров-Давыдов 1987: 180–189).

В настоящее время на территории Забайкалья обнаружено более 90 археологических памятников хунну, из них три городища, пять поселений, три «царских» и 30 «простых» могильников, а также более 50 местонахождений (Лбова, Хамзина 1999). Все они локализируются на территории Республики Бурятия и расположены внутри большого степного массива, связанного с долиной Селенги и вклинивающегося в лесостепные и таежные зоны Байкальской Сибири. С экологической точки зрения — это достаточно обособленный район. Можно предполагать, что данная территория не только имела важное экономическое значение, как зона потенциального земледелия и торговых контактов с культурами охотников забайкальской тайги и рыболовов Байкала, но и представляла собой самостоятельное административно-

политическое подразделение в структуре империи хунну. Данное допущение делает актуальным рассмотрение археологических памятников Юго-Западного Забайкалья как единой целостной системы и предполагает возможность использования для исследования данной территории пространственных археологических моделей.

Для решения поставленной задачи нами были отобраны материалы по четырем наиболее изученным могильникам из 33 известных погребальных комплексов эпохи хунну на территории Бурятии: Ильмовая падь (раскопано 60 погребений), Черемуховая падь (раскопано 20 погребений), Дырестуйский Култук (идентифицировано 130 погребений) и Иволгинский могильник (раскопано 216 погребений). Данный выбор был обусловлен исключительно количественными критериями, поскольку небольшие выборки нерепрезентативны для статистических методов.

Первая фаза исследования предполагала составление списка признаков. В этой работе мы опирались на уже имеющийся опыт отечественных исследователей в этой области (Генинг, Борзунов 1975; Бунятян 1981, 1985; Каменецкий 1986; Генинг и др. 1990; Афанасьев 1993; Мошкова 1994, 1997; и др.).

Высшую таксономическую ступень в нашей классификации занимает *категория совокупностей признаков*. Для характеристики погребального обряда хуннской археологической культуры Забайкалья выделено пять таких категорий:

- I. Надмогильные сооружения.
- II. Погребальное сооружение.
- III. Останки погребенных.
- IV. Сопроводительный инвентарь.
- V. Жертвенная пища.

Категории совокупностей признаков включают несколько *совокупностей признаков*, которые, в свою очередь, состоят из отдельных *признаков*. *Признаки* могут быть *простыми* (т.е. неделимыми; они либо присутствуют, либо отсутствуют) или *сложными* (т.е. делимыми на более дробные категории).

I.1. Высота насыпи.

Собственное значение (в метрах)

I.2. Форма насыпи.

1. Сложная форма (А).
2. Квадратная, прямоугольная (В).
3. Круглая, овальная (С).
4. Захоронение без насыпи (N).

I.3. Площадь насыпи. Собственное значение (в квадратных метрах).

I.4. Детали конструкции.

1. Состав насыпи (А-земля, В-земля и камни);
2. Дромос (0-нет, 1-есть).
3. Сложная каменная конструкция (перегородки и пр.) (0-нет, 1-есть).
4. Другие детали (0-нет, А-ровик, В-вал).
5. Перекрытие над гробом (0-нет, У-каменное, В-бревенчатое).

I.5. Тризна.

1. Кости животных (0-нет, 1-мало, 2-несколько особей).
2. Посуда (0-нет, 1-один сосуд, 2-два и более).
3. Следы огня (0-нет, 1-мало, 2-много).

II. Категория **погребальное сооружение** включает следующие совокупности признаков:

II.1. Тип погребального сооружения.

1. Гроб в двойном срубе (А).
2. Гроб в срубе (В).
3. Гроб (С).
4. Гробище из слегка подтесанных лесин (D).
5. Каменный ящик (Е).
6. Яма (F).
7. Не определено (X).

II.2. Длина погребального сооружения. Собственное значение (в метрах).

II.3. Ширина погребального сооружения. Собственное значение (в метрах).

II.4. Глубина погребального сооружения. Собственное значение (в метрах)

II.5. Детали конструкции.

1. Шелковая драпировка (0-нет, Y-есть).
2. Золотые украшения гроба (0-нет, Y-есть).
3. Подстилка под гробом из хвойных веток и шишек (0-нет, Y-есть).

III. Категория **останки погребенных** включает следующие совокупности признаков:

III.1. Количество погребенных в могиле.

Количество костяков (0-нет, 1-одно, 2-два и более)

III.2. Ориентировка.

(N, NNO, NO, NOO, O, SOO, SO, SSO, S, SSW, SW, SWW, W, NWW, NW, NNW,

X-сядя)

III.3. Поло-возрастная характеристика.

1. Мужчина (M).
2. Женщина (W).
3. Ребенок (CH).
4. Смешанное погребение — взрослый и ребенок (MCH — мужчина и ребенок, WCH — женщина и ребенок).
5. Не определено.

IV. Категория **сопроводительный инвентарь** включает следующие совокупности признаков:

IV.1. Орудия труда и предметы быта.

1. Нож (0-нет, 1-одно, 2-два и более).
2. Лопата (0-нет, 1-есть).
3. Котел (0-нет, 1-есть).
4. Прибор для добывания огня (0-нет, 1-есть).
5. Шилья и иголки (0-нет, 1-есть).
6. Палочки для еды (0-нет, 1-есть).
7. Ложки (0-нет, 1-есть).
8. Предметы одежды (0-нет, 1-есть).
- 8.1. Шелковая одежда (0-нет, 1-есть).
- 8.2. меховая одежда (0-нет, 1-есть).
- 8.3. Пуговицы и застёжки (0-нет, 1-есть).
9. Другие предметы быта (0-нет, 1-есть).

IV.2. Оружие.

1. Металлические наконечники стрел (0-нет, 1-есть).
2. Костяные наконечники стрел (0-нет, 1-есть).

3. Лук (0-нет, 1-есть).
4. Кинжал (0-нет, 1-есть).
5. Меч (0-нет, 1-есть).
6. Поножи (0-нет, 1-есть).
7. Копье (0-нет, 1-есть).
8. Топор (0-нет, 1-есть).
9. Шлем (0-нет, 1-есть).
10. Панцирь(0-нет, 1-есть).

IV.3. Посуда.

1. Лепные и станковые сосуды (0-нет, 1-один, 2-два-три 3-четыре и более).
2. Лаковая (0-нет, 1-есть).
3. Ритуальные сосудики (0-нет, 1-один-два, 2-три и более).

IV.4. Пояс.

1. Пояс с простыми бронзовыми или железными бляхами (0-нет, 1-есть).
2. Ажурные бронзовые бляхи (0-нет, 1-есть).
3. Золотые, позолоченные и серебряные бляхи (0-нет, 1-есть).
4. Колокольчики (0-нет, 1-есть).

IV.5. Конское снаряжение.

1. Удила, псалии, и другие элементы (0-нет, 1-один комплект, 2-два комплекта и более)

IV.6. Украшения.

1. Бусы (0-нет, 1-есть).
2. Бисер (0-нет, 1-есть).
3. Серьги (0-нет, 1-есть).
4. Подвески (0-нет, 1-есть).
5. Браслеты, кольца (0-нет, 1-есть).
6. Раковины каури (0-нет, 1-есть).
7. Зеркала (0-нет, 1-есть).
8. Шелковые ткани (0-нет, 1-есть).
9. Монеты (0-нет, 1-есть).
10. «Кошелек» (0-нет, 1-есть).
11. Игральные кости (0-нет, 1-есть).
12. Ковры (0-нет, 1-есть).

IV.7. Атрибуты власти.

1. Жезл (0-нет, 1-есть).

V. Категория **жертвенная пища** включает следующие совокупности признаков:

V.1. Продукты скотоводства.

1. Баран (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более).
2. Корова (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более).
3. Коза (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более).
4. Лошадь (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более).

5. Свинья (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более).

6. Собака (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более).

V.2. Продукты охоты.

1. Дикие копытные животные (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более);

V.3. Продукты рыболовства.

1. Рыба (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более).

V.4. Продукты земледелия.

1. Зерна злаков (0-нет, 1-есть).

После завершения работы по составлению списка признаков вся имеющаяся информация (Коновалов 1976; Давыдова 1996; Миняев 1998; Талько-Грынцевич 1999; и др.) была введена в компьютерную базу данных. Для этих целей использовалась специализированная программа STATISTICA 5.0 for WINDOWS. Далее проводилась стандартизованная процедура изучения каждого могильника по отдельности. Поскольку как предварительные выводы (Kradin, Danilov, Kononov 2000), так и подробные результаты исследования уже опубликованы (Крадин 2002а; Крадин, Данилов, Коновалов 2004), имеет смысл дать только обобщенное описание проведенных исследований.

Первоначально из общего массива захоронений выделялись антропологически определенные одиночные мужские, женские и детские погребения (соответственно в Иволгинском — 33%, в Дырестуйском — 67%, в Черемуховой пади — 65%, в Ильмовой пади — 58% захороненных от общего количества погребенных). Коллективные захоронения не анализировались. Затем проводилось визуальное исследование конструктивных особенностей погребального обряда (размеры, глубина захоронения, ориентировка и т.д.), с целью выявления отличий между взрослыми и детскими, а также между мужскими и женскими захоронениями. Так, в Ильмовой пади изучение конструкций показало, что площадь надмогильных сооружений женских захоронений несколько выше площади детских погребений, а, в свою очередь, площадь надмогильной кладки мужских захоронений намного выше женских. Длина и ширина всех совокупностей погребений различалась не очень сильно (если не учитывать размеры могил «элитных» курганов). Однако глубина детских могил была несколько меньше, чем глубина захоронений взрослых. Ориентация костяков в мужских захоронениях отличалась несколько большим разнообразием. Помимо традиционных вариантов расположения захороненных головой на N, NNO и других отклонений от северной ориентировки, встречалось противоположное расположение погребенных на SSW. Также только в мужских погребениях было зафиксировано положение сидя. В целом же, визуальные отличия в конструктивных особенностях погребений могильника не были резко выражены.

После этого внутри каждой из трех вышеречисленных совокупностей проводился факторный анализ признаков сопроводительного инвентаря с целью выявления соответствующих факторных нагрузок. Анализ проводился методом главных компонент. В результате получалась факторная матрица, которая показывала степень факторной нагрузки различных факторов, что давало возможность

выявить, какие категории сопроводительного инвентаря были характерны для той или иной совокупности захоронений. Далее с помощью того же метода главных компонент производился факторный анализ уже всех признаков полностью (с сопроводительным инвентарем сопоставлялись размеры погребальных сооружений, ориентировка захороненных и пр.), который позволял уточнить визуальные наблюдения относительно тех или иных особенностей погребальной обрядности, а также давал возможность проверить точность выводов первого факторного анализа.

В результате удавалось выяснить, какие признаки были характерны соответственно для мужских, женских и детских захоронений. Например, оказалось, что в Иволгинском могильнике ряд признаков встречается во всех половозрастных совокупностях захоронений (пуговицы, костяные стрелы, пояс, ажурные бляхи, конское снаряжение, бусы, кольца). Такие признаки, как нож и керамика очень широко распространены в погребениях могильника. В то же самое время имеются и определенные отличия. Так в детских погребениях фиксируются ритуальные и бронзовые сосуды, но для них практически не характерно присутствие оружия и ритуальной пищи. Женские погребения больше сопровождаются украшениями, чем мужские (бисер, подвески, раковины, монеты). С женскими захоронениями больше связаны ритуальные жертвоприношения свиньи. В мужских погребениях, напротив, чаще встречаются предметы вооружения, нехарактерные для захоронений женских (например, кинжалы). В целом, по характеристике сопроводительного инвентаря имеются свои специфические нюансы для каждой из половозрастных совокупностей, что позволяет в ряде случаев достаточно точно определять пол и отчасти возрастную группу покойных.

Следующим этапом исследования явилась процедура половозрастной интерпретации тех одиночных захоронений, в которых изначально не удалось интерпретировать пол и возраст усопшего. Для этого использовались результаты проведенного факторного анализа. Данная выборка дополнительно составила от общей совокупности захороненных в Иволгинском могильнике — 37%, в Дырестуйском могильнике — 8%, в Черемуховой пади — 15% и в Ильмовой пади — 28%. Однако ряд одиночных погребений так и не удалось интерпретировать. В общей сложности вместе с коллективными захоронениями это составляет в Иволгинском могильнике — 30%, в Дырестуйском могильнике — 26%, в Черемуховой пади (при общей незначительной выборке) — 20% и в Ильмовой пади — 13%. Налицо слишком большое количество неопределенных погребений в Иволгинском и Дырестуйском могильниках. Необходимо продолжить в будущем изучение данных совокупностей.

Далее каждая совокупность (соответственно мужских, женских и детских погребений) исследовалась посредством кластерного анализа (метод Варда). Анализировалась степень близости кластеров между собой. Как правило, это ключевая и самая трудная часть изучения социальной структуры архаического общества по данным археологии. При этом мы проводили кластерный анализ дважды: сначала только для признаков конструктивных особенностей погребальной обрядности (категории I–III), а потом для всех пяти категорий признаков. Полученные результаты сопоставлялись и дали почти идентичные результаты. Такая сложная процедура была обусловлена тем, что большинство погребений ограблены и величина корреляции признаков сопроводительной обрядности (категория IV) была очень низкая. Далее мы сопоставляли между собой различные группы кластеров и рассматривали признаки сопроводительной обрядности как качественные по-

казатели. Результаты интерпретации кластеров всех совокупностей всех четырех могильников представлены в следующем разделе.

Анализ могильников

Изучение совокупности мужских погребений Иволгинского могильника (40 погребений) показывает, что здесь условно можно выделить четыре общественных ранга. Первая группа, вероятно, достаточно немногочисленная (кластер 1). Для захоронений этой категории населения характерен бедный инвентарь. Можно допустить низкий общественный и экономический статус этой группы, участие данных лиц в общественном производстве в качестве эксплуатируемого слоя. Вторая группа населения (кластер 2) близка по положению между собой, сопровождается предметами быта, вооружения, украшениями и жертвенной пищей. От первой группы она отличается более разнообразным инвентарем и, что особенно важно, наличием *оружия*. Однако вторая группа также может быть условно разделена на три стратифицированные подгруппы (2АА-2АВ-2В). Вторая подгруппа отличается от первой дополнительно наличием *пояса*, а третья от второй наличием *конского снаряжения*. Заманчиво было бы видеть в таких признаках, как оружие, пояс и конское снаряжение критерии общественного статуса жителей Иволгинского городища. Однако никаких оснований для подобного категоричного утверждения нет.

Несколько более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях Иволгинского некрополя (66 могил), где выявлено пять рангов. Первая группа погребений (1В) – безинвентарная, во второй (1АА) встречается только керамика, в третьей (1АВ) появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой (2А) инвентарь становится разнообразнее (в том числе фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой (2В) данные признаки становятся массовыми, отмечается более разнообразная заупокойная тризна.

Совокупность детских погребений (45 могил) распределяется на три группы: безинвентарные погребения (субкластер 2ААВ), захоронения с керамикой (субкластер 2ААА), погребения с разнообразным сопроводительным инвентарем (субкластер 2АВ). Отдельно следует рассматривать погребения в сосуде кластера 1, которые условно обозначены как «младенческие». Это были захоронения в сосудах, опущенные в небольшие ямы. Единственной массовой категорией сопроводительного инвентаря является керамика. Все остальные находки встречены только по одному разу.

В целом, анализируя мужские, женские и детские захоронения Иволгинского могильника, можно отметить несколько уровней социальной дифференциации. С одной стороны выделяются безинвентарные захоронения низших групп общества, имевших низкий имущественный и социальный статус. На другом плесе общества — обеспеченные жители городища. Их погребения сопровождаются разнообразным сопроводительным инвентарем, оружием, обильной заупокойной пищей. Между этими крайними точками фиксируется достаточно широкое количество прослоек (в мужских захоронениях до трех, в женских от двух до четырех, в детских одна). Так или иначе, но все это свидетельствует о сложной общественной структуре населения городища, которая может быть сопоставлена с выявленной в результате кластерного анализ иерархией жилищ Иволгинского городища (Крадин 2002а: 255–260).

Совокупность мужских погребений некрополя Дыреустуйский Култук (37 могил) может быть разделена на три кластера. По общему количеству трудозатрат погребения кластеров 1А и 2 выглядят масштабнее, чем захоронения кластера 1В. По разнообразию сопроводительного инвентаря они выглядят «богаче», в них также встречены украшения из золота. Однако в распространении сопроводительного инвентаря между кластерами 1А и 2 также имеются определенные отличия. Только в кластере 2 встречены монеты и кошелек, ряд украшений (раковины, бусы, подвески, кольца), а предметы конского снаряжения имеют серийный характер. По этой причине правильнее было бы говорить о выделении трех социальных групп мужчин, захороненных в Дэрейстуйском могильнике. По всей видимости, более низкий статус имели погребенные, отнесенные нами к кластеру 1В.

На основе рассмотрения совокупности трудозатрат женские могилы (всего 39) также могут быть разделены на три кластера. Можно предположить несколько более низкий статус лиц, похороненных в могилах кластера 1В. Группы 1А и 2 отличаются большим разнообразием инвентаря, наличием редких золотых украшений. При этом между ними также имеются определенные отличия. Для кластера 2 характерны очень редко встречающиеся в женских могилах предметы вооружения. Кластер 1А отличается гораздо большей встречаемостью украшений (ажурные бляхи, колокольчики, кольца, монеты, раковины, бусы, бисер), а также некоторых других категорий находок.

Детские захоронения (20 могил) разбиваются на две группы, но их статус непонятен. При изготовлении надмогильных сооружений кластера 1 использовалась как земля, так и камни, в ряде захоронений зафиксированы каменное перекрытие и каменная обкладка гроба. Погребения кластера 1 совершены в основном в гробу. Захоронения кластера 2 совершались не только в гробу, но и в каменном ящике, а одно — в яме. Ориентация погребенных кластера 1 — либо на N, либо на NNO. В могилах кластера 2 встречены некоторые отклонения от данных направлений. Столь же непонятно распределяется и сопроводительный инвентарь. Встречаемость бус, костей овцы и козы в кластере 1 намного чаще, чем в кластере 2. Напротив пояс, наоборот, чаще встречался в кластере 2. Кроме этого, только в захоронениях кластера 1 отмечены бисер, шелк, лук, раковины, остатки лаковых изделий, ритуальная посуда, конское снаряжение, монеты, кости лошади. Только в кластере 2 попадались пуговицы, кольца и металлические стрелы. Руководствуясь последними данными, можно было бы предположить, что погребения кластера 1 принадлежат девочкам, тогда как погребения кластера 2 — мальчикам. Можно согласиться с С.А. Васютиным (1999), что не стоит относить большинство захоронений детей Дэрейстуйского могильника к жертвоприношениям. Во всяком случае, распределение детских погребений по кластерам не дает никаких оснований связывать какую-либо из групп и подгрупп с принесением в жертву.

Поскольку выборка захоронений могильника Черемуховая падь оказалась очень мала (соответственно по восемь мужских и женских захоронений), результаты кластерного анализа не дали адекватной картины о распределении социальных групп. Мужские погребения оказались разделенными на два примерно сопоставимых между собой кластера. При этом для кластера 1 характерен ряд признаков, связанных с оружием (кинжал, панцирь). Для кластера 2 характерно несколько признаков, связанных с пищей (палочки для еды, ложки, обильная тризна). Заманчиво было бы видеть в данных отличиях функциональные обязан-

ности погребенных. Однако интересно, что планиграфически погребения данных кластеров (за исключением объекта № 49) расположены неподалеку друг от друга (Коновалов 1976: 81, рис. 50).

Женские захоронения также разделились на два кластера. При этом могилы кластера 2 несколько богаче. Для них характерно большее количество сопроводительного инвентаря, чем в кластере 1, а также разнообразные украшения и многочисленные кости животных. Это дает основание предполагать наличие в структуре населения, оставившего данный могильник, двух социальных групп женщин. Первая оказалась, в целом, беднее второй.

Наибольший интерес представляют исследования могильника Ильмовая падь. Общая совокупность мужских погребений составила 29 захоронений, женских 16 и детских 7. В результате кластерного анализа мужские могилы резко разбиваются на три группы. В кластер 2 вошли три «элитных» кургана (№10, 40 и 54), для которых характерны значительные размеры надмогильных сооружений, сложность конструкции (дромос, мощные каменные перегородки, шелковая обивка гроба, подстилка из хвойных веток и шишек), богатый сопроводительный инвентарь.

Конструктивные особенности погребений субкластеров 1А и 1В примерно сопоставимы. Надмогильные сооружения — овалы (круглые) и прямоугольные каменные кладки. Преобладающий тип погребального сооружения — гроб в срубе. Погребения субкластера 1А, возможно, несколько «богаче» захоронений субкластера 1В (в первом субкластере присутствуют зеркала, игральные кости, панцирь, подвески, золотые украшения; во втором — остатки меховой одежды, ажурная поясная бляха, кольцо). В целом, в мужских захоронениях могильника Ильмовая падь выделяются три группы. Две из них принадлежал лицам достаточно высоко-го статуса. Третья группа — «элитные» курганы хуннуской знати.

Конструктивные особенности надмогильных сооружений женских погребений Ильмовой пади примерно сопоставимы. Однако по сопроводительному инвентарю субкластер 1А значительно отличается от субкластера 1В и кластера 2. В субкластере 1А встречаются палочки для еды, остатки меховой одежды, прочие предметы быта, костяной наконечник стрелы и остатки лука, керамика, лаковый сосуд, конское снаряжение, игральные кости, заупокойная пища (кости крупного и мелкого рогатого домашнего скота, диких животных). Резко выделяется, возможно, самое богатое захоронение этого субкластера погребение №43. Захоронения субкластера 1В практически безынвентарные. Только в погребении №18 была обнаружена керамика. Из сопроводительного инвентаря в кластере 2 были отмечены лишь «прочие предметы» быта, обкладки лука, в единичном экземпляре — керамика, остатки пояса, кости барана или овцы, кости какого-то дикого животного. В целом, это дает основание сделать вывод о наличии в социальной структуре населения, хоронившего умерших на территории Ильмовой пади, трех групп женщин.

Детские погребения из-за малочисленности выборки не удалось интерпретировать. Возможно, что некоторые могилы (№54А и 54Б) следует связывать с ритуальными человеческими жертвоприношениями (Миняев 1988: 102). В пользу этого говорят следующие обстоятельства: 1) захоронения располагаются в непосредственной близости от так называемого «княжеского» кургана №54; 2) оба захоронения детские (об этом свидетельствуют антропологические определения (в первом случае юноша, во втором ребенок) и небольшие размеры гробов (140–160 см); 3) сопутствующий инвентарь обоих захоронений беден; 4) в могиле 54А отсутствовал череп

погребенного; 5) захороненный в могиле №54Б был предварительно связан. На его поясе, выше таза, поверх костей, была обнаружена полоса (пояс?) спекшегося железа, состоявшая из отдельных звеньев, которые трудно было расчлениить. При внимательном рассмотрении удалось выяснить, что так называемый пояс состоял как бы из отдельных железных пластин. Под одной из них со следами заклепки были замечены остатки кожи, а на правой боковой пряжке — прилипшая ткань грубого плетения. При окончательной разборке пояса выяснилось, что основу его составлял кожаный ремень, на котором и были прикреплены все эти пластинки и пряжки. Одним словом, перед совершением жертвоприношения, ребенка предварительно связали ремнем и чем-то подобным цепи. Аналогичная «цепь» находилась на его ногах. Такая же цепочка железных звеньев была обнаружена на щиколотках, причем она связывала обе ноги. На правой ноге в спекшемся комочке можно было различить небольшое кольцо (Коновалов 1976: 66).

К сожалению, у нас нет данных относительно того, есть ли на костях погребенного следы насильственной смерти (черепные травмы, сломанные шейные позвонки и т.п.). Однако ритуальное убийство могло быть совершено без повреждения каких-либо костей. Поэтому, учитывая интересные наблюдения С.С. Миняева (1988, 1989), можно допустить, что в данных случаях — с погребениями №54А и 54Б — мы можем иметь дело с фактами совершенного обряда «соумирания». Существование его у хунну подтверждается письменными источниками: «...любимые слуги и наложницы следуют за умершим в могилу» (Лидай 1958: 17; Бичурин 1950а: 50; Материалы 1968: 40).

Тем не менее, это не единственно возможная интерпретация данных погребений. Имеются факты, которые не позволяют однозначно связывать так называемые цепи с низким статусом погребенных. Так, в могиле №51 памятника Черемуховая падь на поясе погребенного обнаружено несколько крупных железных колец, соединенных между собой либо кожаным ремнем, либо тканью. В процессе раскопок не удалось выяснить, были ли связаны этим «ремнем» руки захороненного. Однако ноги погребенного оказались скреплены неким подобием «цепи», на что указывают фрагменты связанных между собой кусочков железа (колец с кожаным ремнем), которые лежали на костях стопы обеих ног (Коновалов 1976: 116–117, табл. IX.-12, 14). Данное погребение никак нельзя отнести к бедным. На это указывают наличие гроба в срубe, в качестве сопроводительного инвентаря в могилу были положены колчан со стрелами, лук, серьга, лаковая чашечка, удила, пища для заупокойного потребления. Теоретически связывание могло быть обусловлено и иными целями — например, стремлением лишить покойного подвижности в загробной жизни. Таким образом, данная проблема требует дополнительной, более углубленной проработки.

Интерпретация результатов

На основе анализа письменных сочинений древнекитайских летописцев известно, что социальная структура хунну имела сложный характер. Высший уровень общественной пирамиды занимал шаньюй и его родственники (клан Люаньди). На следующей ступеньке находились представители других знатных кланов, племенные вожди, служилая знать. Далее располагалась самая массовая социальная группа общества — простые экономически независимые кочевники-скотоводы. Внизу социальной лестницы находились различные неполноправные категории:

обедневшие номады, полувассальное оседлое население (*цинъцы*), военнопленные-данники, занимавшиеся земледелием и ремеслом, а также, возможно, рабы (Крадин 2002).

На территории Забайкалья в эпоху хунну проживало как кочевое, так и оседлое население. Общее количество номадов, кочевавших на территории современной степной Бурятии, можно рассчитать на основе специальных методик, основанных на определении продуктивности пастбищных ресурсов (Железчиков 1984; Гаврилюк 1989, 1999, 2000; Тортика, Михеев, Кортиев, 1994; и др.). В общей сложности там могло проживать от 12 до 26 тыс. кочевников. В военном отношении это от 2–3 до 5 «тысяч» лучников. Можно предположить, что в совокупности с земледельческим населением они представляли самостоятельное воинское подразделение с военачальником в ранге так называемого «слабого» *ваньци* (темника), имевшего в подчинении около 5–7 тыс. воинов (Крадин 2000).

Изучение погребальных памятников хунну Забайкалья подтверждает тезис о многоуровневой социальной иерархии в империи, прослеживаемой в различных половозрастных и этнокультурных группах общества.

Мужские погребения разбиваются на несколько рангов, резко отличающихся между собой. Могильники выстраиваются в иерархическую лестницу. Самый верхний «этаж» занимают три кургана (№10, 40, 54) кластера 2 комплекса Ильмовая падь, который относится к так называемым элитным или царским курганам. Далее расположены захоронения субкластеров (1А и 1В) Ильмовой пади. Между ними имеются некоторые отличия. Погребения субкластера 1А, возможно, несколько «богаче».

За ними по близости погребального обряда и количеству сопроводительного инвентаря следуют погребения Черемуховой пади и Дырестуйского Култука. По всей видимости, мы должны говорить о полноправном населении общества хунну. В последнем могильнике выделяется три группы примерно одного общественного ранга.

В Иволгинском грунтовом могильнике выделено четыре общественных ранга. Самый низший — безынвентарные погребения кластера 1. Другие три группы сопровождаются различными категориями инвентаря. Вторая подгруппа (субкластер 2АВ) отличается от первой (субкластер 2АА) дополнительно наличием пояса, а третья (субкластер 2В) от второй наличием конского снаряжения.

Табл. 1. Мужские погребения хунну Забайкалья

Могильник	кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский	1	безынвентарные погребения
Могильник	2AA	погребения с инвентарем
	2AB	инвентарь + пояс
	2B	инвентарь + пояс + конское снаряжение
Дырестуйский	1B	разнообразный инвентарь
Култук	1A	более разнообразный инвентарь
	2	более разнообразный инвентарь с украшениями
Черемуховая	1	<i>дифференциации не выявлено</i>
Падь	2	
Ильмовая	1B	разнообразный инвентарь
Падь	1A	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)
	2	курганы элиты (№ 10, 40, 54)

Можно было бы попытаться привязать эти прослойки к конкретным социальным группам, известным по летописным источникам. Однако, на наш взгляд, это слишком преждевременно. Всегда необходимо помнить то, что археология имеет дело лишь с фрагментарными остатками некогда существовавшей культуры, как и то, что в нашем распоряжении имеется только лишь небольшая выборка фактических данных, и с каждым новым полевым сезоном наши знания о прошлом могут существенно корректироваться. По всей видимости, только при значительном расширении источниковой базы можно будет более определенно связать те или иные кластеры погребений с конкретными социальными группами общества хунну.

В то же время, интерпретируя результаты статистического анализа погребальных комплексов мужских захоронений, следует учитывать выдвинутое ранее предположение, что кочевое скотоводческое население Юго-Западного Забайкалья представляло собой самостоятельную административно-территориальную единицу имперской иерархии, возглавляемую вождем в ранге «темника» (Крадин 2000). Исходя из этого, можно предположить, что «элитные» курганы в могильниках Ильмовая падь, Оргойтон, Царам, Хухундэр были возведены в память высших региональных вождей и их ближайших родственников.

Кем они были: эмиссарами «золотого рода» Люаньди или же членами других знатных кланов (Хуянь, Лань, Сюйбу, Цюлинь)? Едва ли на данный вопрос можно будет получить точный ответ. Нельзя отрицать и вероятности, что часть из этих могильников могла принадлежать каким-либо группам элиты, борющейся за власть в период гражданской войны 60–36 гг. до н.э., или же была оставлена правителями какой-то из групп северных хунну уже после гибели степной империи. Очевидно одно. Власть на протяжении двух с лишним столетий переходила из рук в руки, что и отражает наличие на данной территории нескольких разных родовых могильников.

«Элитные» курганы резко противопоставлены захоронениям номадов, имевших более низкий статус. Здесь можно говорить как об отличиях в погребальном об-

ряде и разнообразии сопроводительного инвентаря между могильниками в целом, так и об отличиях между отдельными общественными группами (субкластерами погребений). Различия между отдельными курганными могильниками могли быть обусловлены разным статусом племенных и родовых коллективов, воздвигнувших эти погребальные комплексы, внутриэтнической (межплеменной) спецификой и хронологическими отличиями разных этапов истории хунну.

Количество труда, вложенное в захоронения курганных могильников Ильмовая и Черемуховая падь, Дырестуйский Култук, в целом, больше, чем затраты на погребения грунтового Иволгинского могильника. Это дает основания предположить, что статус кочевников-скотоводов был явно выше статуса жителей оседлых земледельческих поселений.

Дифференциация отдельных субкластеров внутри могильников отражает отличия между различными социальными рангами общества. Здесь по сопроводительному инвентарю особенно выделяются самые «богатые» захоронения (кластер 2, Ильмовая падь). Гораздо труднее решить, представителям каких общественных рангов хунну (старейшинам, простымномадам, рабам и т.д.) принадлежат погребения того или иного кластера (субкластера). Однако это не означает, что подобная интерпретация в будущем останется невозможной. В частности, вряд ли мы сильно ошибемся, если свяжем самые бедные погребения кластера 1 Иволгинского могильника с населением, имевшим рабский или полурабский статус.

Исследование совокупности женских захоронений показывает наличие иерархии и у представительниц слабого пола. Необходимо также отметить, что почти в половине из выделенных кластеров (субкластеров) женских захоронений встречаются предметы вооружения. Это вроде подтверждает хорошо известный по письменным и археологическим источникам факт об активном участии женщин в военной жизни степняков (Смирнов 1964: 201; Хазанов 1975: 85–86; Кулемзин 1980: 166–167; Бунятян 1985: 71; Бойко 1986: 18; Полосьмак 1997: 42, 2001: 276–277; и др.). Однако не находит объяснения факт, что среди оседлого населения (в трех из пяти субкластерах Иволгинского могильника) предметы вооружения встречались несколько чаще, чем среди спутниц кочевников-мужчин.

Табл. 2. Женские погребения хунну Забайкалья

могильник	Кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский	1В	безынвентарные погребения
могильник	1АА	керамика
	1АВ	инвентарь (в т.ч. керамика)
	2А	более разнообразный инвентарь (в том числе конское снаряжение, монеты, украшения)
	2В	еще более разнообразный инвентарь, заупокойная тризна
Дырестуйский	1В	разнообразный инвентарь, тризна
Култук	2	разнообразный инвентарь, тризна+КРС*, вооружение
	1А	еще более разнообразные украшения, тризна+КРС
Черемуховая Падь	2	более разнообразный инвентарь
	1	разнообразный инвентарь
Ильмовая	1В	бедный инвентарь
Падь	2	разнообразный инвентарь
	1А	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)

В захоронениях наиболее знатного могильника Ильмовой пади выделяются три социальных ранга: наиболее «богатые» погребения относятся к субкластеру 1А. Более бедные погребения относятся к кластеру 2. Погребения женщин с самым низким статусом относятся к субкластеру 1В.

В женских захоронениях Черемуховой пади, в отличие от мужских, выделено два общественных слоя: несколько более «богатые» погребения кластера 2 и несколько более «бедные» могилы кластера 1.

Анализ погребений могильника Дырестуйский Култук выявил существование трех социальных подгрупп. Группа 1В сопровождается обычным для простых захоронений инвентарем. Она более бедна, чем группы 1А и 2. Однако между последними группами также есть некоторые отличия. В кластере 2 найдено оружие, кластер 1А отличается большим количеством и разнообразием украшений.

Гораздо более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях Иволгинского могильника. Там выявлено пять рангов. Первая группа погребений (1В) — безынвентарная, во второй (1АА) встречается только керамика, в третьей (1АВ) появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой (2А) он становится разнообразнее (в том числе фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой (2В) данные признаки уже массовые, заупокойная тризна более разнообразна.

Как и в погребениях взрослых, в детских захоронениях фиксируется отчетливая разница между курганными (Ильмовая падь, Дырестуйский Култук) и грунтовыми (Иволгинский могильник) погребальными комплексами. Лучше всего социальная дифференциация прослеживается в Иволгинском могильнике, где совокупность

детских погребений распределяется на три группы: безынвентарные погребений (субкластер 2ААВ), захоронений с керамикой (субкластер 2ААА), погребений с разнообразным сопроводительным инвентарем (субкластер 2АВ). Отдельно следует рассматривать погребения в сосуде кластера 1, которые условно обозначены как «младенческие».

Табл. 3. Детские погребения хунну Забайкалья

могильник	Кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский	1	<i>погребения в сосуде</i>
могильник	2ААВ	безынвентарные погребения
	2ААА	керамика
	2АВ	инвентарь (в т.ч. керамика)
Дырестуйский	1А	инвентарь (девочки ?)
Култук	2	инвентарь (мальчики ?)
Ильмовая падь		<i>дифференциации не выявлено</i>

При сопоставлении различных кластеров погребений детей разных могильников выясняется, что по разнообразию сопроводительного инвентаря, они могут быть объединены в две группы: 1) безынвентарные и «бедные» погребения Иволгинского могильника (кластер 1, субкластеры 2ААА, 2ААВ, 2В); 2) погребения Дырестуйского Култук и Ильмовой пади, к которым примыкает субкластер 2АВ Иволгинского могильника. В целом, это дает основание проследить определенную дифференциацию среди захоронений детей, выделение «богатых» и «бедных» погребений.

Однако необходимо иметь в виду, что в данном случае разнообразие погребального инвентаря далеко не всегда может служить отражением статуса. Если допустить, что ряд погребений детей можно связывать с жертвоприношениями, которые давно были известны у хунну из летописей (Лидай 1958: 17; Бичурин 1950а: 50; Материалы 1968: 40), то богатство инвентаря, скорее, должно выступать показателем высокого социального статуса погребенных мужчин.

Разумеется, все сформулированные нами выводы и предположения не претендуют на окончательные. Слишком уж мало имеется в настоящее время материалов для исследования и интерпретации (всего четыре могильника), практически неразработанными остаются вопросы хронологии памятников хунну. Однако хотелось бы надеяться, что полученные результаты помогут в дальнейшем изучении различных проблем. В то же самое время необходимо иметь в виду, что реконструкция социальной структуры по данным археологии демонстрирует только существующие тенденции, однако конкретное соотношение социальных групп различных рангов зависит от имеющейся выборки данных (Тихонов 1989а). Нельзя забывать, что Забайкалье являлось северным пограничным форпостом империи хунну. Там обитала одна или несколько периферийных племенных групп или вожеств, входивших в состав имперской конфедерации. Этот факт необходимо учитывать, в случае экстраполяции сделанных нами выводов на все общество хунну в целом.

На территории собственно Монголии имеются гораздо более пышные погребальные комплексы хуннской элиты, принадлежащие не провинциальным вождям, а представителям Золотого рода Люаньди. Определенно ясно, что несколько другую функциональную роль выполняли и городища хунну на территории Монголии (иначе чем объяснить, например, отсутствие черепицы на городищах в Бурятии). Можно также допустить, что при исследовании массива погребений из Монголии будут выделено несколько иное количество социальных групп, другим будет и соотношение между ними. Однако рассмотрение всех этих вопросов, также как и проблема хронологии и локальных вариантов культуры хунну — это, несомненно, задача других исследований, для осуществления которых предварительно необходимо систематизировать всю имеющуюся информацию о раскопанных погребениях хунну на территории России, Монголии и Китая.

(Footnotes)

* КРС — крупный рогатый скот.

СОКРАЩЕНИЯ

АГУ — Алтайский государственный университет
АН МНР — Академия наук Монгольской Народной Республики
АН СССР — Академия наук СССР
АПН — Академия педагогических наук
АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион
БГПУ — Благовещенский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
БФ СО АН СССР — Бурятский филиал Сибирского отделения РАН
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского Географического Общества
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ДВГУ — Дальневосточный государственный университет
ДВНЦ АН СССР — Дальневосточный научный центр Академии наук СССР
ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской академии наук
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГИ АН РС (Я) — Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия)
ИИФФ АН СССР — Института истории, филологии и философии СО АН СССР
ИОКМ — Иркутский объединённый краеведческий музей
ИОН БНЦ СО РАН — Институт общественных наук Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАЭ — Материалы по археологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РАН — Российская академия наук
РАСК — Региональная археологическая студенческая конференция
СА — Советская археология
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ — Советская этнография
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт
ТГУ — Томский государственный университет
ЦСН — Центр сохранения наследия
ЧГПИ — Читинский государственный педагогический институт
ЭО — Этнографическое обозрение

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в 2000г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231
Электронная почта: info@ino-center.ru,
Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования Российской Федерации (Минобразование России) является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в области образования и координирующим деятельность учреждений высшего и среднего профессионального образования, научных и иных организаций системы образования, аттестацию научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Минобразование России участвует совместно с другими федеральными органами исполнительной власти в формировании и реализации государственной научной и научно-технической политики. Разрабатывает федеральные целевые, межгосударственные и межведомственные программы и проекты в области образования, научной деятельности и молодежной политики. Обеспечивает выполнение обязательств Российской Федерации, вытекающих из договоров с иностранными государствами по вопросам образования, международного сотрудничества в области молодежной политики, а также программ международного научно-технического сотрудничества, межведомственных договоров и соглашений.

В структуру Минобразования России входят несколько сот вузов и научных организаций. В составе вузов имеются: проблемные научно-исследовательские лаборатории, технопарки, НИИ, конструкторские бюро, инженерные, научные и методические центры, опытные производства. В вузах и организациях работают около двухсот тысяч человек профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» — российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) — частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) — международная благотворительная организация, учрежденная финансистом и филантропом Джорджем Соросом. Институт «Открытое общество» инициирует и поддерживает программы в области образования, культуры и искусства, здравоохранения, гражданских инициатив, способствующие развитию идей и механизмов открытого общества. Представительства Фонда работают более чем в 30 странах. Руководящие органы расположены в Нью-Йорке и Будапеште. Центральный офис Представительства Фонда Сороса в России находится в Москве, отделения — в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Новосибирске.

СОЦИОГЕНЕЗ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Сборник научных трудов

Часть 1

Корректурa Н.В.Родионова
Макет И.С.Карнышева

Подписано в печать 7.04.2005 г. Формат 70x100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л.35.
Уч.-изд. л. 37,5. Тираж 300 экз. Заказ № 176.

ИД № 06560 от 26.12.2001 г.
Издательство Иркутского государственного технического университета
664074, г.Иркутск, ул.Лермонтова, 83
e-mail: archeo@istu.irk.ru; histor@istu.irk.ru; human@istu.irk.ru

Отпечатано в типографии «Географ»
г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

